

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

4
2026

VESTNIK RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series
Academic Journal

There are 6 issues of the journal a year.

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of peer-reviewed scientific journals and other editions (category K-1) for publishing Ph.D. research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.5. Political sciences:

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relations, global and regional studies

5.6. Historical sciences:

5.6.1. Russian history

5.6.2. World history

5.6.5. Historiography, source study, methods of historical research

5.6.7. History of international relations and foreign policy

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is open to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and MassMedia, reg. no. FS77-61886 of 25.05.2015. Changes have been made to the media registration record due to a change in the name, clarification of the subject – reg. no. FS77-73405 of 03.08.2018

Editorial staff office: 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047

e-mail: panov.a@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»
Научный журнал

Выходит 6 номеров печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К-1) по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.5. Политические науки:

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

5.6. Исторические науки:

5.6.1. Отечественная история

5.6.2. Всеобщая история

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерениях.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС77-61886 от 25 мая 2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.

Адрес редакции: 125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской, Миусская пл., д. 6, стр. 6

Электронный адрес: panov.a@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

O.V. Pavlenko, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

P.A. Alipov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

I.B. Antonova, Cand. of Sci. (Pedagogics), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.A. Andreev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Sciences), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

D.O. Vakarchuk, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Sciences), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

N.V. Grishin, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Z.A. Dadabaeva, Dr. of Sci. (Political Science), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.V. Illeritskaya, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.L. Iurganov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.S. Khristoforov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. of Sci. (Law), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

A.K. Magomedov, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

V.S. Mirzekhanov, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation
A.S. Panov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)
O.V. Popova, Dr. of Sci. (History), professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation
P. Ruggenthaler, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria
E.Yu. Sergeyev, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation
A.A. Spasov, Cand. of Sci. (Political Science), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)
A.S. Usatchev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
A. Filler, Ph.D., University Paris VIII, Paris, France
D.S. Foglesong, professor, Rutgers University, New Jersey, USA
T.A. Shakleina, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs, Russia, Moscow, Russian Federation
B. Shtetzel-Marks, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria

Executive editors:

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, RSUH
L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), professor, RSUH
A.S. Panov, Cand. of Sci. (History), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

О.В. Павленко, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

П.А. Алипов, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И.Б. Антонова, кандидат педагогических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Д.О. Вакарчук, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.Н. Грачев, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Н.В. Гришин, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

З.А. Дадабаева, доктор политических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.В. Иллерицкая, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.К. Магомедов, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.С. Мелкумян, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.С. Мирзеханов, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация

- А.С. Панов*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*);
- О.В. Попова*, доктор политических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация
- П. Руггенталер*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- Е.Ю. Сергеев*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.А. Спасов*, кандидат политических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)
- А.С. Усачев*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация;
- А. Филлер*, Ph.D., Университет Париж VIII, Франция
- В.С. Христофоров*, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)
- Л.А. Халилова*, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Т.А. Шаклеина*, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация
- Б. Штельцель-Маркс*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- А.Л. Юрганов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск:

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, РГГУ

Л.А. Халилова, кандидат филологических наук, профессор, РГГУ

А.С. Панов, кандидат исторических наук, доцент, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Международные отношения: история, историография, методология

Игорь В. Крючков, Татьяна В. Пантюхина

Массовая миграция как бизнес: роль трансатлантических компаний
в эмиграции из Австро-Венгрии в США на рубеже XIX–XX вв. 12

Дмитрий Р. Захаров

Проблема ирландского нейтралитета в восприятии британской
политической элиты в сентябре 1939 – мае 1940 г. 22

Павел А. Доценко

«Возвращение в Европу»: историческая политика
и реконструкция национальных нарративов в странах
Восточной Европы (1990–2009 гг.) 37

Богдан А. Авдеев

«Избегающая привязанность» по-американски:
парадоксы политики администрации Дж. Байдена
по отношению к ООН 51

Владислав С. Севрюк, Мария Д. Матвеева

Характеристика и эволюция понятия «публичная дипломатия»
в современной науке 72

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

Алексей И. Сенников

Сирийско-израильская конфронтация первой половины 1960-х гг.
в ближневосточной политике США 92

Гияс Мохаммад Диб, Сергей Л. Медведев

Российская стратегия в Сирии в условиях управляемой
стабилизации: новые политические форматы
и вызовы постконфликтного урегулирования (2022–2024 гг.) 114

Стефан А. Сайфутдинов

Саммиты БРИКС 2024 и 2025 гг. как символы формирования
мирового порядка 125

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

Елена Н. Якутина

Медиакоммуникации и массовая культура как инструменты формирования фашистского режима в Италии 141

Игорь А. Тимошкин

Социалистическая интеграция и кластеры международного регионализма: сравнительно-исторический анализ 162

*Максим С. Григорьев, Александр В. Гуцин,
Александр С. Левченков*

Раскол православия и религиозная дискриминация на Украине (1990-е – первая половина 2020-х гг.) 177

Вячеслав В. Ахмадуллин

Совершенствование системы здравоохранения Королевства Саудовская Аравия в соответствии с программой «Видение 2030» 199

Книжная полка

Наталья В. Давлетишина

«Мосты, пылающие сзади». Рецензия на книгу:
Гузенкова Т.С. История и антропология будущего России.
М.: ИЭА РАН, 2025. 420 с. 226

Научная жизнь

Иван А. Цветков

Тематический ландшафт и методологический арсенал современной российской американистики: обзор научной конференции «США-250: история, политика, память» (ИСКРАН – РГГУ, Москва, 15–17 апреля 2026 г.) 236

CONTENTS

International Relations: History, Historiography and Methodology

<i>Igor V. Kryuchkov, Tatiana V. Pantyukhina</i> Mass migration as business: the role of transatlantic companies in emigration from Austria-Hungary to the USA at the turn of the 19 th – 20 th centuries	12
<i>Dmitrii R. Zakharov</i> The problem of Irish neutrality in the perception of the British political elite in September 1939 – May 1940	22
<i>Pavel A. Dotsenko</i> “Return to Europe”: historical politics and the reconstruction of national narratives in the Visegrad countries (1990–2009)	37
<i>Bogdan A. Avdeev</i> American-style “avoidant attachment”: vicissitudes of J. Biden’s policy towards the United Nations	51
<i>Vladislav S. Sevriuk, Maria D. Matveeva</i> Characteristics and evolution of the concept of “public diplomacy” in contemporary science	72

Countries and Regions of the World: Development Dynamics and Models of Cooperation

<i>Alexey I. Sennikov</i> The Syrian-Israeli confrontation of the first half of the 1960s in the United States Middle East policy	92
<i>Ghiath Mohamad Deeb, Sergei L. Medvedko</i> Russian strategy in Syria under managed stabilization: new political formats and challenges of the post-conflict settlement (2022–2024)	114
<i>Stefan A. Sayfutdinov</i> BRICS 2024 and 2025 summits as the symbols of world order shaping	125

Sociopolitical Processes in the Past and in the Present

<i>Elena N. Yakutina</i> Media communications and mass culture as tools for forming a fascist regime in Italy	141
---	-----

<i>Igor A. Timoshkin</i> Socialist integration and the clusters of international regionalism: a comparative historical analysis	162
<i>Maksim S. Grigoriev, Aleksandr V. Gushchin, Aleksandr S. Levchenkov</i> The schism in Orthodoxy and religious discrimination in Ukraine (the 1990s – the first half of the 2020s)	177
<i>Vyacheslav V. Akhmadullin</i> Enhancing the healthcare system of the Kingdom of Saudi Arabia in accordance with “Vision 2030”	199

Bookshelf

<i>Natalia V. Davletshina</i> “Bridges burning behind”. [Book review]: <i>Guzenkova T.S.</i> Istoriya i antropologiya budushchego Rossii [History and anthropology of Russia’s future]. Moscow: IEA RAS, 2025. 420 p.	226
--	-----

Academic Life

<i>Ivan A. Tsvetkov</i> Thematic landscape and methodological arsenal of contemporary Russian American Studies: a review of the academic conference “USA-250: History, Politics, Memory” (ISKRAN – RSUH, Moscow, April 15–17, 2026)	236
---	-----

Международные отношения: история, историография, методология

УДК 325(73+43)

DOI: 10.28995/2073-6339-2026-4-12-21

Массовая миграция как бизнес: роль трансатлантических компаний в эмиграции из Австро-Венгрии в США на рубеже XIX–XX вв.

Игорь В. Крючков

*Северо-Кавказский федеральный университет,
Ставрополь, Россия, igory5@yandex.ru*

Татьяна В. Пантюхина

*Северо-Кавказский федеральный университет,
Ставрополь, Россия, pantyukhina@rambler.ru*

Аннотация. Актуальность и новизна работы определяется отсутствием в отечественной литературе специального исследования деятельности компаний по пассажирским морским перевозкам как фактора Австро-Венгерской трансатлантической миграции на рубеже XIX–XX вв. Цель работы – изучение взаимодействия судоходных компаний с главными акторами миграционных процессов: мигрантами, правительствами, компаниями-конкурентами в бизнесе трансатлантических перевозок. Исследование опирается преимущественно на американские источники, для анализа которых были задействованы сравнительный и нарративный методы. Авторы пришли к выводу, что к концу XIX в. судоходные компании подняли трансатлантические пассажирские перевозки до уровня большого бизнеса, с жестко регулируемым картелированным рынком. Они играли роль посредников между эмигрантами и государством, оказывали влияние на формирование миграционной политики государства, на практику ее реализации или уклонения от нее. Правительства обеих частей империи пытались поставить под контроль морские перевозки своих эмигрантов, рассчитывая таким способом решить эмиграционный кризис. Соединенные Штаты, как главный бенефициар массовой эмиграции рабочих рук из империи, в деятельность европейских перевозчиков не вмешивались, ограничившись изучением вопроса и последующими слушаниями в Сенате.

© Крючков И.В., Пантюхина Т.В., 2026

Ключевые слова: трансатлантическая миграция, массовая эмиграция, Австро-Венгрия, США, судоходные компании, иммиграционное законодательство

Для цитирования: Крючков И.В., Пантюхина Т.В. Массовая миграция как бизнес: роль трансатлантических компаний в эмиграции из Австро-Венгрии в США на рубеже XIX–XX вв. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 4. С. 12–21. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-4-12-21

Mass migration as business:
the role of transatlantic companies
in emigration from Austria-Hungary to the USA
at the turn of the 19th – 20th centuries

Igor V. Kryuchkov

*North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia,
igory5@yandex.ru*

Tatiana V. Pantyukhina

*North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia,
pantyukhina@rambler.ru*

Abstract. The relevance of the paper is determined by the lack in the Russian literature of a special study of the maritime aspects of emigration from Austria-Hungary to the USA at the turn of the 19th – 20th centuries. The objective of the paper is to examine the role of shipping lines in the migratory processes through their interaction with the three main actors: migrants, the governments and the steamship companies involved in the business. The study is based on the American sources, for the analysis of which comparative and narrative methods were used. By the end of the 19th century, the steamship companies had raised transatlantic passenger transportation to the level of big business with a highly cartelized and regulated market. They organized the transatlantic migrant agent network, their direct link to the emigrants, throughout the Empire. They played the role of intermediaries between the emigrant and the state in terms of the enactment, enforcement or evasion of migration policies. Both Austrian and Hungarian governments unsuccessfully tried to put them under control. The USA, as the main beneficiary of the mass emigration of workforce from the Empire, did not interfere in the activities of the European carriers.

Keywords: transatlantic migration, mass emigration, Austria-Hungary, USA, shipping companies, immigration legislation

For citation: Kryuchkov, I.V. and Pantyukhina, T.V. (2026), "Mass migration as business: the role of transatlantic companies in emigration from Austria-Hungary to the USA at the turn of the 19th – 20th centuries", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 12–21, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-4-12-21

Введение

При всей разработанности темы эмиграции из Австро-Венгрии в США вне поля зрения отечественных историков остался один важный аспект, а именно роль судоходных компаний, занимавшихся трансатлантическими пассажирскими перевозками. В новейшей зарубежной историографии темой морских пассажирских перевозок из Европы в Америку занимались Д. Килинг [Keeling 1999, pp. 195–213; Keeling 2005], Т. Фейс [Feys 2016, pp. 151–162], А. Калк [Kalc 2013, pp. 127–140]. Отдельные аспекты эмиграции из империи Габсбургов изучали А. Стейдл [Steidl 2020], Т. Заха [Zahra 2013, pp. 161–193], И. Вида [Vida 2013, pp. 51–64]. Роль судоходных компаний в миграционных процессах рубежа XIX–XX вв. оценивается по-разному. Так, Д. Килинг считает их второстепенными акторами, поскольку они находились в зависимости от экономических циклов, паттернов «цепной миграции» и миграционной политики правительств – то есть тех сил, которые действительно определяли миграционное движение [Keeling 2005, p. 19]. Т. Фейс придерживается противоположного мнения, называя эти компании «двигателями» трансатлантической миграции [Feys 2016, p. 156].

Целью статьи является изучение роли европейских трансатлантических судоходных компаний в эмиграции из Австро-Венгрии в США, для чего необходимо выявить их взаимодействие с тремя главными акторами миграционных процессов: эмигрантами, правительствами и компаниями-конкурентами в бизнесе. Исследование опирается на американские источники, не задействованные отечественными историками: дипломатическую переписку Госдепартамента США, материалы Иммиграционной комиссии США, представленные Конгрессу, прессу.

Судоходные компании и эмигранты

Связующим звеном между эмигрантом и судоходной компанией выступали эмиграционные агентства, выполнявшие функции современных турагентств. С практической точки зрения переезд

был сложной задачей для выходцев из восточных и южных регионов империи – людей, как правило, малограмотных, не говорящих на иностранных языках, многие из которых никогда не покидали пределов своей деревни. Они объективно нуждались в содействии профессионалов. Сеть агентств развивалась столь успешно, что к 1900 г. стало обычным делом купить билет на пароход в Америку в любой деревне империи. Крупные немецкие и английские агентства нанимали субагентов из числа местных жителей, например, владельцев гостиниц, учителей, священников, которые распространяли информацию о перспективах эмиграции и давали советы, как найти «лучший, кратчайший и дешевый путь» в Америку.

Активность эмиграционных агентов оказалась в центре внимания в обеих частях империи. Австрийская пресса обвиняла их в том, что, действуя методами обмана, запугивания и насилия, они принуждают простых людей к переезду за океан, при этом устанавливая грабительские цены на свои услуги. Австрийский еженедельник “Die Wiener Wochenzeitung” назвал их «отъявленными негодяями и бессердечными злодеями», от которых страдают простые крестьяне: «Крестьянин Галиции, не имеющий ничего, кроме трех акров земли и одной коровы, становится жертвой волка в овечьей шкуре, который отбирает у него эти три акра и корову»¹. Пропагандистскую активность эмиграционных агентов газеты называли главной причиной эмиграционного бума². Такого же мнения придерживались политики и официальные власти, как следует из пояснительной записки венгерского правительства к эмиграционному закону 1903 г.³

Судоходные компании и правительства

Деятельность судоходных компаний, как, впрочем, большой бизнес в целом, в ту эпоху не подвергалась государственному регулированию или каким-то серьезным ограничениям. Опосредован-

¹ Grant to Blaine. Legation of the US, Vienna, Nov. 27, 1889. Inclosure 3 in No. 44: Emigration ыwindle in Galicia. Translation from the Vienna Weekly News. Nov. 26, 1889. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1889/d19> (дата обращения: 12.01.2026).

² Ibid.

³ Storer to Hay. American Legation. Vienna, May 18, 1903. Inclosure 2 in No. 37: Report of reasons for the Mil of regulation of emigration. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1904/d47> (дата обращения: 14.01.2026).

ной формой воздействия властей на морских перевозчиков стала борьба с эмиграционными агентствами. Для правительств обеих частей империи они оказались удобной мишенью в поисках виновников массового оттока населения, т. е. рабочих рук и потенциальных призывников в армию. Попытка поставить под правительственный контроль эмиграционные агентства была предпринята в 1881 г. в Венгрии. Закон 1881 г. вводил лицензирование эмиграционных агентств⁴. Однако с 1881 г. и до принятия следующего эмиграционного закона в 1903 г. ни одно агентство не обратилось в Министерство внутренних дел Венгрии за лицензией⁵.

В австрийской части империи эмиграционных агентов преследовали посредством уголовного законодательства. Показательным примером был судебный процесс 1889 г. в г. Вадовице (Галиция), который стал новостным событием международного масштаба. Примечательно, что американский диппредставитель в Вене отправлял в Госдепартамент США репортажи австрийской прессы о ходе процесса и его общественном резонансе⁶.

Борьба с эмиграционными агентами в Австрии приобрела особый размах накануне надвигавшейся войны, когда австрийское военное ведомство столкнулось с проблемой нехватки призывников в армию. Эмиграционная паника 1912–1914 гг. достигла апогея в судебном деле С. Альтмана, генерального представителя Канадской тихоокеанской железнодорожной компании (CPR), которая также была судоходной компанией. Поскольку Альтман имел американское гражданство, дело приобрело статус дипломатического инцидента и нашло широкое освещение в американской прессе, в том числе в Нью Йорк Таймс⁷. Основываясь на собственных источниках, газета сообщила, что причиной преследований стало обвинение со стороны австрийского военного ведомства в том, что серьезное сокращение численности мужчин призывного возраста в Галиции явилось результатом деятельности CPR. Об этом прямо было сказано в меморандуме австрийского военного министра⁸.

⁴ Storer to Hay. American Legation. Vienna, May 18, 1903. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1904/d47> (дата обращения: 14.01.2026).

⁵ Ibid.

⁶ Grant to Blaine. Legation of the US, Vienna, Nov. 27, 1889. Inclosure 1 in No. 44: Trade of ymigrants to America. Translation from the Fremden Blatt. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1889/d19> (дата обращения: 14.01.2026).

⁷ New York Times. 1913. Oct. 18; Oct. 19; Nov. 17.

⁸ New York Times. 1913. Oct. 18.

Судоходные компании: конкуренция в бизнесе морских перевозок

В 1892 г. морские перевозчики образовали картель «Северо-атлантическая корабельная ассоциация», в которой были определены квоты на перевозки для участников и квоты для портов отправления [Keeling 1999, pp. 200–201]. Эмигранты из Австро-Венгрии обычно отправлялись из ближайших к ним портов Гамбурга и Бремена, так что немецкие судоходные компании были более популярны, нежели английские или голландские.

В начале XX в. правительства обеих частей империи предприняли попытку поставить под контроль трансатлантические перевозки, сдвинув традиционные маршруты из северной Атлантики. В 1903 г. были запущены новые маршруты в Америку из Триеста и Фиуме (Риеки). В австрийской части империи перевозками из Триеста занималась австрийская судоходная компания *Австро-Американа*. Правительство предоставило ей привилегии, которые должны были обеспечить ей конкурентные преимущества на рынке трансатлантических перевозок. Однако трафик оказался довольно скромным: по подсчетам А. Калка, с 1903 г. и до августа 1914 г. только 7% австрийских эмигрантов воспользовались услугами этой компании [Kalc 2013, p. 132].

В венгерской части империи правительство в 1904 г. заключило контракт с английской компанией *Кунард Лайн* на открытие линии Фиуме – Нью-Йорк. Данный контракт, а также иммиграционный закон Венгрии 1903 г. и последующие распоряжения правительства предусматривали меры, монополизировавшие отправку эмигрантов в Америку английской компанией исключительно через национальный порт Фиуме. Была развернута широкая рекламная кампания. Американский иммиграционный агент М. Браун в отчете писал о «новом рекламном трюке и хитроумной системе склонения людей к эмиграции через Фиуме» посредством восторженных описаний путешествия на борту пароходов *Кунард Лайн*, которые публиковали газетные репортеры, нанятые с этой целью⁹.

Венгерские власти прибегали к сомнительным с юридической точки зрения мерам: отказ в выдаче паспортов своим гражданам, купившим билеты на корабли других судоходных компаний, за-

⁹ *Brown M.* Immigration abuse; glimpses of Hungary and Hungarians; a narrative of the experiences of an American immigrant inspector while on duty in Hungary, together with a brief review of that country's history and present troubles. N.Y.: Pearson advertising Co., 1906. P. 11. URL: <https://archive.org/details/cu31924021182765> (дата обращения: 14.01.2026).

держка на венгерской границе пассажиров с билетами на корабли, отправлявшиеся из германских или английских портов. Многочисленные жалобы поступали в американское посольство в Вене, поскольку политика рестрикций распространялась также на пассажиров, имевших американское гражданство¹⁰.

Протекционистская политика венгерских властей в отношении *Кунарда Лайн* ущемляла интересы корабельного картеля. Если Австро-Американа мирно договорилась с ним о квотах на перевозки эмигрантов, то появление английского конкурента на новых маршрутах остальные перевозчики восприняли как открытие Адриатического фронта в войне за эмигранта. Картель ответил ценовой войной и яростной рекламной кампанией против *Кунарда Лайн*, одной из целей которой было убедить власти США в том, что Венгрия нарушает американское иммиграционное законодательство. Следует признать, что кампания достигла цели: контракт венгерского правительства с *Кунарда Лайн* привлек внимание и Сената, и Госдепартамента США. В Венгрию был направлен представитель Иммиграционной комиссии США М. Браун с целью изучения ситуации, а Госдепартамент подверг критике эмиграционную политику венгерского правительства и монопольный статус *Кунарда Лайн*, о чем свидетельствует оживленная переписка Госдепартамента со своими диппредставителями в империи и с австрийским дипломатическим ведомством¹¹.

На критику Госдепартамента посольство Австро-Венгрии ответило достаточно жестким меморандумом, в котором признавало меры венгерских властей законными и преследующими правомерные цели¹². Госдепартамент был удовлетворен таким объяснением. Впрочем, венгерскому правительству пришлось уже через год после заключения контракта признать, что *Кунард* не в состоянии в одиночку справиться с эмиграционными потоками из Венгрии. К перевозке эмигрантов из Венгрии были допущены другие компании¹³.

¹⁰ Transportation of emigrants from Hungary (Doc. 52–60). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1904/ch16> (дата обращения: 14.01.2026); Transportation of emigrants from Hungary (Doc. 94–102). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1905/ch20> (дата обращения: 14.01.2026).

¹¹ Transportation of emigrants from Hungary (Doc. 52–60). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1904/ch16> (дата обращения: 14.01.2026).

¹² Hengelmüller to Hay. Austro-Hungarian Embassy. Washington, Apr. 18, 1904. Inclosure: Memorandum. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1904/d48> (дата обращения: 14.01.2026).

¹³ Brown M. Op. cit. P. 41–42.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что трансатлантическая миграция из Австро-Венгрии в США на рубеже XIX–XX вв. представляла собой не только крупный демографический сдвиг, но и масштабный международный транспортный бизнес. Трансатлантические судоходные компании полностью контролировали рынок перевозок. Они создали сеть своих агентов, которые напрямую работали с эмигрантами. Они играли роль посредников между эмигрантами и государством (Австро-Венгрией), оказывая влияние на формирование миграционной политики, на практику ее реализации или же, наоборот, находили пути обхода требований миграционного законодательства. Правительства обеих частей империи пытались поставить под контроль морские перевозки своих эмигрантов, рассчитывая таким способом решить эмиграционный кризис. Однако предпринятые меры законодательного и административного характера, сопровождавшиеся широкой медийной поддержкой, успеха не имели. Что касается принимающей стороны, то США, как главный бенефициар массовой эмиграции рабочих рук из империи, в деятельность европейских перевозчиков не вмешивались, ограничившись изучением вопроса и последующими слушаниями в Сенате. Собственным флотом, способным на транспортировку масс эмигрантов из Австро-Венгрии – одной из главных европейских стран-доноров, США не обладали.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта Российского научного фонда № 25-28-01944.

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Science Foundation (RSF), project no. 25-28-01944.

Литература

Feys 2016 – Feys T. Transoceanic shipping, mass migration, and the rise of modern-day international border controls // *Mobility in History*. 2016. Vol. 7. P. 151–162.

- Kalc 2013 – Kalc A. Trieste as a port of emigration from East and Southeast Europe // East Central Europe in exile / ed. by A. Zachorowska-Mazurkiewicz. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 127–140.
- Keeling 1999 – Keeling D. Transatlantic shipping cartels and Migration between Europe and America, 1880–1914 // Essays in Economic and Business History. 1999. No. 17. P. 195–213.
- Keeling 2005 – Keeling D. The Economics of Migrant Transport between Europe and the United States, 1900–1914. Berkeley: UC Berkeley, 2005 (UC World History Workshop). URL: <https://escholarship.org/uc/item/24374543> (дата обращения: 14.01.2026).
- Steidl 2020 – Steidl A. On many routes. Internal, European and transatlantic migration in the late Habsburg empire. West Lafayette, Indiana: Purdue University Press, 2020. 372 p.
- Vida 2013 – Vida I.K. “The new world is an other world”: Hungarian transatlantic emigrants’ handbooks and guidebooks, 1900–1919 // Hungarian Cultural Studies (e-Journal of the American Hungarian Educators Association). 2013. Vol. 6. P. 51–64. URL: <https://ahea.pitt.edu/ojs/ahea/article/view/112> (дата обращения: 24.01.2026).
- Zahra 2013 – Zahra T. Travel agents on trial: Policing mobility in East Central Europe, 1889–1989 // Past and Present. 2014. Vol. 223. Iss. 1. P. 161–193.

References

- Feys, T. (2016), “Transoceanic shipping, mass migration, and the rise of modern-day international border controls”, *Mobility in History*, vol. 7, pp. 151–162.
- Kalc, A. (2013), “Trieste as a port of emigration from East and Southeast Europe”, in Zachorowska-Mazurkiewicz, A., ed., *East Central Europe in exile*, Cambridge Scholars Publishing, Newcastle upon Tyne, UK, pp. 127–140.
- Keeling, D. (1999), “Transatlantic shipping cartels and migration between Europe and America, 1880–1914”, *Essays in Economic and Business History*, no. 17, pp. 195–213.
- Keeling, D. (2005), *The economics of migrant transport between Europe and the United States, 1900–1914*, UC World History Workshop, UC Berkeley, USA, available at: <https://escholarship.org/content/qt24374543/> (Accessed 14 Jan. 2026).
- Steidl, A. (2020), *On many routes. Internal, European and transatlantic migration in the late Habsburg empire*, Purdue University Press, West Lafayette, Indiana, USA.
- Vida, I.K. (2013), “‘The new world is an other world’ Hungarian transatlantic emigrants’ handbooks and guidebooks, 1900–1919”, *Hungarian Cultural Studies. e-Journal of the American Hungarian Educators Association*, vol. 6, pp. 51–64, available at: <https://ahea.pitt.edu/ojs/ahea/article/view/112> (Accessed 24 Jan. 2026).
- Zahra, T. (2013) “Travel agents on trial: policing mobility in East Central Europe, 1889–1989”, *Past and Present*, vol. 223, iss. 1, pp. 161–193.

Информация об авторах

Игорь В. Крючков, доктор исторических наук, профессор, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия; 355017, Россия, Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1; igory5@yandex.ru;

Татьяна В. Пантюхина, кандидат исторических наук, доцент, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия; 355017, Россия, Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1; pantyukhina@rambler.ru

Information about the authors

Igor V. Kryuchkov, Dr. of Sci. (History), professor, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia; 1, Pushkin St., Stavropol, Russia, 355017; igory5@yandex.ru

Tatiana V. Pantyukhina, Cand. of Sci. (History), associate professor, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia; 1, Pushkin St., Stavropol, Russia, 355017; pantyukhina@rambler.ru

Проблема ирландского нейтралитета
в восприятии британской политической элиты
в сентябре 1939 – мае 1940 г.

Дмитрий Р. Захаров

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dmitryzakharov27@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируется восприятие ирландского нейтралитета британской политической элитой в период «странной войны» (сентябрь 1939 – май 1940 г.). Автор исследует, как британское руководство реагировало на отказ Ирландии вступать в войну, подчеркивая стратегическую уязвимость Великобритании из-за нейтралитета Эйре, особенно в аспектах морской безопасности и разведки. Отмечается, что ирландский нейтралитет рассматривался как элемент укрепления суверенитета и независимости страны, а также как компромисс между сохранением дипломатических отношений с Британией и нежеланием вовлекаться в вооруженный конфликт. В статье выделяются противоречивые оценки нейтралитета Ирландии – с одной стороны, как проявления прагматической политики безопасности, с другой – как потенциальной угрозы британской обороне. Анализируются дипломатические усилия и военные планы Великобритании по преодолению возникавшей угрозы, включая предложение военного вмешательства. Особое внимание уделяется внутренней дискуссии британского правительства о выборе стратегий по отношению к Ирландии, а также влиянию нейтралитета на британское общественное мнение и международные отношения. Работа основывается на широком пласте источников и отражает комплексный подход к теме в контексте «странной войны».

Ключевые слова: Вторая мировая война, ирландский нейтралитет, суверенитет Ирландии, «странная война», британская политическая элита, международные отношения

Для цитирования: Захаров Д.Р. Проблема ирландского нейтралитета в восприятии британской политической элиты в сентябре 1939 – мае 1940 г. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 4. С. 22–36. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-4-22-36

The problem of Irish neutrality
in the perception of the British political elite
in September 1939 – May 1940

Dmitrii R. Zakharov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, dmitryzakharov27@gmail.com*

Abstract. This article analyzes the perception of Irish neutrality by the British political elite during the Phoney War (September 1939 – May 1940). The author examines how the British leadership responded to Ireland's refusal to enter the war, emphasizing Britain's strategic vulnerability due to Eire's neutrality, particularly in terms of maritime security and intelligence. The paper notes that Irish neutrality was viewed as an element of strengthening the country's sovereignty and independence, as well as a compromise between maintaining diplomatic relations with Britain and a reluctance to become involved in the armed conflict. The article highlights conflicting assessments of Irish neutrality – on the one hand, as a manifestation of pragmatic security policy, on the other, as a potential threat to British defense. The work analyzes Britain's diplomatic efforts and military plans to overcome the emerging threat, including a proposal for military intervention. Particular attention is given to the British government's internal debate about its strategy for dealing with Ireland, as well as to the impact of neutrality on British public opinion and international relations. The work draws on a broad source base and reflects a comprehensive approach to the topic within the context of the "phony war".

Keywords: Second World War, Irish neutrality, Irish sovereignty, Phoney war, British political elite, international relations

For citation: Zakharov, D.R. (2026), "The problem of Irish neutrality in the perception of the British political elite in September 1939 – May 1940", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 22–36, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-4-22-36

Вторая мировая война, начавшаяся с нападения Германии на Польшу осенью 1939 г., в самом начале носила скорее локальный, нежели общеевропейский – и уж тем более общемировой – характер. В то же время целый ряд европейских стран сразу же объявили о своем нейтралитете. Среди них следует отметить Ирландию – единственного члена Британского Содружества, который на протяжении всей войны не входил в Антигитлеровскую коалицию, и, следовательно, не принимал участия в боевых действиях.

В рамках сложившейся историографии нет консенсуса о том, в чем состояли особенности нейтрального статуса ирландского государства. С одной стороны, целый ряд историков прямо говорит о том, что Ирландия была благожелательно настроена по отношению к западным демократиям, но при этом соблюдала нейтралитет из-за нежелания ирландской политической элиты участвовать в войне на стороне Великобритании в силу остроты противоречий – в особенности это касается вопроса разделенной Ирландии [Girvin 2006]¹. С другой стороны, существует мнение, что нейтралитет Эйре в некотором смысле был на руку нацистской Германии – последняя активно пользовалась этим статусом для давления на Великобританию и имела там широко развернутую сеть разведки [Duggan 1985; Devine 2008]. Несмотря на расхождения в толковании объявленного ирландским правительством статуса о нейтралитете, исследователи тем не менее сходятся в том, что Ирландия никаким образом не могла остаться в стороне от событий, происходивших на европейском субконтиненте даже с учетом принятого решения о невмешательстве.

В подобном историческом контексте особый интерес имеет вопрос о том, как же британское военно-политическое руководство отреагировало на поведение своего доминиона, который отказался вступать в войну, объявив о своем невмешательстве.

Нейтралитет Ирландии в годы Второй мировой войны, на наш взгляд, явился закономерным продолжением курса на укрепление суверенитета страны, который был основой всей ирландской политики еще с начала 1930-х гг., когда к власти в Эйре пришла республиканская партия «Фианна Фойл» во главе с Э. Де Валерой. В рамках этого курса в 1937 г. была принята конституция, которая объявляла Ирландию «суверенным, независимым демократическим государством», которое сохраняло только внешнюю связь с Англией. Более того, политика усиления независимости от Великобритании декларировалась не только в конституции, но также ее можно проследить и в вопросах безопасности – в 1938 г. между Лондоном и Дублином было подписано соглашение, по которому англичане передали контроль над тремя ключевыми военно-морскими базами на острове. Как отмечает (на наш взгляд, совершенно справедливо) отечественный исследователь Е.Ю. Полякова, успешная реализация данного курса привела к тому, что в менталитете ирландского общества между нейтралитетом и суверенитетом ставился знак равенства [Полякова 2008, с. 89–91].

¹ См. также: *Fisk R.* In time of war: Ireland, Ulster and the price of neutrality, 1939–1945. Dublin: Gill and Macmillan, 1996. 653 p.

С учетом подписанного англо-ирландского соглашения 1938 г. нейтралитет Эйре был в некотором смысле угрозой безопасности Туманного Альбиона, брешью в оборонительной системе этого островного государства. Тем не менее внутри высшего военного руководства Великобритании данная уступка считалась допустимой: так, начальник штаба королевских ВВС С. Ньюолл отмечал, что закрытие ирландских портов было бы «неприятностью», однако одного этого решения было недостаточно для оправдания захвата ирландских военно-морских баз [Canning 1985, p. 197]. Таким образом, британская политика по отношению к Ирландии была ограничена тем, что Британия не могла навязать ирландскому правительству выгодное для себя политическое решение путем угрозы начала военных действий против своего доминиона.

В подобном контексте логично воспринимать позицию нейтралитета и невмешательства в войну как меру, призванную обеспечить укрепление курса Ирландии на независимость от британской короны при сохранении формального статуса члена британского Содружества.

2 сентября 1939 г. Де Валера внес в парламент акт о введении чрезвычайного положения на острове, оперативно отреагировав на агрессию нацистской Германии в Польше. Решение было продиктовано не только соображениями независимости от политических решений Уайтхолла – Ирландия не имела значимой системы обороны собственной территории, равно как и самостоятельной оборонной политики. Численность регулярной армии на 1939 г. составляла 7263 человека – этого хватало для обеспечения внутренней безопасности и борьбы с ИРА. Однако в случае полномасштабной войны и открытого боевого противостояния с гораздо более подготовленным врагом, которым потенциально могли быть западные демократии или нацистская Германия, этого было явно недостаточно. В лучшем случае страна стала бы пассивным союзником кого-то из участников войны, который представлял интерес с точки зрения базирования военных кораблей, но при этом имел крайне малую армию для обеспечения собственной безопасности на случай высадки вражеского десанта. Именно эти два основных фактора – исторический курс нейтралитета и слабая система безопасности – и послужили основными причинами введения чрезвычайного положения в Ирландии.

Учитывая сложившуюся к сентябрю 1939 г. международную обстановку, в стране был введен статус чрезвычайного положения. Выступая в палате представителей, Де Валера указал на всю сложность и критичность этого решения, принимая во внимание слабость Ирландии перед лицом угрозы извне: «...Какие бы

предпочтения не испытывал наш народ по отношению одной из сторон конфликта, он в первую очередь должен... руководствоваться интересами собственного государства»². Введенное положение наделяло правительство чрезвычайными полномочиями, которые в первую очередь были направлены на охрану общественного порядка и на обеспечение непрерывного снабжения всеми необходимыми продуктами гражданского населения. Законодательство предусматривало такие меры, как введение комендантского часа, создание дополнительных полицейских сил, усиление цензуры и многие другие меры³. Таким образом, режим чрезвычайного положения стал в известной степени защитным барьером, который удерживал Ирландию от вступления в европейскую войну. Всем становилось очевидно, что с принятым курсом на нейтралитет ни о каком возвращении Лондону морских баз не могло быть и речи.

Оценивая отношение Ирландии к данному вопросу, официальный представитель Великобритании в Ирландии Дж. Маффей писал Э. Идену о том, что практически все ирландцы вне зависимости от их политических предпочтений полностью поддерживали политику нейтралитета и отказ от участия в войне на стороне англичан [Полякова 2008, с. 92–93].

В то же время перед Уайтхоллом стоял серьезный вопрос, требовавший большего внимания, чем позиция доминиона в начавшейся войне. Переход западных демократий от политики умиротворения к открытой военной конфронтации означал и был воспринят в британской общественности как закономерный и разумный ответ на развязанную германскую агрессию по отношению к Польше. Однако вскоре стало ясно, что одного лишь формального объявления войны будет недостаточно для того, чтобы остановить экспансионистскую политику Германии на европейском субконтиненте.

Несмотря на то что премьер-министр Н. Чемберлен у многих ассоциировался с политикой «умиротворения агрессора», оказавшейся неэффективной в отношении Германии, он продолжал пользоваться поддержкой среди населения в вопросе войны: согласно опросу Британского института общественного мнения (БИОМ)

² First amendment of the Constitution Bill, 1939 – first stage // Dáil Éireann debate. Saturday, 2 Sept. 1939. URL: <https://www.oireachtas.ie/en/debates/debate/dail/1939-09-02/3/> (дата обращения: 14.05.2025).

³ Emergency Powers Act. 1939 // Irish Statute Book. URL: <https://www.irishstatutebook.ie/eli/1939/act/28/enacted/en/print> (дата обращения: 14.05.2025).

в сентябре 1939 г., подавляющее число респондентов⁴ (88,7%) высказалось за вступление в войну и начало боевых действий на Западном фронте; и, как следствие, доверяло премьер-министру. Как отмечает известный отечественный исследователь Л.В. Поздеева, подобное мнение свидетельствует скорее не о степени энтузиазма, а о «желании завершить дело как следует», на что указал в своей депеше советский посол в Лондоне И.М. Майский [Поздеева 2000].

Подобные убеждения разделялись и британским руководством. Так, Чемберлен писал своей жене: «Разумеется, основная сложность заключается в Гитлере. Пока он не исчезнет, а его политическая система не разрушится, не может быть никакого мира». При этом премьер-министр подразумевал, что если бы войну развязало любое другое немецкое правительство, то было бы куда больше шансов на успешные переговоры и окончательное умиротворение Германии. Тем не менее в этой логике отсутствовал важный нюанс – в провале политики умиротворения был виноват не только агрессор, а также и сторона, проводившая эту политику.

Важно отметить, что ключевым элементом военной стратегии для Великобритании был именно флот, который превосходил германский по всем показателям, в то время как сухопутные войска не были такими многочисленными – всего лишь 26 дивизий. В соответствии с этими положениями для нее было важно присутствие союзника на континенте, который бы мог нести бремя войны на суше. Со вступлением Великобритании в войну 3 сентября воинская повинность была распространена на мужчин с 18 до 41 лет. Было принято решение увеличить английскую армию с 26 до 55 дивизий, однако на практике это было выполнено лишь к началу 1940 г. Это означало, что в условиях сентября 1939 г. британская армия была не способна вести боевые действия на суше, но в то же время могла осуществлять авиационные бомбардировки немецких городов, а также проводить морскую блокаду, что давало определенную возможность нанести урон экономике нацистской Германии; а ключевой союзник – в лице Франции – исходил в первую очередь из того, что они будут вести именно оборонительную войну. Фактически Великобритания не была готова полностью ни в военном, ни в экономическом плане к войне, которая потенциально могла затянуться на несколько лет.

В этой ситуации провозглашение Дублином позиции невмешательства в войну вызвало в Уайтхолле обеспокоенность по двум

⁴ SN: 2038 – British Institute of Public Opinion Polls, 1939. Colchester, Essex: UK Data archive. Jan. 1985. P. 42. URL: <http://doc.ukdataservice.ac.uk/doc/2038/mrdoc/pdf/2038userguide.pdf> (дата обращения: 05.10.2024).

причинам. Во-первых, объявление нейтралитета очевидно шло вразрез с поведением остальных доминионов Британской империи, которые объявили войну Германии наряду с метрополией. Во-вторых, нельзя не учитывать и то, что при такой позиции ирландского правительства осложнялась проблема морской безопасности Британских островов: Ирландия в контексте долгой войны, к которой готовилась Великобритания, являлась уязвимым местом во всей системе безопасности как в военном аспекте, так и в коммуникационном.

В самом начале войны, 6–10 сентября, ирландский министр иностранных дел Дж. Уолш приезжал в Лондон для встречи с государственным секретарем по делам доминионов Э. Иденом. Целью этого визита являлось стремление добиться от Лондона признания нейтрального статуса Эйре, как указал сам Уолш во внутреннем меморандуме⁵. Британская сторона, в свою очередь, стремилась получить преференции от Дублина в вопросе нейтралитета: в частности, речь шла о разрешении для британских военных кораблей проникать в ирландские территориальные воды для борьбы с немецкими подводными лодками; и, соответственно, аналогичном запрете для немецкого флота. Эта встреча не увенчалась успехом ни для одной из сторон: единственное, о чем они смогли договориться – согласование назначения в Дублин представителя Великобритании⁶.

Вскоре после этого Дублин направил британскому, а также французскому и немецкому правительствам меморандум⁷, в котором фиксировался запрет для военных кораблей и подводных лодок не только находиться в ирландских портах, но даже входить в ирландские территориальные воды – это лишь стало дополнительным подтверждением устойчивой позиции ирландского нейтралитета. При этом необходимо подчеркнуть, что впоследствии ирландское правительство предприняло некоторые меры, которые однозначно были в интересах британской национальной безопасности: уже 18 сентября Де Валера согласился на назначение офицера связи для совместной координации береговой охраны ирландского острова, а также на трансляцию Адмиралтейству ирландских данных о расположении немецких подводных лодок – эти меры показывают пробританский характер нейтралитета⁸, что также отметил

⁵ Documents on Irish foreign policy. Vol. 6. Doc. no. 15. Dublin, 2008.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid. Doc. no. 29.

⁸ The National Archives of the United Kingdom. CAB 65/1/150: War Cabinet minutes, WM 19 (39) 7, 18 Sept. 1939.

назначенный в Дублин британский представитель Дж. Маффей, который в письме Идену писал, что теперь нейтралитет выглядит более «здоровым»⁹.

Тем не менее все это вовсе не означало, что Ирландия будет целиком и полностью на стороне Британии – меморандум о запрете захода военных кораблей в ирландскую береговую зону и принятый режим чрезвычайного положения все так же порождали острые вопросы внутри британской политической элиты о действительном характере ирландского нейтралитета.

Так, уже через две недели после начала войны Иден подготовил меморандум для британского правительства, в котором он высказал обеспокоенность поведением Ирландии, указав на то, что часть одного из экипажей потопленных немецких подводных лодок якобы смогла «высадиться в Ирландии и даже купить там сигареты»¹⁰. Потенциально наличие такого прецедента – был ли он или нет, вопрос остается открытым – закономерно порождало опасения внутри британского военного кабинета о том, что немцы будут теоретически пытаться использовать Ирландию как базу для дозаправок кораблей и для высадок своих агентов подобно тому, как это было в годы Первой мировой войны¹¹. При этом опасения Лондона по поводу безопасности собственных (и ирландских) территориальных вод подкреплялись и другими инцидентами: к примеру, в ночь на 14 октября на английскую военно-морскую базу в Скапа-Флоу проникла подводная лодка, которая потопила там корабль «Ройял оук» и благополучно скрылась. В тот же день начались и немецкие атаки на английские конвои – в первом же рейде удалось потопить три суда, но при этом были потеряны две подводные лодки [Лиддел Гарт 2003, с. 404].

Решение данной проблемы, по мнению Идена, лежало в том, чтобы как минимум заключить дипломатическое соглашение с ирландским правительством, которое бы разрешало присутствие английской береговой охраны в Ирландии с целью собирать информацию о присутствии немецких подлодок в ее территориальных водах; а также добиться разрешения на то, что британские военные корабли смогли свободно атаковать в них корабли германского военно-морского флота. Самым значимым шагом была бы отмена англо-ирландского соглашения 1938 г. – и передача ан-

⁹ Prime Minister's papers, 1/340: John Maffey, Dublin, to Anthony Eden, 24 Sept. 1939.

¹⁰ CAB 66: War cabinet and Cabinet: Memoranda, 1939: *Eden A*. The neutrality of Eire.

¹¹ Ibid.

гличанам военных баз и аэродромов для успешного противостояния Германии¹².

Представляется очевидным, что существовали два фактора, значительно усложнявших ситуацию. Во-первых, Ирландия ни при каких условиях была не готова пойти на такие уступки, так как это однозначно вело бы к вовлечению Эйре в войну, что категорически противоречило всему предвоенному курсу Де Валеры на нейтралитет. Во-вторых, фактически единственным дипломатическим рычагом влияния на Дублин со стороны Уайтхолла был вопрос потенциального объединения Ирландии. При этом подобная уступка была несоразмерна цели, которую намеревался достичь Иден – добиться благожелательности ирландского нейтралитета в пользу Лондона. С другой стороны, существовало и другое предложение, исходившее от Адмиралтейства и У. Черчилля, которое подразумевало чисто военное решение данного вопроса – а именно высадку британских войск в Ирландии в целях захвата военно-морских баз¹³.

В своем меморандуме для военного кабинета от 21 ноября 1939 г. Черчилль отмечал, что своим нейтралитетом Ирландия создает брешь в национальной безопасности Британии¹⁴. Более того, он заходит дальше и называет Эйре «полем вражеской активности», указывая на несколько факторов: 1) Ирландия якобы является центром шпионажа нацистской Германии; 2) Дублин является хабом для распространения информации, полезной для Берлина; 3) германские подводные лодки проплывают в ирландских территориальных водах, что является очевидной угрозой безопасности Англии – допускалось, что это совершается с разрешения ирландского правительства. Также Черчилль, равно как и многие другие высокопоставленные чиновники в Адмиралтействе критически отзывались о перспективах дипломатического решения вопроса, считая, что все административные и экономические проблемы, вызванные политикой ирландского нейтралитета, должны быть отодвинуты на второй план перед лицом германской угрозы, а вопросы, связанные с безопасностью, должны решаться именно военным путем вплоть до введения войск на территорию Эйре [Baker 2005, pp. 365–366]. Для решения проблем, вызванных позицией Ирландии, были предложены меры обеспечения безопасности коммуникаций – создание подразделения внешней разведки, дислоцированной в Ирландии; однако в дальнейшем уже с марта 1940 г. по инициативе Черчилля также была установлена полная

¹² Ibid.

¹³ CAB 66. 21/11/1939: *Churchill W.* Intelligence organization in Eire.

¹⁴ Ibid.

прослушка всех телефонных звонков из Ирландии в Великобританию и наоборот¹⁵.

«Равноудаленность» нейтралитета Ирландии не просто ставилась под сомнение: внутри британского руководства (в частности министерства по делам доминионов) существовала мысль об исключении Ирландии из Британского Содружества – в его понятии это решение было одним из рычагов дипломатического воздействия на непокорный доминион. Однако в рамках двусторонней встречи министерства дел по делам доминионов и Адмиралтейства был зафиксирован общий подход к решению проблемы ирландского нейтралитета. 7 ноября 1939 г. лордом-канцлером Великобритании Т. Инскипом при поддержке Идена¹⁶ был подготовлен финальный меморандум касательно оценки курса ирландского правительства на нейтралитет, где также поднимался вопрос о возможном исключении Эйре из Британского Содружества и условиях, которые могли бы к этому привести. Ключевыми причинами, которые могли бы потенциально привести к такой ситуации, по мнению Инскипа, назывались либо принципиальность ирландской позиции по вопросу участия в европейской войне на стороне Германии, либо эскалация военных действий в Европе. В меморандуме прослеживается явное согласие с мыслью, что любая попытка Англии продать решение по вопросу передачи баз, включая сценарий с введением войск, была бы враждебно воспринята Ирландией и могла только подтолкнуть нейтральное государство к выходу из Британского Содружества, а также представить Великобританию в негативном свете – особенно в США, где проживала большая ирландская диаспора. Более того, прецедент захвата баз именно военным путем и последующий выход Эйре из Содружества мог создать риск потенциального выхода других доминионов. При этом он воздержался от оценки того, насколько могло быть выгодно это решение для нацистской Германии, и в какой степени она могла бы воспользоваться обострением англо-ирландских отношений¹⁷.

¹⁵ CAB 81/87. 21/03/1940: War Cabinet and Cabinet: Committees and Sub-committees of the Chiefs of Staff Committee: Minutes and papers: Joint Intelligence Sub-committee.

¹⁶ Admiralty papers 1/10366, file PD 07928/39: Report of an interdepartmental meeting called to examine the financial, economic and political considerations involved in the termination of Eire's membership of the British Commonwealth of Nations. 8 Nov. 1939.

¹⁷ CAB 67. 07/11/1939: *Inskip T.* Eire: Termination of membership of the British Commonwealth.

Таким образом, внутри британского руководства существовала определенная дискуссия о сущности ирландского нейтралитета. Ее суть заключалась в вопросе о том, какой подход следует применять по отношению к нейтральному государству – военный или дипломатический. По мере роста интенсивности конфликта нейтралитет Эйре приобретал стратегическую важность для обеспечения безопасности самой Великобритании – и в первую очередь о ее коммуникационной составляющей, о чем как раз и говорит и то, что в Ирландии была развернута британская ячейка внешней разведки по предложению Черчилля. Однако говорить о том, что был принят полный комплекс мер, который в той или иной степени снимал все противоречия, не приходится, поскольку принятые действия носили эпизодический и тактический, нежели стратегический характер. Ключевой проблемой в тот момент являлась именно проблема национальной безопасности Великобритании – и характер ирландского нейтралитета являлся одной из значимых составляющих. Имели немаловажное значение и особый контекст «странной войны», где каждая из воюющих сторон практически не предпринимала крупных военных действий; и высокий риск негативно изменить общественное мнение в доминионах, а также среди ирландской диаспоры в Соединенных Штатах. Сумма этих факторов, на наш взгляд, привела Уайтхолл к решению проблемы нейтралитета Эйре именно дипломатическим путем: впоследствии, уже после нападения на Францию британское правительство вышло с предложением передать Северную Ирландию Эйре в обмен на вступление в войну.

Что касается рядовых англичан, которые получали все основные новости из прессы, то важно обратить внимание на то, что британская пресса крайне осторожно поднимала проблему нейтрального статуса Ирландии и в большей степени была сфокусирована на событиях в Польше. В самом начале войны было создано министерство информации под руководством Г. Макмиллана, которое отвечало за пропаганду и цензурирование новостей. Ключевой проблемой освещения в прессе такого сложного вопроса было воздержание в статьях от критики ирландского нейтралитета, чтобы тем самым не спровоцировать ирландское правительство к каким-либо антибританским действиям [Canning 1985, p. 258]. К примеру, такие крупные и популярные газеты, как «Дейли Телеграф» и «Морнинг пост» в своих статьях, посвященных тому, как доминионы реагировали на начало войны, попросту не упомянули Ирландию¹⁸. В статьях такой влиятельной газеты, как «Таймс», где

¹⁸ Morning Post. 1939. 5 Sept.

каким-либо образом поднималась тема нейтралитета, давалась по большей степени крайне сдержанная позиция, лишенная эмоциональной окраски.

Впрочем, так получалось далеко не всегда: в конце октября 1939 г. в «Таймс» была опубликована статья, в которой говорилось: «Антибританские настроения – там, где они есть – процветают благодаря разделению острова. Если бы ирландская граница была стерта с карты острова, то все они были бы целиком и полностью на стороне Англии, потому что впервые в истории британцы и ирландцы находятся в полном идеологическом согласии. До тех пор, пока шесть графств отрезаны от остальной Ирландии, старая горечь в отношениях двух стран будет продолжать оставаться»¹⁹. Как отмечает американский историк П. Кэннинг, эта публикация вызвала недовольство со стороны Ольстера, и во избежание дальнейших конфликтов министерством информации было принято решение не публиковать ничего в прессе, что могло бы хоть как-то оскорбить или задеть ирландское правительство [Canning 1985, p. 358].

Для полного понимания, почему британское правительство так осторожно затрагивало проблему ирландского нейтралитета, необходимо принять во внимание и положение дел в Европе – на момент написания меморандума Идена в середине сентября 1939 г. война с Германией фактически была локальным германо-польским конфликтом. Так как Англия не вела серьезные боевые действия на европейском субконтиненте, главными методами для нее стали авиационные бомбардировки, носившие эпизодический характер, и морская экономическая блокада. Место Ирландии в подобной конфигурации войны определялось именно в контексте «странной войны», а занятая позиция нейтралитета, на наш взгляд, была продиктована не столько антагонизмом по отношению к Великобритании, сколько инстинктом самосохранения страны, которая в военном плане была крайне слаба.

Для Уайтхолла Ирландия являлась уязвимым местом в системе морской безопасности Великобритании из-за объявленного принципиального неучастия в войне, а также переданных Эйре ранее в рамках англо-ирландского соглашения 1938 г. британских военно-морских баз. При этом вопрос о степени опасности нейтрального государства на Британских островах вызвал дискуссию внутри британской политической элиты о том, какой подход следует принимать для решения проблемы – военный, с захватом ирландских военных баз, или же склонить Ирландию на свою сторону

¹⁹ The Times. 1939. 31 Oct.; 11 Nov.

дипломатическим путем. Существование различных подходов по вопросу ирландского нейтралитета в британском правительстве объясняется и позицией Дублина, где совмещался курс ирландского правительства Де Валеры на сотрудничество (пусть и весьма ограниченное) с британским правительством по координации совместной безопасности, и новости о том, что Германия так или иначе пытается активно эксплуатировать нейтральный статус Эйре. При этом такие решения, как организация системы внешней разведки в Ирландии и установленный контроль всей англо-ирландской коммуникации, позволяют говорить о том, что использовался комбинированный подход, носивший скорее тактический характер, продиктованный обстановкой войны, в которой находилась Европа вплоть до мая 1940 г.

Анализ восприятия ирландского нейтралитета британской политической элитой в период «странной войны» (сентябрь 1939 – май 1940 г.) демонстрирует сложность позиции Великобритании перед стратегической дилеммой: необходимость обеспечения национальной безопасности и морской безопасности, с одной стороны, и понимание исторических причин независимости Ирландии и ее нежелания вступать в войну на стороне метрополии, с другой. В этот период британское руководство не смогло выработать единый подход к проблеме ирландского нейтралитета – дипломатические инициативы Э. Идена сосуществовали с военными планами У. Черчилля и Адмиралтейства, отражая серьезную дискуссию внутри британского правительства о выборе между силовым методом и дипломатическим воздействием.

Стратегия затягивания войны, которой придерживались западные демократии в период «странной войны», показала свою крайнюю неэффективность при столкновении с активной экспансионистской политикой нацистской Германии. Ее крах стал очевидным после нападения Германии на Данию и Норвегию в апреле 1940 г. и с началом наступления вермахта на Францию в мае 1940 г. Военное и политическое поражение, складывавшееся крайне неудачно для британской стороны, привело к смене руководства: под давлением общественного мнения и парламентской критики правительство Н. Чемберлена было вынуждено подать в отставку, и его место занял У. Черчилль в конце мая 1940 г.

С приходом Черчилля к власти проблема нейтралитета Ирландии в восприятии британского военно-политического руководства претерпела качественные изменения. Если в период «странной войны» она рассматривалась как важная, но не критичная задача, требующая взвешенного подхода, то вслед за быстрым разворотом событий на европейском субконтиненте – падением

Франции и оккупацией Бельгии, Голландии и Люксембурга менее чем за месяц – проблема ирландского нейтралитета превратилась в жизненно важный вопрос британской национальной безопасности. Угрозы, исходившие от нейтрального статуса Ирландии, касались не только морской безопасности, но и потенциального использования ее территории немецкой авиацией и флотом. Таким образом, именно конец периода «странной войны» стал точкой отсчета для перехода британо-ирландских отношений в качественно новую фазу, в которой вопрос о ирландском нейтралитете потребовал немедленного разрешения.

Литература

- Лиддел Гарт 2003 – *Лиддел Гарт Б.Г.* Вторая мировая война. М: АСТ, 2003. 944 с. (Военно-историческая библиотека)
- Поздеева 2000 – *Поздеева Л.В.* Лондон – Москва: Британское общественное мнение и СССР, 1939–1945. М.: Наука, 2000. 305 с.
- Полякова 2008 – *Полякова Е.Ю.* Ирландия в годы Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 2008. № 1. С. 87–99.
- Baker 2005 – *Baker A.* Anglo-Irish relations, 1939–1941: A study in multilateral diplomacy and military restraint // *Twentieth British Century History*. 2005. Vol. 16. No. 4. P. 359–381.
- Canning 1985 – *Canning P.* British policy towards Ireland, 1921–1941. N.Y.: Clarendon Press, 1985. 344 p.
- Devine 2008 – *Devine K.* Comparative critique of the practice of Irish neutrality in the “unneutral” discourse // *Irish Studies in International Affairs*. 2008. Vol. 19. P. 73–97.
- Duggan 1985 – *Duggan J.P.* Neutral Ireland and the Third Reich. Dublin: Gill and Macmillan, 1985. 295 p.
- Girvin 2006 – *Girvin B.* The emergency: Neutral Ireland, 1939–1945. L.: Profile Books, 2006. 385 p.

References

- Baker, A. (2005), “Anglo-Irish relations, 1939–1941: A study in multilateral diplomacy and military restraint”, *Twentieth British Century History*, vol. 16, no. 4, pp. 359–381.
- Canning, P. (1985), *British policy towards Ireland, 1921–1941*, Clarendon Press, New York, USA.
- Devine, K. (2008), “Comparative critique of the practice of Irish neutrality in the ‘un-neutral’ discourse”, *Irish Studies in International Affairs*, vol. 19, pp. 73–97.

- Duggan, J.P. (1985), *Neutral Ireland and the Third Reich*, Gill and Macmillan, Dublin, Ireland.
- Girvin, B. (2006), *The emergency: Neutral Ireland 1939–1945*, Profile Books, London, UK.
- Liddell Hart, B.H. (2003), *Vtoraya mirovaya voina* [Second World War], AST, Moscow, Russia. (*Voenno-istoricheskaya biblioteka*)
- Pozdeeva, L.V. (2000), *London – Moskva: Britanskoe obshchestvennoe mnenie i SSSR, 1939–1945* [London – Moscow. British public opinion and the USSR. 1939–1945], Nauka, Moscow, Russia.
- Polyakova, E.Yu. (2008), “Ireland during the Second World War”, *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 1, pp. 87–99.

Информация об авторе

Дмитрий Р. Захаров, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; dmitryzakharov27@gmail.com

Information about the author

Dmitrii R. Zakharov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; dmitryzakharov27@gmail.com

«Возвращение в Европу»: историческая политика и реконструкция национальных нарративов в странах Вишеграда (1990–2009 гг.)

Павел А. Доценко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, paveldotsenko1998@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается феномен «Возвращения в Европу» в странах Вишеградской группы в период 1990–2009 гг. как особая форма исторической политики, в которой внешние ориентиры европейской интеграции переплетались с внутренними политико-культурными задачами. На основе сравнительно-исторического анализа музейных проектов, нормативно-правовых актов и публичных дискурсов автор реконструирует типологию практик памяти: «националистическую» модель, ориентированную на героизацию и исключительность (включая примеры музейной политики и инициатив по декоммунизации), и «транс-национальную» модель, стремящуюся к интеграции национального опыта в общеевропейский нарратив. Показано, что институционализация памяти через музеи, законы и институты одновременно служила внешней легитимации государств и инструментом внутренней консолидации элит, а также создавала риски политизации и сужения плюрализма исторической интерпретации. Анализ выявляет детерминанты различий в траекториях (исторический опыт репрессий, сила диссидентских традиций, партийная конфигурация) и демонстрирует, что европеизация памяти требовала семантической и институциональной адаптации, часто сопряженной с конфронтацией по вопросам ответственности за прошлое. Работа обосновывает необходимость сочетания архивных исследований, критически ориентированных музейных практик и образовательных программ для минимизации инструментализации памяти и укрепления плюралистических платформ исторического дискурса в регионе.

Ключевые слова: историческая политика, политика памяти, Вишеградская группа, диссиденты, европейская интеграция

Для цитирования: Доценко П.А. «Возвращение в Европу»: историческая политика и реконструкция национальных нарративов в странах Вишеграда (1990–2009 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 4. С. 37–50. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-4-37-50

“Return to Europe”: historical politics and the reconstruction of national narratives in the Visegrad countries (1990–2009)

Pavel A. Dotsenko

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, paveldotsenko1998@mail.ru*

Abstract. The article examines the “Return to Europe” phenomenon in the Visegrad Group countries in the years 1990–2009 as a special form of historical policy in which the external benchmarks of European integration were intertwined with the internal political and cultural objectives. Based on a comparative historical analysis of museum projects, regulatory and legal acts, and public discourse, the author reconstructs a typology of memory practices: a “nationalist” model focused on heroization and exceptionalism (including the examples of museum policy and decommunization initiatives), and a “transnational” model seeking to integrate national experience into a pan-European narrative. It is shown that the institutionalization of memory through museums, laws, and institutions, simultaneously served as external legitimization of states and an instrument of internal consolidation of elites; it also created risks of politicization and narrowing of pluralism in historical interpretation. The analysis identifies the determinants of the differences in the trajectories (historical experience of repression, strength of dissident traditions, party configuration) and demonstrates that the Europeanization of memory required semantic and institutional adaptation, often accompanied by confrontation over the issues of responsibility for the past. The work justifies the need to combine archival research, critically oriented museum practices, and educational programs to minimize the instrumentalization of memory and strengthen pluralistic platforms for historical discourse in the region.

Keywords: historical politics, politics of memory, Visegrad Group, dissidents, European integration

For citation: Dotsenko, P.A. (2026), “‘Return to Europe’: historical politics and the reconstruction of national narratives in the Visegrad countries (1990–2009)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 37–50, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-4-37-50

Введение

Постсоциалистическая трансформация стран Вишеградской группы в 1990–2009 гг. сопровождалась не только институциональными и экономическими реформами, но и заметной рекон-

фигурацией режимов коллективной памяти, в рамках которой прошлое становилось ресурсом артикуляции «нормальной» государственности и символической принадлежности к Европе. Концепт «возвращения в Европу» выступал в этот период ключевой политико-культурной метафорой, связывая внешнеполитическую ориентацию на ЕС и НАТО с внутренней необходимостью переопределить историческое наследие, по-разному соотносимое с представлениями о «европейскости». В этих условиях историческая политика в институциональных (музеи, специализированные институты памяти, образовательные реформы), правовых формах (люстрационные, реституционные, мемориальные и «оценочные» нормы) и в символических формах (памятные даты, мемориалы, ритуалы) функционировала одновременно как инструмент легитимации новых политических конфигураций и как механизм включения либо исключения тех или иных сюжетов прошлого из публично допустимого нарратива. Исследование исходит из того, что «возвращение в Европу» целесообразно рассматривать не как линейный и однородный процесс, а как совокупность пересекающихся политико-семантических практик, в которых внешние ориентиры «Европы» взаимодействуют с конкурирующими национальными нарративами об идентичности, ответственности, жертвенности и границах политического сообщества.

Методологически работа имеет характер сравнительно-исторического исследования и ориентирована на сопоставление национальных траекторий исторической политики через анализ показательных случаев и публично наблюдаемых проявлений институционализации памяти. Вместе с тем под понятием «историческая политика» мы понимаем не просто отдельные мемориальные практики или законы, а совокупность действий политических акторов (включая государственные институты, политические партии, ведомства культуры, суды и внешнеполитические структуры), направленных на организацию и эксплуатацию исторического знания для внутривнутриполитических и внешнеполитических целей [Миллер 2012]. В качестве эмпирических опор используются, во-первых, музейные и мемориальные проекты как концентрированное выражение официально поддерживаемых репрезентаций прошлого, во-вторых, нормативно-правовые решения и публично артикулируемые аргументы вокруг них как индикаторы попыток закрепления «правильных» рамок исторического знания, в-третьих, элементы публичной полемики (включая экспертные оценки и репрезентативные медиадискуссии), позволяющие фиксировать степень конфликтности и конкуренции интерпретаций. В рамках данной статьи сравнительная

перспектива реализуется как реконструкция институциональных траекторий исторической политики и механизмов легитимации через историческую память.

Хронологические рамки исследования охватывают период 1990–2009 гг. Нижняя граница связана с началом институционального оформления постсоциалистической трансформации стран Вишеградского региона, когда после политического перелома 1989 г. диссидентский и интеллектуальный концепт «возвращения в Европу» стал переводиться в язык государственной политики, партийной конкуренции, образовательных реформ, музейной репрезентации и правового переосмысления коммунистического прошлого. Верхняя граница определяется 1 декабря 2009 г. – вступлением в силу Лиссабонского договора, который обозначил завершение первого постинтеграционного этапа после восточного расширения ЕС и переход Европейского союза к новой институционально-правовой конфигурации. Именно 2009 г. представляется более оправданной верхней границей, поскольку позволяет рассматривать «возвращение в Европу» не только как процесс формального вступления в западные институты, но и как завершение начального цикла адаптации исторической политики стран В4 к общеевропейской нормативной, символической и институциональной рамке.

Польша

Одним из первых шагов в реализации «возвращения» в странах В4 стал пересмотр официальных исторических нарративов. В Польше активно пересматривались трактовки Второй мировой войны, что отражалось, в первую очередь, в изменении музейных экспозиций, таких как в Музее Варшавского восстания, открывшемся в 2004 г. по инициативе мэра Варшавы Леха Качиньского (один из лидеров партии «Право и справедливость»), вокруг которого сразу же разгорелась дискуссия на тему эксплуатации исторической памяти, преувеличения роли жертвенности поляков и замалчивания неприятных фактов о польской истории. Экспозиция подчеркивала вклад поляков в борьбу против тоталитаризма, что символизировало преемственность между героическим прошлым и демократическим настоящим. Заместитель директора музея, Павел Укельски, описывая роль варшавского восстания, говорит о том, что «настоящая победа, а именно революция 1989 г., которая привела к демократической и независимой Польше, в конечном итоге стала наследием восстания» [Żychlińska, Fontana 2016,

pp. 249–249]. В ответ на это, Д. Туск, лидер партии «Гражданская платформа», в 2007 г. инициировал создание иного учреждения – Музея Второй мировой войны в Гданьске, который изначально ставил своей целью представление польского и центральноевропейского опыта Второй мировой войны широкой международной аудитории [Manikowska, Jakubowski 2021, pp. 48–49]. Представленная там выставка пыталась балансировать между, с одной стороны, ожиданиями, которые сформировались в национальных рамках, а с другой – вопросами интеграции и транснациональными перспективами. Например, в разделе, повествующем о гибели узников нацистских лагерей, впоследствии была добавлена крупноформатная фотография польской семьи, укрывавшей евреев и впоследствии расстрелянной немцами [Fesenko 2025, pp. 135–136]. Подобные изменения, чествующие тех поляков, которые спасали евреев во время Холокоста, стали центральной темой, таким образом, дополнив изначально иной нарратив акцентом на польской национальной памяти о спасении евреев.

Тем не менее и Музей Варшавского восстания и Музей Второй мировой войны, были созданы в том числе как способ реагирования на, во многом, противоречивые коллективные воспоминания, различные трактовки событий Второй мировой войны [Jagielska-Burduk, Jakubowski 2020, pp. 154–155]. Говоря о музее восстания, исследователи отмечают почти полное отсутствие темы Холокоста и польско-еврейского вопроса, которая если и присутствует, несет функцию «фона» для основной темы – героической борьбы поляков. Преследование евреев представляется как случай немецкого террора в рамках оккупированных территорий [Kobielska 2023, pp. 146–147]. Представляется, что оба музейных проекта стали проекцией внутренней польской борьбы за исторический нарратив, выступая функциональными элементами идеологической коммуникации. Музей Варшавского восстания, инициированный консервативными элитами в лице партии «Право и справедливость» и Л. Качинского, был оформлен сквозь призму националистической повестки о героизме и жертвенности поляков. Тогда как Музей Второй мировой войны, продвигаемый более либеральными силами, старался сконструировать образ польского опыта как центрального, но уже как части общеевропейского исторического процесса. Оба учреждения, несмотря на противоречивые методологические установки и различные идеологические акценты, служили целям легитимации определенных политико-культурных представлений о месте Польши в истории XX–XXI вв. В этом смысле польская музейная политика 2000-х гг. соотносится с выводом отечественного исследователя Д.С. Буневича о том, что историческая политика

Польша превращала память и «исторические травмы» во внешне-политический ресурс. Поэтому спор вокруг репрезентации Второй мировой войны был не только внутривойсковым конфликтом о прошлом, но и борьбой за признание особого морального статуса Польши в общеевропейском нарративе XX в. [Буневич 2016, с. 123–124].

Венгрия

В Венгрии, с приходом к власти в 1998 г. коалиции во главе с партией «ФИДЕС» под руководством В. Орбана, были заложены основы нового типа практики исторической политики, сочетающей националистическую риторику, институциональные инициативы в области мемориализации и активное использование культурных инструментов (музеи, выставки, публичные мероприятия) для формирования легитимации. Открытие Музея Террора в 2002 г. было одной из наиболее заметных инициатив этого периода, став и символическим, и материальным актом переосмысления XX в.: создание экспозиции, приравнивающей преступления нацизма и сталинизма в венгерском контексте, а также акцент на жертвах обоих тоталитаризмов. В интервью 2002 г. Орбан прямо связывал музей с необходимостью сделать венгерский опыт нацизма и коммунизма понятным западной аудитории¹. Институционализация такой формы памяти сопровождалась критикой как со стороны части академического сообщества (за исторические упрощения и политизацию интерпретаций), так и со стороны международных наблюдателей, которые указывали на то, что экспозиция, выстраивая симметрию между нацизмом и коммунизмом, способствует политически заряженному прочтению прошлого, минимизирует специфику Холокоста и поддерживает тенденции к экстернализации венгерской соучастности². Открытие музея как публичного института демонстрировало одновременно желание преподнести Венгрию как полноправного члена европейской цивилизации, пострадавшего от двух тоталитаризмов, и амбицию политического

¹ Orbán V. február 27-i rádióinterjúja (2002. február 27.) // Magyar Nemzet. URL: <https://magyarnemzet.hu/archivum-archivum/2002/02/orban-viktor-februar-27-i-radiointerjuja> (дата обращения: 14.09.2025).

² Around the Jewish world: Terror Museum in Budapest frightens some Hungarian Jews // Jewish Telegraphic Agency (JTA). 22.07.2002. URL: <https://www.jta.org/archive/around-the-jewish-world-terror-museum-in-budapest-frightens-some-hungarian-jews> (дата обращения: 14.09.2025).

руководства контролировать каноны публичной памяти. Подобное решение одновременно выполняло внешнеполитическую функцию (демонстрация соответствия европейским стандартам памяти жертв тоталитаризма) и внутреннюю политическую функцию, с одной стороны, конструкция образа нации как жертвы и с другой – обладательницы «европейской» культурной принадлежности. Это действие было частью более широкой стратегии, в которой «европейскость» ассоциировалась не с либеральными практиками XXI в., а с национальным канонem, укорененным в христианско-европейской традиции [Máté-Tóth, Rakovics 2023].

При этом уже к началу 2000-х гг. в академической литературе и гражданском обществе нарастали дебаты о том, как сохранить объективность и научность исторического знания при одновременном использовании истории как государственной практики легитимации. Наиболее отчетливо подобные тенденции проявились во время «третьей Национальной конференции по современной истории» в августе 2000 г. в Дебрецене, где исследователь И. Ромшич поднял вопрос «ответственности венгров за Холокост», а в ходе научной дискуссии мнения разделились на тех, кто подчеркивает полную ответственность государственного и общественного аппарата и тех, кто пытается ее смягчить или даже «релятивизировать» [Rainer 2017, pp. 240–241]. В этом смысле «возвращение в Европу» как политический проект успешно решало внешнеполитическую и символическую задачу, но оставляло открытым вопрос о способах организации плюралистической и критически ориентированной исторической политики внутри нации. Этот вывод соотносится с наблюдением отечественного исследователя А.С. Стыкалина, согласно которому современные венгерские споры о прошлом во многом концентрируются вокруг наследия эпохи Хорти, Трианона, Второй мировой войны и Холокоста. При этом именно события Холокоста хуже всего вписываются в позитивный образ хортистской Венгрии, формируемый консервативной элитой, что объясняет стремление официальной исторической политики переносить основной акцент с венгерской ответственности на внешнее давление нацистской Германии» [Стыкалин 2020, с. 45–48].

Чехия и Словакия

В течение «бархатной революции» и в Чехии, и в Словакии – начали формироваться свои национальные элиты, рассуждая о словацко-чешских отношениях, они все более уходили в плос-

кость «ущемленного положения словацкого народа» (например, об отказе в словацкой автономии на момент образования независимой Чехословакии в 1918 г.). Кажется, именно в этот момент словацкие политики воспользовались историей, как инструментом для оправдания своих претензий [Ведерников 2021, с. 236]. Тем не менее Чехия, благодаря наследию Первой Чехословацкой Республики, смогла выстроить более однородный исторический нарратив. Историческая политика была сосредоточена на фигуре Томаша Гаррига Масарика – одной из ключевых личностей в Чехословацкой истории, который и на современном этапе исторического развития положительно оценивается обеими сторонами [Шишелина, Ведерников 2018, с. 226]. Создание мемориалов и переиздание исторических трудов периода межвоенной республики стали важной частью этой стратегии. А идеи, озвученные еще М. Кундерой, использовались Чехией для позиционирования себя мостом между Западом и Востоком, что нашло отражение в ее исторической политике. Политолог Карлова университета Л. Кабада резюмирует: «Восточно-центральная Европа становится транзитным регионом между Западом и Востоком (Балканы и Восточная Европа)» [Sabada 2020, pp. 429–430].

После 1989 г. вопрос судетских немцев и декретов Бенеша стал одним из главных испытаний для чешского «возвращения в Европу». Стоящий в авангарде бывших диссидентов Вацлав Гавел говорил о вопросе судетских немцев, как о моральной дилемме, у которой нет решения³. Европейская комиссия всерьез вела обсуждения о возможности Чехии вступить в ЕС при сохранении декретов⁴, но несмотря на «озабоченность» со стороны Европейского союза, Чехия сохранила действие декретов. В 1997 г. Чехия и Германия даже подписали Чешско-немецкую декларацию о взаимных отношениях и их будущем развитии⁵. При этом чешский премьер-министр В. Клаус на подписании документа, подчеркнул «неизменность послевоенного устройства Европы» и «непрерывность чешского

³ Havel V. Letní přemítání // Knihovna Václava Havla. 1991. URL: <https://www.vaclavhavel.cz/docs/archive/texty-1989-/letni-premitani.pdf> (дата обращения: 14.09.2025).

⁴ Legal opinion on the Beneš-Decrees and the accession of the Czech Republic to the European Union. 2002. European Parliament (study/report). URL: https://www.europarl.europa.eu/studies/benesdecrees/pdf/opinions_en.pdf (дата обращения: 14.09.2025).

⁵ German-Czech Declaration on mutual relations and their future development of 21 January 1997. URL: <https://mzv.gov.cz/file/198499/CzechGermanDeclaration.pdf> (дата обращения: 14.09.2025).

правового порядка», тем самым представляя правительство как гаранта правовой и имущественной определенности граждан⁶. А уже в 1999 г. сменивший его на этом посту М. Земан публично объявил декреты Бенеша частью чешского правового порядка и предупредил, что дальнейшее их обсуждение приведет к дестабилизации, тем самым, позиционируя себя и правительство, как апологетов послевоенного порядка, политик перевел исторический спор в сферу права и гражданской безопасности⁷. В общеевропейском контексте спор о декретах Бенеша не ограничивался чешско-германскими отношениями. Отечественный исследователь В.В. Трухачев справедливо замечает, что именно австрийские претензии, связанные с выселением судетских немцев и вопросом имущественной реституции, осложняли вступление Чехии в ЕС и позднее вновь актуализировались при ратификации Лиссабонского договора. В 2009 г. В. Клаус отказывался ставить свою подпись без гарантий того, что Хартия основных прав ЕС не станет основанием для пересмотра декретов Бенеша и предъявления имущественных претензий к Чехии [Трухачев 2019, с. 40–43].

Словакия, в отличие от Чехии, столкнулась с внутренними трудностями в реализации концепта «Возвращения в Европу», что отразилось в сложностях интеграции с соседними странами. Исследователь Р. Рошко замечает, что словацкий путь имеет одно серьезное отличие от чешского и это, по выражению автора, – «степень внутренней подготовленности», имея в виду решимость словацкого общества к резкой переориентации от «восточной модели к западной» [Рошко 2005, с. 65–66]. Представляется, что это во многом связано со слабостью словацкого диссидентского движения, во всяком случае в сравнении с Чехией, которая имела мощный политический сдвиг, спровоцированный Пражской весной 1968 г. Отечественный историк А. Щербакова уточняет, что «мадьяризация», которая проводилась в Словакии силовыми методами, оставила национальную травму и в результате в словацком национальном сознании сформировался устойчивый страх ко всему иностранному [Щербакова 2008, с. 151–152]. Кроме того, с приходом правительства В. Мечиара, прямо декларирова-

⁶ Vystoupení předsedy vlády Václava Klause při příležitosti podpisu česko-německé deklarace (21. 1. 1997) // Václav Klaus. URL: <https://www.klaus.cz/clanky/1306> (дата обращения: 14.09.2025).

⁷ Zeman M. Tisková konference po schůzi vlády ČR 8. 9. 1999 // Vláda České republiky. URL: <https://vlada.gov.cz/cz/clenove-vlady/historie-minulych-vlad/tiskova-konference-po-schuzi-vlady-cr-8-9-1999-1038/> (дата обращения: 14.09.2025).

лось стремление Словакии присоединиться к евроатлантическим структурам⁸. Российский исследователь М. Ведерников замечает, что «отсутствовала четкая линия, по которой можно было осуществлять шаги по укреплению национальной идентичности» [Ведерников 2021, с. 37–38].

Различия сильно проявлялись и в музейной практике. В Праге, например, заметной стала экспозиция Музея коммунизма, открытого в 2001 г. и выстроенного вокруг нарратива «мечта – реальность – кошмар». История коммунистического режима в Чехословакии представлена через повседневность, пропаганду, цензуру, «политическое насилие» и события 1989 г. Музей ориентировался на быстрое и эмоционально считываемое представление о коммунистическом прошлом. Воспроизводились основные элементы антикоммунистического нарратива (например, реконструкции пространства допроса, материалы о Пражской весне 1968 г. и протестах конца 1980-х гг.). Хотя музей стал одним из первых пространств публичной визуализации коммунистического опыта в Чехии, отражая сравнительно сильный антикоммунистический консенсус чешской исторической политики, но его частный и во многом туристический формат превращал прошлое в компактный экспозиционный продукт, рассчитанный прежде всего на внешнего посетителя и потому склонный к упрощению сложной социальной истории позднего социализма. В Словакии проявляется более поздняя и фрагментарная институционализация музейного дискурса о социализме. Как отмечает исследователь Л. Качирек, после 1989 г. в стране длительное время не было экспозиции, способной представить период социализма, а музейная работа в этой области развивалась через отдельные выставки, частичные экспозиционные решения и деятельность гражданских объединений [Kačírek 2022, s. 67–68, 71]. Более политизированная память долгое время не складывалась в самостоятельный музейный канон, поскольку конкурировала с другими центральными сюжетами словацкой исторической политики – памятью о Словацком национальном восстании, оценкой военной Словацкой республики, фигурой Й. Тисо и задачами постчехословацкого национального строительства.

⁸ Programové vyhlásenie vlády Slovenskej republiky. Bratislava, január 1995 // Digitálna knižnica Národnej rady Slovenskej republiky. URL: <https://www.nrsr.sk/dl/Browser/DsDocument?documentId=289948> (дата обращения: 14.09.2025).

Заключение

Таким образом, следует подчеркнуть, что феномен «Возвращения в Европу» в странах Вишеградской группы (1990–2009 гг.) предстает как сложный и многослойный процесс, в ходе которого внешние ориентиры европейской интеграции переплетались с внутренними задачами конструирования национальных нарративов, что привело к образованию двух доминирующих типов практик памяти. С одной стороны, это «националистический» вариант, ориентированный на героизацию и исключительность (Польша и Венгрия), и, с другой стороны, «транснациональный» (Чехия), стремящейся вписать национальный опыт в общеевропейский контекст. Словакия занимает промежуточное положение, но в 1990-е гг. по доминирующим признакам ближе к «националистическому» варианту (в силу задач национального строительства и высокой внутренней поляризации вокруг символических фигур и событий), тогда как элементы «транснациональной» рамки усиливаются позднее по мере продвижения интеграционной повестки, не вытесняя полностью национализирующую логику. Такое противопоставление согласуется с точкой зрения ряда исследователей о том, что позиции различных политических партий по вопросам европейской интеграции часто выстраиваются вдоль двух конкурирующих векторов: «роевропейского» и «евроскептического». Эта конфронтация проявляется наиболее отчетливо в периоды, когда дискуссия о европейской интеграции превращается во внутренний предмет партийно-политической поляризации относительно ее содержания и пределов, и в таком контексте влияет, в частности, на выбор институциональных механизмов публичной репрезентации прошлого.

Можно сказать, что подобный дуализм проявлялся через институциональные проекты различной природы: в одних случаях борьба за интерпретационные рамки исторических событий принимала форму, в большей степени, культурно-институциональных инициатив, а в других сильнее выражалась в правовом закреплении определенных трактовок. В ряде случаев мемориализация сопровождалась политизированной риторикой, формировавшей образ нации как жертвы, тогда как в иных доминировали националистические нарративы, ориентированные на переосмысление локально значимых эпизодов. В результате институционализация памяти одновременно усиливала внешнюю легитимацию государств перед европейскими партнерами и служила инструментом внутренней консолидации элит, но это также сопровождалось системными рисками: определенной степенью политизацией исторической

науки или попытками маргинализации неудобных тем (коллорационизм, участие в Холокосте, этнические депортации), сужением публичного плюрализма и институциональным монополизированием нарративов. Различия в траекториях стран В4 коррелировали с широким набором детерминант — интенсивностью репрессивного прошлого, силой диссидентских традиций, конфигурацией партийных сил и степенью гражданского участия.

Литература

- Буневич 2016 – *Буневич Д.С.* Историческая политика как интеллектуальный ресурс внешней политики Республики Польша в 2000-е годы // Интеллигенция и мир. 2016. № 2. С. 123–134.
- Ведерников 2021 – *Ведерников М.В.* Словакия: от европейской идеи до членства в ЕС. М.: ИЕ РАН, 2021. 166 с.
- Миллер 2012 – *Миллер А.И.* Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в.: Введение // Историческая политика в XXI веке / под ред. А.И. Миллера, М. Липмана. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 7–32. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»)
- Рошко 2005 – *Рошко Р.* Гражданское общество: попытка историко-социологической рефлексии // Восточноевропейские исследования. 2005. № 1. С. 57–66.
- Стыкалин 2020 – *Стыкалин А.С.* Венгерский правый радикализм 1930–1940-х гг. и некоторые тенденции исторической политики правительства В. Орбана // Вишеградская Европа. 2020. № 4 (8). С. 38–49.
- Трухачев 2019 – *Трухачев В.В.* Выселение судетских немцев и современные отношения Чехии и Австрии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 1. С. 31–44.
- Шишелина, Ведерников 2018 – Центральная Европа: политический портрет на фоне 100-летия / под ред. Л.Н. Шишелиной, М.В. Ведерникова. М.: ИЕ РАН, 2018. 240 с.
- Щербакова 2008 – *Щербакова Ю.А.* Место Словакии в современном мире: геополитический аспект (аналитический обзор) // Восточная Европа в современной геополитике / отв. ред. Ю.И. Игрицкий. М.: ИНИОН РАН, 2008. С. 150–163.
- Cabada 2020 – *Cabada L.* Central Europe between the West and East: Independent region, the bridge, buffer zone or “eternal” semi-periphery? // Politics in Central Europe. 2020. Vol. 16. No. 2. P. 419–432.
- Fesenko 2025 – *Fesenko G.* World War II in Polish museums: Historiography discourse on the culture of remembrance // Ukrainian Historical Studies. 2025. Vol. 17. No. 59. P. 147–158.
- Jagielska-Burduk, Jakubowski 2020 – *Jagielska-Burduk A., Jakubowski A.* “Narrative museums” and curators’ rights: The protection of a museum exhibition and its sec-

- nario under Polish law // *Santander Art and Culture Law Review*. 2020. Vol. 2 (6). P. 151–176.
- Kačírek 2022 – *Kačírek E.* Múzejná prezentácia obdobia socializmu na Slovensku v súčasnosti // *Etnologické rozpravy*. 2022. Vol. 29. No. 2. S. 63–73.
- Kobielska 2023 – *Kobielska M.* The righteous exhibited: Self-affirmative memory in Polish museum culture // *Teksty Drugie*. 2023. No. 1. P. 142–156.
- Máté-Tóth, Rakovics 2023 – *Máté-Tóth A., Rakovics Z.* The discourse of Christianity in Viktor Orbán's rhetoric // *Religions*. 2023. Vol. 14. No. 8. Art. 1035. URL: <https://www.mdpi.com/2077-1444/14/8/1035> (дата обращения: 20.01.2026).
- Manikowska, Jakubowski 2021 – *Manikowska E., Jakubowski A.* On defining the participatory museum: The case of the Museum of the Second World War in Gdansk // *Muzeológia a kultúrne dedičstvo*. 2021. Vol. 9. No. 4. P. 41–55.
- Rainer 2017 – *Rainer M.J.* Discourses of contemporary history in Hungary after 1989: A fragmented report // *East Central Europe*. 2017. Vol. 44. No. 2–3. P. 216–248.
- Żychlińska, Fontana 2016 – *Żychlińska M., Fontana E.* Museal games and emotional truths: Creating Polish national identity at the Warsaw Rising Museum // *East European Politics and Societies and Cultures*. 2016. Vol. 30. No. 2. P. 235–269.

References

- Bunevich, D.S. (2016), “Historical policy as an intellectual resource of the foreign policy of the Republic of Poland in the 2000s], *Intelligentsiya i mir*, no. 2, pp. 123–134.
- Cabada, L. (2020), “Central Europe between the West and East: independent region, the bridge, buffer zone or ‘eternal’ Semi-Periphery?”, *Politics in Central Europe*, vol. 16, no. 2, pp. 419–432.
- Fesenko, G. (2025), “World War II in Polish museums: Historiography discourse on the culture of remembrance”, *Ukrainian Historical Studies*, vol. 17, no. 59, pp. 147–158.
- Jagielska-Burduk, A. and Jakubowski, A. (2020), “Narrative museums and curators’ rights: The protection of a museum exhibition and its scenario under Polish law”, *Santander Art and Culture Law Review*, vol. 2, no. 6, pp. 151–176.
- Kačírek, L. (2022), “Múzejná prezentácia obdobia socializmu na Slovensku v súčasnosti”, *Etnologické rozpravy*, vol. 29, no. 2, pp. 63–73.
- Kobielska, M. (2023), “The righteous exhibited: self-affirmative memory in Polish museum culture”, *Teksty Drugie*, no. 1, pp. 142–156.
- Manikowska, E. and Jakubowski, A. (2021), “On defining the participatory museum: the case of the Museum of the Second World War in Gdansk”, *Muzeológia a Kultúrne Dedičstvo*, vol. 9, no. 4, pp. 41–55.
- Máté-Tóth, A. and Rakovics, Z. (2023), “The discourse of Christianity in Viktor Orbán's rhetoric”, *Religions*, vol. 14, no. 8, art. 1035, available at: <https://www.mdpi.com/2077-1444/14/8/1035> (Accessed 20 Jan. 2026).
- Miller, A.I. (2012), “Historical politics in Eastern Europe at the beginning of the 21st century. Introduction”, in Miller, A.I. and Lipman, M., eds., *Istoricheskaya politika*

- v XXI veke* [Historical politics in the 21st century], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, pp. 7–32. (*Biblioteka zhurnala "Neprikosnovennyi zapas"*)
- Rainer, M.J. (2017), "Discourses of contemporary history in Hungary after 1989: a fragmented report", *East Central Europe*, vol. 44, no. 2–3, pp. 216–248.
- Roshko, R. (2005), "Civil society: an attempt of historical-sociological reflection", *Vostochnoevropeiskie issledovaniya*, no. 1, pp. 57–66.
- Shcherbakova, Yu.A. (2008), "Slovakia's place in the modern world: A geopolitical aspect (analytical review)", in Igritskii, Yu.I., ed., *Vostochnaya Evropa v sovremennoi geopolitike* [Eastern Europe in contemporary geopolitics], INION RAN, Moscow, Russia, pp. 150–163.
- Shishelina, L.N. and Vedernikov, M.V., eds. (2018), *Tsentrāl'naya Evropa: politicheskii portret na fone 100-letiya* [Central Europe: a political portrait against the background of the centenary], IE RAN, Moscow, Russia.
- Stykalin, A.S. (2020), "Hungarian right-wing radicalism of the 1930s – 1940s and some trends in the historical policy of Viktor Orbán's government", *Vishegradskaya Evropa*, vol. 8, no. 4, pp. 38–49.
- Trukhachev, V.V. (2019), "The eviction of the Sudeten Germans and the modern relationship between the Czech Republic and Austria", *RSUH/RGGU Bulletin. Series "Political Science. History. International Relations"*, no. 1, pp. 31–44.
- Vedernikov, M.V. (2021), *Slovakiya: ot evropeiskoi idei do chlenstva v ES* [Slovakia: from the European idea to the EU membership], IE RAN, Moscow, Russia.
- Žychlińska, M., and Fontana, E. (2016), "Museal games and emotional truths: creating Polish national identity at the Warsaw Rising Museum", *East European Politics and Societies and Cultures*, vol. 30, no. 2, pp. 235–269.

Информация об авторе

Павел А. Доценко, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; paveldotsenko1998@mail.ru

Information about the author

Pavel A. Dotsenko, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; paveldotsenko1998@mail.ru

«Избегающая привязанность» по-американски:
парадоксы политики администрации Дж. Байдена
по отношению к ООН

Богдан А. Авдеев

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия, bogdanavdeev1999@yandex.ru*

Аннотация. Внешняя политика администрации Дж. Байдена выстраивалась среди прочего вокруг тезиса о необходимости укрепления системы многостороннего сотрудничества при ведущей роли ООН. В то же время в этот период США зачастую действовали в обход универсальной организации. В этой связи цель настоящей статьи заключается в сопоставлении официальной риторики администрации Дж. Байдена применительно к ООН и ее практических шагов на этом направлении. Статья также призвана восполнить дефицит в исследованиях, посвященных особенностям политики администрации Дж. Байдена по отношению к ООН. Выдвигается гипотеза, согласно которой США, несмотря на декларативную поддержку ООН, в действительности тяготели к односторонним шагам или форматам сотрудничества с ограниченным кругом участников. В первом разделе статьи автор, опираясь на содержательный анализ документов стратегического планирования США, выявляет цели и приоритеты политики администрации Дж. Байдена по отношению к ООН. Во втором разделе рассматриваются бюджетно-финансовые аспекты участия США в деятельности универсальной организации с учетом межпартийных противоречий. В третьем разделе на конкретных примерах прослеживается модальность взаимодействия США с ООН и системой ее учреждений. Автор частично верифицирует выдвинутую гипотезу, отмечая, что администрация Дж. Байдена действительно пыталась проводить курс на реставрацию многосторонней дипломатии в рамках ООН, однако под влиянием внутри- и внешнеполитических факторов была вынуждена действовать в обход универсальной организации. В заключение намечается перспектива дальнейших политико-компаративных и сравнительно-исторических исследований.

Ключевые слова: США, ООН, Джозеф Байден, международные организации, многосторонняя дипломатия

Для цитирования: Авдеев Б.А. «Избегающая привязанность» по-американски: парадоксы политики администрации Дж. Байдена по отношению к ООН // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 4. С. 51–71. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-4-51-71

American-style “avoidant attachment”: vicissitudes of J. Biden’s policy towards the United Nations

Bogdan A. Avdeev

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia, bogdanavdeew1999@yandex.ru*

Abstract. Joe Biden’s foreign policy revolved around the idea of strengthening the multilateral system, with the United Nations playing a leading role therein. Yet, during his presidency, the U.S. often bypassed the universal organization. In this regard, the purpose of the article is to compare the official UN-related rhetoric of the Biden administration with its practical steps towards the organization. The research also aims to fill the gap in the studies on the inconsistencies in the Biden administration’s UN policy. The hypothesis posits that the U.S., despite its declaratory support for the UN, deliberately gravitated towards unilateral actions or minilateral cooperation. The first section of the article, building upon the substantive analysis of the U.S. strategic planning documents, identifies the goals and priorities of the Biden administration’s policy towards the UN. The second section examines the budgetary and financial aspects of the U.S. participation in the UN activities, given inter-party contradictions. The third section traces the modality of the U.S. interaction with the UN and its entities through the case-studies. The author partially verifies the proposed hypothesis, noting that the Biden administration did attempt to pursue a course of restoring multilateral diplomacy within the UN. However, under the pressure of the domestic and foreign policy factors, it was compelled to act beyond the organization. The article concludes by outlining the prospects for further political-comparative and comparative-historical research.

Keywords: U.S.A., United Nations, Joe Biden, international organizations, multilateral diplomacy

For citation: Avdeev, B.A. (2026), “American-style ‘avoidant attachment’: vicissitudes of J. Biden’s policy towards the United Nations”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 51–71, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-4-51-71

Введение

Политика США по отношению к ООН с момента учреждения универсальной организации характеризовалась двойственностью и непоследовательностью [см., подробнее: Lyon 2016]. С одной стороны, американское руководство стремилось к использованию ООН в качестве инструмента для продвижения американских ценностей и идеалов в глобальном масштабе, а – шире – для утверждения лидерских позиций США на международной арене. С другой стороны, Вашингтон неоднократно действовал в обход ООН и оказывал на нее дипломатическое и/или финансовое воздействие с целью принуждения организации к выполнению американских условий (унилатерализм). Яркой метафорой для описания противоречивого характера политики США по отношению к ООН можно считать ситуацию, при которой субъект испытывает трудности в установлении доверия и долгосрочных связей с другими людьми, а также постоянно стремится к автономии и показной независимости. Для обозначения такой модели поведения в психологии используется термин «избегающая привязанность» (избегающий тип привязанности).

Данная метафора наводит нас на более частные рассуждения в теории международных отношений, связанные с осмыслением феномена многостороннего сотрудничества (мультилатерализма) и участия в нем национальных государств (включая США). Мультилатерализм, согласно одному из представителей институционализма Дж. Рагги, следует понимать как «разновидность политического института, координирующего отношения между тремя или более государствами на основе общих принципов поведения» [Ruggie 1993, p. 11]. Данное определение включает количественное (сотрудничество трех и более государств) и качественное (сотрудничество государств на основе общих принципов) измерения.

Особое звучание эти теоретические построения приобретают в контексте анализа политики США по отношению к многосторонним институтам (в том числе ООН). Показательно, что Вашингтон с момента создания институциональной архитектуры мирового порядка по итогу Второй мировой войны активно координировал свою политику с тремя и более государствами в рамках универсальной организации (количественное измерение мультилатерализма). В то же время США неоднократно действовали в обход «общих правил поведения» (качественное измерение мультилатерализма).

Исходя из такого двойственного поведения на международной арене, Дж. Рагги не без оснований предположил, что с точки зрения американских политиков мультилатерализм понимается

как «политика, направленная на поддержание такого международного порядка, в котором США устанавливают определенные правила, разделяемые некоторым сообществом государств, и следуют им» [Ruggie 1996, р. 4]. Иными словами, именно США определяют правила игры для остальных участников многосторонних взаимодействий в соответствии со своими интересами и идеалами. В этой логике именно США решают, когда следование принципам многостороннего сотрудничества целесообразно, а когда нет.

Не теряют актуальности эти рассуждения и на современном этапе, когда система многосторонних институтов переживает кризис на фоне усиления международного соперничества и обусловленных этим трудностей в координации действий стран-членов ООН. В этой ситуации государства, и в особенности наиболее влиятельные из них, более склонны прибегать к внешнеполитическим маневрам за пределами ООН и/или эксклюзивным многосторонним форматам (минилатерализм)¹, в рамках которых значительно проще вырабатывать взаимоприемлемые решения.

Так, Д. Трамп и в первый президентский срок (2017–2021), и в начале второй каденции (2025 – наст. время) предпринимал односторонние шаги по отношению к универсальной организации, начиная с блокирования финансирования ее институтов (например, Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ, БАПОР; Фонд ООН в области народонаселения, ЮНФПА) и заканчивая прекращением членства в ряде специализированных учреждений ООН (например, Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, ЮНЕСКО; Всемирная организация здравоохранения, ВОЗ).

На контрасте администрация Дж. Байдена (2021–2025) проводила курс на восстановление международных обязательств, прерванных в первую каденцию Д. Трампа, и укрепление системы многостороннего сотрудничества (мультилатерализм)². 46-й президент, к примеру, распорядился возобновить взаимодействие США с Советом ООН по правам человека (СПЧ) и ВОЗ, а также снять ограничения на финансирование БАПОР и ЮНФПА. Вместе

¹ Подробнее о различиях между мульти-и минилатерализмом см.: [Популях 2023, с. 65–67].

² *Biden-Jr. J.R. Remarks on America's place in the world* // The White House (archive). 04.02.2021. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world/> (дата обращения: 25.03.2026).

с тем, несмотря на внешне благожелательную риторику по отношению к ООН и системе ее учреждений, администрация Дж. Байдена в ряде случаев предпочитала действовать в обход универсальной организации.

В этой связи в настоящем исследовании выдвигается гипотеза, согласно которой, вопреки призывам США на официальном уровне к поддержке многосторонней дипломатии (в том числе в рамках ООН), де-факто администрация Дж. Байдена при необходимости либо действовала на международной арене в одностороннем порядке (унилатерализм), либо все же прибегала к форматам многостороннего сотрудничества, но с ограниченным кругом участников (минилатерализм).

На это противоречие между официальными заявлениями администрации Дж. Байдена и ее практическими шагами во внешней политике уже обращали внимание как международные обозреватели³, так и академические исследователи [см., например: Naar 2021, p. 20; Renshon 2024, p. 4]. Немало научных трудов посвящено изучению особенностей американской политики мультилатерализма при Дж. Байдене в целом [см., например: Charillon 2023] и ее конкретных проявлений применительно к институтам ООН в частности [см., например: Бартенев 2022; Рогинко 2021].

При этом попытки выявить особенности подхода администрации Дж. Байдена к участию в деятельности ООН предпринимались нечасто и носили идеологизированный характер. Так, в некоторых публикациях его политика представлялась как однозначно позитивный возврат к «порядку, основанному на правилах», в противовес транзакционной дипломатии Д. Трампа [Novaković 2022]. Настоящее исследование призвано отойти от такого рода ангажированных оценок и восполнить недостаток научных работ, посвященных осмыслению политики США по отношению к ООН при администрации Дж. Байдена.

Соответственно, цели настоящего исследования заключаются в сопоставлении официальной риторики администрации Дж. Байдена в контексте выстраивания взаимодействий с ООН с ее практическими шагами на данном направлении. Для этого автор, опираясь на метод содержательного анализа документов стратегического планирования, выявляет цели и приоритеты политики американского руководства по отношению к ООН. Затем выявленные

³ См., например: *Rhodes B. A foreign policy for the world as it is: Biden and the search for a new American strategy* // Foreign Affairs. 18.06.2024. URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/biden-foreign-policy-world-rhodes> (дата обращения: 25.03.2026).

целевые установки администрации Дж. Байдена соизмеряются с модальностью ее участия в ООН и системе ее учреждений, включая вопросы финансирования последних и членства в них. Для решения последней задачи используются элементы сравнительного анализа. В целом исследование выдержано в логике институционализма – подхода в рамках неолиберальной парадигмы в теории международных отношений, в рамках которого среди прочего особый акцент делается на взаимодействии национальных государств и многосторонних институтов (в частности, международных организаций).

Цели и приоритеты политики администрации Дж. Байдена по отношению к ООН

В обращении к Госдепартаменту от 4 февраля 2021 г. Дж. Байден обозначил в качестве приоритетных направлений внешней политики США многостороннюю дипломатию и защиту прав человека, а также глобальное здравоохранение и борьбу с пандемией COVID-19⁴. Отражением этих приоритетов стала серия решений о восстановлении членства США в Парижском соглашении по климату, ВОЗ и СПЧ.

В развитие этой линии 46-й президент, выступая на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН) 21 сентября 2021 г., заявил о возвращении США к участию в работе международных форумов и призвал другие страны к использованию потенциала многосторонних институтов, прежде всего ООН, «для укрепления... коллективной силы и ускорения прогресса на пути решения... глобальных проблем»⁵. Американский лидер также подчеркнул стратегическую важность Индо-Тихоокеанского региона, указав на необходимость реорганизации возглавляемых США альянсов и партнерств в условиях смещения центра тяжести мировой политики в Азию. В данном контексте закономерным представляется ссылка 46-го президента на укрепление трансатлантических связей в рамках НАТО и расширение взаимодействия в формате Четырех-

⁴ Biden-Jr. J.R. Remarks on America's place in the world...

⁵ Biden-Jr. J.R. Remarks before the 76th Session of the United Nations General Assembly, September 21, 2021 // The White House (archive). URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/09/21/remarks-by-president-biden-before-the-76th-session-of-the-united-nations-general-assembly/> (дата обращения: 25.03.2026).

стороннего диалога по безопасности (Quadrilateral Security Dialogue, QUAD).

Дипломатическая тональность данных заявлений не могла, однако, скрыть тот факт, что формируемые под эгидой США коалиции были нацелены на сдерживание растущего международного влияния КНР и России. Несмотря на то что Дж. Байден допустил возможность взаимодействия с конкурентами США в отдельных сферах, он оговорил готовность Вашингтона прибегнуть к решительным мерам в случае возникновения угрозы американским национальным интересам.

Таким образом, уже в первый год своего нахождения у власти администрация Дж. Байдена заняла неоднозначную позицию в отношении многосторонней дипломатии в рамках ООН. С одной стороны, она открыто заявила о своей приверженности Уставу ООН и ключевой роли универсальной организации в координации коллективных действий по решению глобальных проблем современности. С другой стороны, Вашингтон исходил из прерогативы США определять пределы такого многостороннего сотрудничества и состав его участников. Яркой иллюстрацией этого противоречия можно считать организацию Соединенными Штатами «саммитов за демократию», проводившихся в онлайн-формате в 2021, 2023–2024 гг. в целях обсуждения лидерами большинства стран мира проблем коррупции и прав человека. Симптоматично, что эти форумы проводились не на площадке ООН, при этом ни Россия, ни Китай (постоянные члены Совета Безопасности) не были на них приглашены, хотя многие другие страны, которые в понимании самих же США едва ли соответствуют американским демократическим стандартам, участие в саммитах приняли.

В логике эксклюзивного мультилатерализма была выдержана и американская дипломатия в ООН в контексте обострения украинского кризиса в 2022 г. С одной стороны, США стали оказывать дипломатическое давление на Россию посредством использования ГА ООН с целью принятия резолюций, осуждающих специальную военную операцию на Украине (СВО)⁶. Выступая с трибуны универсальной организации 21 сентября 2022 г., Дж. Байден представил российско-украинский конфликт в манихейском ключе, придав ему масштаб «схватки между демократическими и авторитарными государствами», при этом последние, по мнению американского

⁶ См., например: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № ES-11/6 от 23 февраля 2023 г. // Департамент по делам Генеральной Ассамблеи и конференционному управлению. URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/ES-11/6> (дата обращения: 25.03.2026).

президента, бросали вызов лежащему в основе Устава ООН «стабильному и справедливому порядку, основанному на правилах»⁷. С другой стороны, сразу после обострения кризиса США стали предпринимать действия вопреки Уставу ООН. В частности США, не получив разрешение СБ ООН, ввели односторонние ограничительные меры против России и совместно с своими союзниками (преимущественно членами НАТО) стали оказывать материальную и военную помощь украинскому правительству.

Двойственный подход США к участию в деятельности ООН был закреплён и на официальном уровне в Стратегии национальной безопасности, опубликованной в октябре 2022 г. (далее – СНБ-2022). В документе была дана сдержанная оценка международной обстановки с акцентом на необходимость сплочения государств, приверженных «порядку, основанному на правилах, для противостояния глобальным вызовам в условиях обострения соперничества демократий и автократий»⁸. Тем самым в СНБ-2022 была проведена демаркационная линия между государствами, готовыми следовать в русле внешнеполитического курса США, и всеми прочими странами. Подобная конфронтационная и идеологически нагруженная риторика американского руководства, даже с оговорками о сотрудничестве с соперниками, подрывала роль ООН как площадки для достижения широкого международного консенсуса по ключевым вопросам повестки дня.

Согласно тексту СНБ-2022 одним из «стратегических активов» для обеспечения американского лидерства на международной арене должна была стать многосторонняя дипломатия⁹. В качестве ее «первого трека» рассматривалось углубление сотрудничества с демократическими государствами в рамках НАТО, Четырёхстороннего диалога по безопасности (QUAD), Группы семи (G7) и аналогичных объединений¹⁰. В рамках «второго трека» администрация декларировала намерение «укреплять систему многосторонних

⁷ *Biden-Jr. J.R.* Remarks before the 77th Session of the United Nations General Assembly, September 21, 2022 // The White House (archive). URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/09/21/remarks-by-president-biden-before-the-77th-session-of-the-united-nations-general-assembly/> (дата обращения: 25.03.2026).

⁸ National Security strategy, October 2022 // The White House (archive). P. 18. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/11/8-November-Combined-PDF-for-Upload.pdf> (дата обращения: 25.03.2026).

⁹ Ibid. P. 11, 16.

¹⁰ Ibid. P. 12, 16–17.

институтов в целях поддержки основополагающих принципов ООН» для расширения сферы своего влияния на «недемократические» страны, разделяющие, однако, принципы «международного либерального порядка»¹¹.

Таким образом, в американской стратегии приоритет при решении внешнеполитических задач отдавался не площадке ООН, а разнообразным региональным форматам. Иными словами, универсальная организация рассматривалась администрацией Дж. Байдена в качестве вспомогательного инструмента американской дипломатии.

Более детальное изложение целей политики США в отношении участия в ООН было представлено в Региональной стратегии Бюро Госдепартамента по делам международных организаций, опубликованной 1 января 2023 г. (далее – РСБ-2023)¹². В данном документе зафиксированная в СНБ-2022 смысловая подмена, согласно которой ООН выступает ядром «порядка, основанного на правилах»¹³, получила более эксплицитное выражение, что фактически означало отстранение стран, не соответствующих, с точки зрения США, либерально-демократическим ценностям и идеалам, от участия в процессе принятия ключевых решений.

Особого внимания заслуживает и положение РСБ-2023, касающееся необходимости повышения эффективности функционирования ООН и системы ее учреждений. Эта стратегическая задача (№ 1.3) коррелировала с содержащимся в тексте СНБ-2022, пусть и в завуалированной форме, призывом к проведению реформ в ООН, «...чтобы эффективнее решать глобальные проблемы и приносить больше ощутимой пользы нашим гражданам»¹⁴. Однако составители этих документов ограничились лишь предложениями по усилению «координации между государствами-единомышленниками». Более того, как и в СНБ-2022, в РСБ-2023 присутствует формулировка о необходимости одновременно, по сути, в обход ООН, «налаживать партнерские отношения с более широким кругом государств»¹⁵. Тем самым администрация Дж. Байдена де-

¹¹ Ibid. P. 12, 18.

¹² Bureau of International Organization Affairs: Regional Bureau strategy, January 1, 2023 // U.S. Department of State (archive). URL: https://2021-2025.state.gov/wp-content/uploads/2024/06/IO-RBS_PUBLIC_1JAN2023.pdf (дата обращения: 25.04.2026).

¹³ Ibid. P. 1.

¹⁴ National Security strategy, October 2022... P. 12.

¹⁵ Bureau of International Organization Affairs: Regional Bureau strategy, January 1, 2023... P. 8.

факто признала недостаточную эффективность ООН и допустила возможность обращения к альтернативным форматам сотрудничества для достижения национальных интересов США в случае провала реформы универсальной организации.

Для такого гибкого подхода Вашингтона к реформированию ООН имелись веские основания. Противоречия между постоянными членами Совета Безопасности ООН (СБ ООН) в контексте украинского кризиса вновь актуализировала для США вопрос об эффективности универсальной организации с точки зрения реализации задач американской дипломатии. Закономерно, что уже во втором выступлении на ГА ООН 21 сентября 2022 г. Дж. Байден указал на необходимость расширения состава СБ ООН за счет введения в него новых (не)постоянных членов, тогда как годом ранее он не призывал международное сообщество к проведению структурной реформы организации¹⁶. Вместе с тем американский лидер ни в 2022 г., ни впоследствии так и не представил конкретной программы преобразований, что косвенно свидетельствовало об отсутствии у США действительной заинтересованности в проработке данного вопроса.

Политика администрации Дж. Байдена по отношению к ООН: бюджетно-финансовые аспекты

После прихода к власти демократы взяли курс на восстановление финансовых обязательств США перед системой ООН, часть из которых была аннулирована предыдущей администрацией. В проекте федерального бюджета на 2022-й фин. год исполнительная власть подчеркнула необходимость обеспечения лидирующих позиций страны в рамках международных организаций и погашения накопленной задолженности по взносам на миротворческие миссии ООН¹⁷.

Закономерно, что администрация Дж. Байдена запросила у Конгресса ассигнования по статьям «Взносы в международные

¹⁶ *Biden-Jr. J.R.* Remarks before the 77th session of the United Nations General Assembly, September 21, 2022...

¹⁷ Congressional budget justification: Department of State, foreign operations, and related programs, fiscal year 2022 // U.S. Department of State (archive). P. i. URL: https://2021-2025.state.gov/wp-content/uploads/2021/05/FY-2022-State_USAID-Congressional-Budget-Justification.pdf (дата обращения: 25.03.2026).

организации» и «Взносы на международную миротворческую деятельность» в размере 3,6 млрд долл., что на 71% превышало соответствующий показатель за 2021-й фин. год¹⁸. При этом на финансирование взносов в регулярный бюджет ООН и ее специализированных учреждений планировалось выделить около 1,2 млрд долл., что соответствовало аналогичному показателю до прихода к власти Д. Трампа в 2017 г.¹⁹

Данные инициативы не встретили поддержки со стороны республиканского крыла в Конгрессе. В 2022–2025-м фин. годах законодатели в среднем утверждали объемы финансирования регулярных бюджетов международных организаций и миротворческих операций, не превышавшие запрошенных администрацией уровней. Более того, к окончанию президентского срока Дж. Байдена объем средств, выделенных Конгрессом на нужды операций ООН по поддержанию мира, оказался почти втрое меньше аналогичного показателя за 2021-й фин. год. Сокращение расходов на миротворческую деятельность под эгидой ООН было связано не только с завершением масштабной Многопрофильной комплексной миссии ООН по стабилизации в Мали, но и с нарастающими межпартийными противоречиями.

Несмотря на указанные трудности, администрации Дж. Байдена удалось восстановить объемы финансирования регулярных бюджетов ООН и ее учреждений до уровней, сопоставимых с периодом до 2018-го фин. года. Так, в январе 2021 г. федеральное правительство возобновило материальную поддержку ЮНФПА и ВОЗ.

Возврат администрации Дж. Байдена, по крайней мере на декларативном уровне, к формуле разрешения ближневосточного конфликта «два государства для двух народов» привел к смягчению подхода США к финансированию учреждений системы ООН, которые, по мнению американских политиков, традиционно культивировали антиизраильские настроения. Так, в 2022–2023-м фин. году правительство восстановило финансирование СПЧ и ЮНЕСКО, которое было свернуто первой администрацией Д. Трампа по причине якобы «антиизраильской предвзятости» перечисленных учреждений системы ООН.

Значительно более сложной оказалась ситуация с финансированием БАПОР. Несмотря на намерения администрации Дж. Байдена восстановить программы помощи палестинцам, свернутые при

¹⁸ Ibid. P. 1.

¹⁹ Ibid. P. 49.

Д. Трампе²⁰, на практике Вашингтон приступил к оказанию давления на БАПОР с целью принуждения агентства к выполнению американских условий.

Так, 19 марта 2021 г. Генеральному комиссару БАПОР поступило письменное обращение от Госдепартамента США, в котором выдвигалось предложение о заключении нового рамочного соглашения на принципах, выгодных для США²¹. В заключительной части послания содержался недвусмысленный сигнал о том, что уступчивость БАПОР является необходимым условием для выделения агентству США первого финансового транша в 2021 г. После урегулирования ряда формальных вопросов БАПОР согласилось на американские условия.

На протяжении 2021–2023-го фин. года США в полном объеме выделяли финансирование на нужды агентства, однако ситуация изменилась после нападения ХАМАС на Израиль 7 октября 2023 г. Поскольку администрация поддержала израильскую операцию на территории сектора Газа, сотрудничество с агентством, двенадцать сотрудников которого предположительно были связаны с октябрьской атакой, стало политически нецелесообразным.

В этой связи 26 января 2024 г. администрация Дж. Байдена временно приостановила уплату всех взносов в БАПОР, признав при этом его «неотъемлемую роль в оказании жизненно важной помощи палестинцам»²². Показательно, что после принятия конгрессом 28 октября 2024 г. законов, запрещающих любую деятельность БАПОР на территории Израиля, администрация Дж. Байдена ограничилась лишь критикой данных нормативно-правовых актов²³,

²⁰ См., например: *Lederer E.M.* U.S. announces restoration of relations with Palestinians // Associated Press. 27.01.2021. URL: <https://apnews.com/article/joe-bidenworld-news-israel-united-nations-a5f546bf188f808ba29f381d76d44729> (дата обращения: 25.03.2026).

²¹ См. подробнее: Letter from Ms. Nancy Izzo Jackson, senior bureau official, Bureau of Population, Refugees, and Migration, U.S. Department of State to Mr. Philippe Lazzarini, Commissioner General, UNRWA // U.S. Department of State (archive). 19.03.2021. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/07/UNRWA-Exchange-of-Letters-PRM-Letter-to-CG-PLazzarini-Signed-19-March-2021.pdf> (дата обращения: 25.03.2026).

²² *Miller M.* Statement on UNRWA allegations // The White House (archive). 26.01.2024. URL: <https://2021-2025.state.gov/statement-on-unrwa-allegations/> (дата обращения: 25.03.2026).

²³ *Margesson Rh., Zanotti J.* UN relief and Works Agency for Palestine refugees in the Near East (UNRWA): Background and U.S. funding trends // Library of Congress. [P. 2]. 17.01.2025. URL: https://www.congress.gov/crs_external_products/IF/PDF/IF12863/IF12863.7.pdf (дата обращения: 25.03.2026).

продолжив при этом оказывать военную и финансовую помощь своему ближневосточному союзнику.

С одной стороны, противоречивую позицию администрации по отношению к БАПОР можно объяснить приближавшимися президентскими выборами 2024 г. В условиях межпартийной конкуренции более жесткая линия по ближневосточному вопросу позволяла демократам предотвратить возможную критику со стороны республиканцев, традиционно выступавших против БАПОР. С другой стороны, отказ Вашингтона финансировать агентство можно рассматривать как часть более широкой тенденции: США в условиях обострения межгосударственного соперничества все больше склоняются к действиям в обход ООН при сохранении внешне благожелательной риторики в отношении универсальной организации.

Политика США по отношению к учреждениям системы ООН: трудности сближения?

В отличие от предшествующей администрации, демократы предложили «позитивное видение в области многостороннего сотрудничества», предполагавшее нормализацию отношений с институтами системы ООН, свернутых при первой администрации Д. Трампа (см. ниже), и расширение контактов с традиционными и новыми партнерами США²⁴, что соответствовало положениям СНБ-2022. При этом в основу политики США по отношению к ООН и системе ее учреждений были положены такие принципы, как верховенство права, устойчивое развитие, экологизм, разнообразие, равенство и инклюзивность (diversity, equity, and inclusion, DEI). Предложенный подход, таким образом, включал выраженный идеологический компонент, связанный с продвижением «прогрессивной повестки».

Для эффективной реализации поставленных задач в июне 2021 г. в рамках Бюро Госдепартамента по делам международных организаций было учреждено Управление по стратегии многостороннего сотрудничества и кадровой политики. В сферу его компетенций входило, среди прочего, продвижение американских

²⁴ Report on United States participation in the United Nations, 2021 // U.S. Department of State (archive). P. 2. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/12/Report-US-Participation-in-the-UN-005021-1.pdf> (дата обращения: 25.03.2026).

граждан на ключевые руководящие должности в учреждениях системы ООН. При этом при отборе кандидатов на замещение вакантных должностей в институтах системы ООН применялись не только профессиональные, но и иные качественные критерии, например принципы DEI²⁵, что указывало на стремление администрации Дж. Байдена к универсализации леволиберальной идеологии. Так, в рамках Всемирной организации интеллектуальной собственности, Международной организации труда и ВОЗ США добились исключения любых форм дискриминации по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности при найме сотрудников²⁶.

Впрочем, администрация Дж. Байдена при проведении кадровой политики в системе ООН руководствовалась не только политико-идеологическими принципами, но и вполне прагматичными соображениями. Под предлогом продвижения «прогрессивной повестки» американские политики в том числе стремились вытеснить представителей стран-конкурентов из высшего руководящего звена ООН и ее институтов. В 2022–2023 гг. США приложили немало дипломатических усилий, чтобы лишить Россию представительства в ряде специализированных учреждений ООН (например, в ЮНЕСКО и Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН).

Параллельно США, ослабляя позиции противников в ООН, стремились к укреплению собственного присутствия в ее институтах. Так, в первый день своего пребывания в Белом доме Дж. Байден направил письмо на имя Генерального секретаря ООН об отмене решения администрации Д. Трампа о выходе из ВОЗ, которое должно было вступить в силу 6 июля 2021 г.²⁷ Возобновление интенсивного сотрудничества между США и ВОЗ в целом было частью более широкой стратегии демократов, направленной, с одной стороны, на борьбу с пандемией COVID-19 внутри самих

²⁵ Bureau of International Organization Affairs: Regional Bureau strategy, January 1, 2023... P. 19.

²⁶ Report on United States participation in the United Nations, 2023 // U.S. Department of State (archive). P. 18. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2025/01/Report-US-Participation-in-the-UN-CY-2023.pdf> (дата обращения: 25.03.2026).

²⁷ *Salaam-Blyther T.* Rejoining the World Health Organization (WHO): Reform and related issues // EveryCRSreport.com. 01.02.2021. [P. 1]. URL: https://www.everycrsreport.com/files/2021-02-01_IF11750_76a4eea2b9aea6c6f91a3f1a93a694fb4658b025.pdf (дата обращения: 25.03.2026).

США, а с другой – на обеспечение американского лидерства в области глобального здравоохранения²⁸.

Кроме того, демократы были намерены провести реформу ВОЗ посредством преобразования ее механизмов в области реагирования на пандемии, а – шире – за счет перестройки всей системы глобального здравоохранения²⁹. С этой целью, например, американские дипломаты к 2024 г. добились принятия американского варианта поправок к Международным медико-санитарным правилам (ММСП). ММСП в новой редакции, по мнению американских политиков, должны были быть направлены на предотвращение ситуации, при которой какое-либо государство (намек на КНР) препятствует выявлению причин чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение³⁰.

Придя к власти, администрация Дж. Байдена также восстановила статус государства-наблюдателя в СПЧ, оговорив при этом необходимость преобразования совета. Позднее госсекретарь Э. Блинкен уточнил, что под реформой СПЧ США подразумевали главным образом противодействие антиизраильской политике в рамках этого органа и странам-членам совета «с вопиющими нарушениями в области прав человека»³¹. Помимо этого, Вашингтон был намерен использовать СПЧ как площадку для продвижения

²⁸ Organizing and mobilizing the United States government to provide a unified and effective response to combat COVID-19 and to provide United States leadership on global health and security: Executive order 13 987 // Federal Register. 20.01.2021. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2021/01/25/2021-01759/organizing-and-mobilizing-the-united-states-government-to-provide-a-unified-and-effective-response> (дата обращения: 25.03.2026).

²⁹ U.S. Government Global Health Security strategy, 2024 // The White House (archive). April 2024. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2024/04/Global-Health-Security-Strategy-2024-1.pdf> (дата обращения: 25.03.2026).

³⁰ *Salaam-Blyther T., Weed M.C.* International health regulations amendments // EveryCRSreport.com. 24.06.2024. [P. 1]. URL: https://www.everycrsreport.com/files/2024-06-24_IF12139_6f348df041c9064bb0ab58aaee0c6d54d8e992d.pdf (дата обращения: 25.03.2026).

³¹ *Blinken A.J.* Election of the United States to the UN Human Rights Council (HRC) // U.S. Department of State (archive). 14.10.2021. URL: <https://2021-2025.state.gov/election-of-the-united-states-to-the-un-human-rights-council-hrc/> (дата обращения: 25.03.2026).

американского видения прав и свобод человека (включая права сексуальных меньшинств и принципы DEI).

В октябре 2021 г. США удалось добиться переизбрания в СПЧ на очередной трехлетний период – с 1 января 2022 г. до 31 декабря 2024 г. В соответствии с обозначенными Э. Блинкеном приоритетами американские дипломаты в 2022–2023 гг. заблокировали восемь «антиизраильских» резолюций. 9 октября 2023 г. США использовали трибуну СПЧ для осуждения нападений ХАМАС на израильскую территорию, совершенных двумя дня ранее. Кроме того, США предприняли немало усилий для смещения фокуса работы СПЧ с Израиля в сторону обсуждения нарушений прав человека в других странах. Так, в 2022 г. США безуспешно пытались склонить других членов СПЧ к обсуждению ситуации в области прав человека в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая.

Основные усилия американской дипломатии в рамках СПЧ были направлены на осуждение действий России в ходе проведения СВО. К примеру, 4 марта 2022 г. СПЧ по инициативе США учредил международную комиссию, получившую мандат на расследование всех предполагаемых нарушений в области прав человека и норм международного гуманитарного права в ходе проведения СВО. Параллельно США подготовили проект резолюции о приостановке членства РФ в СПЧ, которая в итоге была одобрена ГА ООН 4 апреля 2022 г.³² Тем самым администрация Дж. Байдена стремилась к организации дипломатической изоляции России в рамках многосторонних институтов, что препятствовало конструктивному межгосударственному диалогу по урегулированию ситуации на Украине.

Позже всего администрация Дж. Байдена нормализовала отношения с ЮНЕСКО. Такая задержка была обусловлена сопротивлением со стороны законодателей. В апреле 2022 г. Э. Блинкен, попытался убедить Конгресс возобновить выплаты членских взносов в бюджет ЮНЕСКО, ссылаясь на усиление позиций КНР в области формирования образовательных стандартов в Азии и Африке и регулирования искусственного интеллекта³³. В конце декабря 2022 г. законодатели все же пошли на уступки Белому дому и предоста-

³² Генассамблея ООН приостановила членство России в Совете ООН по правам человека // Новости ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/04/1421492> (дата обращения: 25.03.2026).

³³ *Noce V.* US considers rejoining UNESCO despite more than \$616m membership debt and Israel-Palestine controversies // The Art Newspaper. 11.01.2023. URL: <https://www.theartnewspaper.com/2023/01/11/us-considers-rejoining-unesco-despite-616m-membership-debt-and-israel-palestine-controversies> (дата обращения: 25.03.2026).

вили ему право обойти запрет на финансирование ЮНЕСКО при условии, что это позволит США «противодействовать китайскому влиянию»³⁴. Уже 29–30 июня того же года по итогам пятой чрезвычайной сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО данный вопрос был решен в пользу США, вопреки недовольству ряда стран, включая Россию и КНР.

Администрация не только пообещала постепенно выплатить ЮНЕСКО накопленную задолженность, но и заявила о намерении провести с Конгрессом переговоры о выделении организации 10 млн долл. на добровольное финансирование ее программ по просвещению в отношении Холокоста, безопасности журналистов, сохранению культурного наследия на Украине, а также по образованию инженерно-технического профиля в Африке. Тем самым демократы стремились использовать ЮНЕСКО как инструмент для решения более широких внешнеполитических задач: поддержки Израиля, дипломатической изоляции России и сдерживания влияния Китая в многосторонних институтах.

При внешнем различии все указанные случаи нормализации отношений США и учреждений системы ООН обладают одним сходством. Администрация Дж. Байдена не столько рассматривала их мандаты как самоценность, сколько использовала эти многосторонние институты для продвижения американского лидерства в глобальном масштабе в условиях обострения межгосударственной конкуренции.

Выводы

Проведенный анализ показал, что политика администрации Дж. Байдена по отношению к ООН действительно характеризовалась двойственностью как в риторике, так и на практике. С одной стороны, Вашингтон рассматривал ООН как инструмент для легитимации лидерских позиций США на международной арене; как площадку для продвижения американских идеалов в глобальном масштабе. С другой стороны, американское руководство оставляло за собой право действовать в одностороннем порядке в случае необходимости и зачастую этой возможностью пользовалось.

Эта неопределенность была обусловлена тем, что у мотивов политики администрации Дж. Байдена по отношению к ООН было

³⁴ *Lazaroff T.* US can rejoin UNESCO despite its Palestinian statehood recognition // The Jerusalem Post. 25.12.2022. URL: <https://www.jpost.com/american-politics/article-725790> (дата обращения: 25.03.2026).

«двойное дно». Демократы фактически пытались подменить принципы Устава ООН ссылкой на то, что универсальная организация является ядром «международного либерального порядка» во главе с США. Такая эксклюзивная риторика означала разделение всех государств на «своих» и «чужих», что препятствовало выработке конструктивных решений, которые бы отражали волю большинства стран-членов ООН. В то время как США оказывали дипломатическое и процедурное давление на КНР и в особенности на Россию в рамках универсальной организации и системы ее учреждений, они же использовали многосторонние институты для защиты интересов Израиля и других своих партнеров-единомышленников.

При этом, говоря о «международном либеральном порядке», администрация Дж. Байдена вкладывала в это понятие в том числе и идеологическое содержание. Последнее подразумевало продвижение посредством ООН и ее институтов «прогрессивной», лево-либеральной повестки с ее акцентом на принципах DEI, гендерном равенстве и борьбе с изменением климата.

Выбор именно этих идеологических нарративов был неслучаен и отражал глубокую общественно-политическую поляризацию в США. К моменту прихода администрации Дж. Байдена к власти сотрудничество с ООН из вопроса американской дипломатии постепенно переросло в предмет внутривнутриполитических разногласий. В этой связи закономерным выглядит то обстоятельство, что демократы с целью получения электоральных дивидендов представляли свою политику в области укрепления системы многостороннего сотрудничества как антитезу «изоляционистской» линии республиканцев. Соппротивление республиканцев в Конгрессе, например, создало определенные трудности для исполнительной власти в части финансирования ООН и нормализации отношений с рядом ее учреждений (ЮНЕСКО).

Вместе с тем было ошибочно полагать, что пределы многосторонней дипломатии администрации Дж. Байдена были связаны с непримиримой позицией правоконсервативных законодателей в Конгрессе, не желавших уступать своим леволиберальным оппонентам. В условиях нарастания межгосударственного соперничества на международной арене и углубления идеологического раскола по линии «Глобальный Север – Глобальный Юг» эффективность ООН как центральной площадки по координации коллективных усилий существенно снизилась. В этих условиях США, несмотря на внешне обманчивую риторику, были вынуждены более решительно отстаивать свои национальные интересы в условиях меняющегося баланса сил на международной арене, в том числе не чуждаясь односторонних действий в случае необходимости.

Отсюда и решение администрации Дж. Байдена о приостановке финансирования БАПОР, и отсутствие энтузиазма среди американских элит по поводу реформирования ООН, и более оборонительная позиция США в системе ее учреждений, направленная, в частности, на сдерживание китайского влияния в многосторонних институтах.

Таким образом, выдвинутая в постановочной части исследования гипотеза может быть верифицирована лишь частично. Администрация Дж. Байдена действительно взяла курс на укрепление сотрудничества с ООН, что проявилось в ее финансовой политике по отношению к универсальной организации и мерах по возобновлению взаимодействий с рядом ее институтов (мультилатерализм). Однако в силу углубляющихся межпартийных противоречий, с одной стороны, и усиливающегося великодержавного соперничества – с другой, американское руководство тяготело к иным моделям взаимодействия с универсальной организацией (унилатерализм/минилатерализм).

В некотором смысле логика избирательного участия США в деятельности ООН при администрации Дж. Байдена вписывается в американскую стратегическую культуру и отражает неизбывную установку на сохранение «свободы рук» в международных делах, которая была зафиксирована еще в прощальном послании Дж. Вашингтона, рекомендовавшего будущим поколениям американских политиков действовать максимально прагматично, опираясь в случае чрезвычайной ситуации на временные коалиции и не расширяя обязательства США по уже существующим международным соглашениям³⁵. Дальнейшее уточнение данного тезиса и – шире – особенностей политики США по отношению к ООН требует проведения сравнительного анализа подходов республиканских и демократических администраций к участию в деятельности универсальной организации, в том числе на более длительном временном промежутке.

Литература

Бартенев 2022 – *Бартенев В.И.* США и БАПОР: логика разрыва и нормализации взаимодействия // *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2022. № 10. С. 19–39.

³⁵ Washington's farewell address to the people of the United States // The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/farewell-address> (дата обращения: 25.03.2026).

- Популях 2023 – *Популях Д.С.* Мультилатерализм и минилатерализм как механизмы глобального управления // США & Канада: экономика, политика, культура. 2023. № 3. С. 63–84.
- Рогинко 2021 – *Рогинко С.А.* «Климатический кабинет» Байдена и Парижское соглашение // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2021. № 1 (19). С. 7–16.
- Charillon 2023 – *Charillon F.* The United States from Trump to Biden: A fragile return to multilateralism // Crisis of multilateralism? Challenges and resilience / ed. by A. Guilbaud, F. Petiteville, F. Ramel. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. P. 113–129. (The Sciences Po Series in International Relations and Political Economy)
- Haar 2021 – *Haar R.* The Biden administration's incompatible views on multilateralism // Atlantisch Perspectief. 2021. Vol. 45. No. 5. P. 20–24.
- Lyon 2016 – *Lyon A.J.* US politics and the United Nations: A tale of dysfunctional dynamics. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2016. 251 p.
- Novaković 2022 – *Novaković M.* The differences in US foreign policy towards the UN and ICC in Trump and Biden administrations // Mejdunarodni problemi. 2022. Vol. 74. No. 4. P. 611–630.
- Renshon 2024 – *Renshon S.A.* Conservative American nationalism versus progressive internationalism: The Trump-Biden foreign policy doctrines compared // The Trump and Harris doctrines: Preservationism versus progressivism in the 2024 presidential election / ed. by S.A. Renshon, P. Suedfeld. Cham: Springer, 2024. P. 3–16.
- Ruggie 1993 – *Ruggie J.G.* Multilateralism: The anatomy of an institution // Multilateralism matters: The theory and praxis of an institutional form / ed. by J.G. Ruggie. N.Y.: Columbia University Press, 1993. P. 3–47. (New Directions in World Politics)
- Ruggie 1996 – *Ruggie J.G.* Winning the peace: America and world order in the new era. N.Y.: Columbia University Press, 1996. 237 p.

References

- Bartenev, V.I. (2022), "The United States and UNRWA: explaining disruption and normalization of interaction", *USA & Canada: Economics – Politics – Culture*, no. 10, pp. 19–39.
- Charillon, F. (2023), "The United States from Trump to Biden: a fragile return to multilateralism", in Guilbaud, A., Petiteville, F. and Ramel, F., eds., *Crisis of multilateralism? Challenges and resilience*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland, pp. 113–129. (*The Sciences Po Series in International Relations and Political Economy*)
- Haar, R. (2021), "The Biden administration's incompatible views on multilateralism", *Atlantisch Perspectief*, vol. 45, no. 5, pp. 20–24.
- Lyon, A.J. (2016), *US politics and the United Nations: a tale of dysfunctional dynamics*, Lynne Rienner Publishers, Boulder, USA.

- Novaković, M. (2022), "The differences in US foreign policy towards the UN and ICC in Trump and Biden administrations", *Međunarodni problem*, vol. 74, no. 4, pp. 611–630.
- Polulyakh, D.S. (2023), "Multilateralism and minilateralism as global governance mechanisms", *USA & Canada: Economics – Politics – Culture*, no. 3, pp. 63–84.
- Renshon, S.A. (2024), "Conservative American nationalism versus progressive internationalism: The Trump-Biden foreign policy doctrines compared", in Renshon, S.A. and Suedfeld, P., eds., *The Trump and Harris doctrines: preservationism versus progressivism in the 2024 presidential election*, Springer, Cham, Switzerland, pp. 3–16.
- Roginko, S.A. (2021), "Biden's 'climate office' and the Paris Agreement", *Nauchno-analiticheskiy vestnik Instituta Evropy RAN*, vol. 19, no. 1, pp. 7–16.
- Ruggie, J.G. (1993), "Multilateralism: the anatomy of an institution", in Ruggie, J.G., ed., *Multilateralism matters: the theory and praxis of an institutional form*, Columbia University Press, New York, USA, pp. 3–47. (*New Directions in World Politics*)
- Ruggie, J.G. (1996), *Winning the peace: America and world order in the new era*, Columbia University Press, New York, USA.

Информация об авторе

Богдан А. Авдеев, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1; bogdanavdeew1999@yandex.ru

Information about the author

Bogdan A. Avdeev, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; bogdanavdeew1999@yandex.ru

Характеристика и эволюция понятия «публичная дипломатия» в современной науке

Владислав С. Севрюк

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sevriuk.vlad@mail.ru*

Мария Д. Матвеева

*Московский государственный институт международных
отношений (университет) МИД РФ (МГИМО),
Москва, Россия, maria.matveeva@sochidialogue.ru*

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу эволюции концепта «публичная дипломатия». Прослеживается историческое развитие термина от первых упоминаний в XIX в. до его теоретического оформления в трудах Э. Галлиона, Дж. Ная и других западных и отечественных исследователей. Особое внимание уделяется трансформации практик публичной дипломатии в период холодной войны, ее практическому и теоретическому переосмыслению в эпоху глобализации и цифровизации.

Также в работе рассматривается роль государственных и негосударственных акторов, инструментарий публичной дипломатии, включающий культурные, образовательные и научные компоненты. Подчеркивается влияние цифровых технологий на появление новых форматов, таких как цифровая и кибердипломатия.

В исследовании отдельно затронута проблема терминологической многозначности и различий в трактовках понятия в зарубежной и отечественной науке. Делается вывод о том, что публичная дипломатия, эволюционируя от пропагандистских инструментов прошлого, стала комплексным механизмом формирования позитивного имиджа государства, налаживания диалога с представителями зарубежной аудитории и достижения долгосрочных внешнеполитических целей.

Ключевые слова: публичная дипломатия, модели публичной дипломатии, адвокация, эволюция публичной дипломатии, культурная дипломатия, научно-образовательные проекты

Для цитирования: Севрюк В.С., Матвеева М.Д. Характеристика и эволюция понятия «публичная дипломатия» в современной науке // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 4. С. 72–91. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-4-72-91

Characteristics and evolution of the concept of “public diplomacy” in contemporary science

Vladislav S. Sevriuk

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia. sevriuk.vlad@mail.ru*

Maria D. Matveeva

*MGIMO University, Moscow, Russia,
maria.matveeva@sochidialogue.ru*

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the evolution of the concept of “public diplomacy”. The historical development of the term is traced from the first references in the 19th century to its theoretical formulation in the works of E. Gallion, J. Nye and other Western and domestic researchers. Special attention is paid to the transformation of public diplomacy practices during the Cold War, its practical and theoretical rethinking in the era of globalization and digitalization.

The paper also examines the role of state and non-state actors, and the tools of public diplomacy, including cultural, educational, and scientific components. The influence of digital technologies on the emergence of new formats, such as digital and cyber diplomacy, is emphasized.

The study separately addresses the problem of terminological ambiguity and the differences in the interpretation of the concept in foreign and domestic science. It is concluded that public diplomacy, evolving from the propaganda tools of the past, has become a comprehensive mechanism for creating a positive image of the state, establishing a dialogue with the foreign audience and achieving the long-term foreign policy goals.

Keywords: public diplomacy, models of public diplomacy, advocacy, evolution of public diplomacy, cultural diplomacy, scientific and educational projects

For citation: Sevriuk, V.S. and Matveeva, M.D. (2026), “Characteristics and evolution of the concept of ‘public diplomacy’ in contemporary science”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 72–91, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-4-72-91

Введение

В зарубежной и российской историографии отсутствует унифицированный подход к определению составных частей публичной дипломатии. Мнение исследователей расходится как в практической

плоскости (в вопросах фактического начала практического применения публичной дипломатии и т. д.), так и в теоретической части проблемы (в сферах применения публичной дипломатии и т. д.). В XXI в., когда рост напряженности между странами и ключевыми акторами достигает новых пределов, актуальным остается изучение ненасильственных форм воздействия на общество и ключевую аудиторию. Публичная дипломатия представляется именно тем инструментом, который способен отвечать на данную потребность.

Для более детального выбора составляющих элементов этого термина следует проследить его развитие и определить ключевые направления применения публичной дипломатии в современных практиках на мировой политической арене.

Становление публичной дипломатии в XX в.

Мнения о первом упоминании и появлении практик публичной дипломатии различаются. Политолог О.И. Опанасюк отмечает, что термин в первый раз был использован в 1856 г. в публикациях Times и был применен в контексте корректировки заявлений политических элит Великобритании [Опанасюк 2017б]. Это показывает, что у истоков публичной дипломатии находились коммуникативные элементы.

Исследователь Н.А. Цветкова утверждает, что этот термин впервые был использован в 1871 г. в Соединенных Штатах в материалах издания "The New York Times". В статье шла речь о дебатах в Конгрессе о возможности аннексии колоний Испании в Доминикане. Фактически публичная дипломатия была противопоставлена «секретной дипломатии и внешней политике администрации США» [Цветкова 2015, с. 21].

Фактически одной из первых стран, которая дала старт формированию практики публичной дипломатии, можно считать СССР. В 1925 г. в Москве было создано Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (далее – ВОКС), целью которого было привлечение интеллигенции из стран Запада в Советский Союз для последующего продвижения идей социализма. Работа ВОКС была направлена на сферы «высокой культуры, информационно-пропагандистской деятельности, а также образования и науки» [Наумов 2019, с. 104]. В дальнейшем в 1934 г. для противодействия коммунизму и различным националистическим движениям был основан Британский совет*. Отечественный историк Е.Ю. Сергеев указы-

* Генпрокуратура РФ признала деятельность The British Council нежелательной на территории РФ.

вает, что создание Британского совета было обосновано именно необходимостью сопротивления ВОКС [Сергеев 2024].

Смысловое наполнение и основы практического применения публичной дипломатии в том формате и значении, который может быть использован в XXI в., начало формироваться в 1950-е гг. и было связано с развитием радиовещания и телевидения, а также их большей доступностью для населения. Это стало причиной расширения понятия «публичная дипломатия» от исключительно сферы деятельности дипломатических служащих к полноценному внедрению информационной составляющей в публичную дипломатию.

В условиях холодной войны работа публичной дипломатии в большей степени заключалась в ведении пропаганды. Теоретическая база для этого процесса была сформирована американским ученым Уолтером Липманом, который в 1953 г. объединил термины «психологическая операция», «пропаганда» и «публичная дипломатия» в одно целое. Дополнительно У. Липман раскритиковал укрепление влияния этих трех элементов на внешнюю политику (особенно на американо-советские отношения), сравнивая данную тенденцию с «чумой»¹.

Существуют и другие подходы, дополняющие этот тезис. Так, российский ученый Д.С. Сизарев заключил, что формирование публичной дипломатии как полноценного инструмента протестировано возмущением общества тайной дипломатией. На середину XX в. пришелся пик этого недовольства, когда социум и журналисты обвинили дипломатов в неспособности предотвращения войн из-за непубличности своей работы. Это дополнительно обосновывает формирование теоретических основ публичной дипломатии в 1960-е гг. [Сизарев 2014].

Опасения нового усиления пропаганды существовали не только в социуме. В 1958 г. генсек ООН Д. Хаммаршёльд раскритиковал новые тенденции в дипломатии, сказав, что «публичная дипломатия сама по себе не может обеспечить гарантию мира, поскольку в руках безжалостной группы правителей средства массовой информации использовались не по назначению»². Этот тезис свидетельствует о том, что запрос на трансформацию основ дипломатии присутствовал и на уровне высших политических кругов.

Традиционно считается, что оформление теории публичной дипломатии впервые представлено в 1965 г. политологом Эдмундом

¹ *Lippmann W.* Today and tomorrow: Talking about talking // *The Washington Post*. 1953. Nov. 19. P. 15.

² Dag Hammarskjöld. URL: <https://www.un.org/Depts/dhl/dag/time1958.htm> (дата обращения: 08.08.2025).

Галлионом, который утверждал, что публичная дипломатия представляет собой процесс, через который акторы международных отношений добиваются внешнеполитических целей через влияние на зарубежную общественность [Azpíroz 2016].

Американский ученый Н. Калл предположил, что потребность в теоретическом оформлении публичной дипломатии заключалась в практической необходимости США в новых дипломатических форматах, когда на международной арене настала пора использовать категории, альтернативные «болеутоляющему термину “информация” или зловередному термину “пропаганда”», чтобы создать позитивные смыслы для общества³. В этом контексте становится понятным, что вариант, предложенный Э. Галлионом, был удобен для ученых своего времени.

То же подтверждают эксперты Центра общественной дипломатии Университета Южной Калифорнии, указывая, что понятие «публичная дипломатия» было оформлено с целью «дистанцировать информационную деятельность правительства за рубежом от термина “пропаганда”, который приобрел уничижительный оттенок»⁴. Дополнительной проблемой термина «пропаганда» являлся исторический подтекст. В основном, как утверждает отечественный ученый А.В. Лукин, это связано с ведением пропаганды Германией в период Второй мировой войны [Лукин 2013].

Это утверждение поддерживает и российский исследователь Н.А. Смирнов, подчеркнув, что термин был сформирован в условиях холодной войны [Смирнов 2015]. Как можно предположить, данное мнение обосновано процессом разрядки 1960-х и 1970-х гг., когда от внешнеполитических служб США и СССР требовалось улучшить свой имидж и сменить инструментарий для смягчения отношений между сторонами.

Теоретическое осмысление публичной дипломатии в XXI в.

С началом концептуализации «мягкой силы» интерес ученых к публичной дипломатии снизился. Однако после терактов в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. США начали борьбу против терроризма,

³ Cull N.J. “Public diplomacy” before Gullion: The evolution of a phrase. URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/public-diplomacy-gullion-evolution-phrase> (дата обращения: 04.08.2025).

⁴ What is public diplomacy? URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/page/what-is-pd> (дата обращения: 03.08.2025).

а запрос Вашингтона на улучшение своего имиджа на международной арене усилился. Это вновь подтолкнуло практики публичной дипломатии к развитию [Шамугия 2017].

А.Ю. Высоцкий резюмировал, что у пропаганды и публичной дипломатии присутствует общая черта – симуляция реальности. Публичная дипломатия, имея все признаки дипломатии и коммуникации, стала лишь их симуляцией. «Опознание» публичной дипломатии производится демонстрацией двусторонней коммуникации и «воплощения желаний зарубежной общественности по поводу потребления высоких общественно-политических идеалов» [Висоцкий 2020, с. 13]. Тем самым эксплуатируется «миф о райском месте», который является идеалистическим образом страны [Висоцкий 2020, с. 13].

Американская ученая Нэнси Сноу в своем исследовании «Публичная дипломатия» использует термин «адвокация», который используется в качестве альтернативы пропаганде и представляет собой «прямое обращение путем представления идеи или политики мировой общественности»⁵. Адвокация учитывает и влияние негосударственных субъектов на негосударственных или государственных акторов и отличается от пропаганды отсутствием эмоциональной составляющей.

Стоит рассмотреть и взгляды основных школ теории международных отношений, так как в их подходах присутствуют определенные различия. Концептуальные основания подхода школы политического реализма к анализу публичной дипломатии коренятся в признании государства в качестве центрального актора международных отношений. Данная предпосылка обуславливает скептическое отношение реалистов к новым форматам публичной дипломатии, предполагающим участие неправительственных организаций и частных лиц [Шур 2021]. Традиционный для реалистов критерий государственной мощи, акцентирующий военный потенциал, ресурсы, территорию и демографию, зачастую приводит к недооценке значимости публичной дипломатии. Однако, как отмечал один из ключевых теоретиков данного направления Г. Моргентхау, в структуре национальной силы также присутствуют культурные традиции и мораль [Morgenthau 1967]. Это положение не только легитимирует использование культурно-образовательного направления в дипломатической практике с точки зрения реалистической парадигмы, но

⁵ *Snow N. Public diplomacy // Oxford research encyclopedia of international studies / ed. by N. Roy. N.Y: Oxford Academic. URL: <https://oxfordre.com/internationalstudies/display/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-518?rsk=1&result=1> (дата обращения: 06.09.2025).*

и утверждает его в статусе важного инструмента внешней политики. Кроме того, Г. Моргантау выделял в качестве одного из фундаментальных мотивов поведения политических акторов стремление к повышению своего престижа на международной арене, что еще больше усиливает важность этого инструмента.

Наиболее существенный вклад в теоретическую разработку концепции публичной дипломатии в рамках теории международных отношений внесли представители школы неолиберализма. В противоположность политическому реализму, неолиберальная парадигма признает роль негосударственных акторов в мировой политике, что концептуально расширяет возможности для международной кооперации.

Вместе с тем, как отмечает ряд исследователей, публичная дипломатия не сводится исключительно к инструментарию внешней политики. В частности О.И. Опанасюк указывает, что некоторые государства используют механизмы публичной дипломатии для информирования своего населения о международных событиях в выгодном для правящего режима ключе, с целью укрепления легитимности власти. Данный феномен автор характеризует как «внутреннюю публичную дипломатию» [Опанасюк 2017a].

В 2008 г. Дж. Най сформулировал три ключевых направления деятельности в сфере публичной дипломатии, обозначив их как «измерения» (dimensions). Первое из них было определено как «повседневная коммуникация», нацеленная на разъяснение контекста решений как во внешней, так и во внутренней политике [Nye 2008].

Стратегическая коммуникация представлена в рамках второго измерения, которое по утверждениям Дж. Найа схоже с рекламными и политическими кампаниями. Смысл второго измерения состоит в планировании и последующей коммуникации для «усиления центральных тем или продвижения определенной политики правительства» [Nye 2008, p. 102].

Третье измерение было охарактеризовано в качестве развития долгосрочных отношений с ключевыми фигурами с помощью семинаров, образовательных программ, конференций, стипендий, тренингов, грантов и т. д.

Указанные измерения комплексно охватывают и государственные структуры. Таким образом, Госдеп США указывает, что работники департамента реализуют свою деятельность «информируя, вовлекая и в конечном счете влияя на иностранную общественность...»⁶.

⁶ D&CP – Public diplomacy // U.S. Department of State. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/137784.pdf> (дата обращения: 17.09.2025).

Европейская служба внешних связей также выделяет в своем определении публичной дипломатии три собственных измерения: информационное, репутационное и реляционное⁷.

Эти три измерения, как указывает Дж. Най, важны для формирования имиджа государства, улучшения перспектив страны и достижения внешнеполитических целей. В то же время, как резюмирует Дж. Най, «даже самая лучшая реклама не может продать непопулярный продукт» [Nye 2008, p. 102], имея в виду, что имидж авторитарных и развивающихся стран улучшить невозможно. По нашему мнению, в этом случае указывается не столько на тесную связь мягкой силы и публичной дипломатии, сколько на трудности в их реализации недемократическими странами.

В политической науке XXI в. концептуализация публичной дипломатии формируется в неразрывной связи с такими категориями, как «мягкая сила» и «национальный бренд». Как подчеркивает в своих работах Н.А. Смирнов, именно Дж. Наю принадлежит определяющая роль в формировании современного понимания публичной дипломатии после введения в научный оборот концепта мягкой силы в 1990-х гг. [Смирнов 2015]. Сам Дж. Най определял публичную дипломатию в качестве ключевого инструмента наращивания мягкой силы, разделяя ее через три вышеупомянутых измерения.

Следует отметить, что в XXI в. формирование позитивного национального образа (бренда) за рубежом стало одной из первостепенных задач публичной дипломатии и политики мягкой силы. Данная тенденция, вероятно, обусловлена потребностью государств в укреплении международного авторитета и расширении сфер влияния на сопредельные страны. Как указывал британский эксперт Уолли Оллинс, процесс становления национального бренда реализуется через три взаимосвязанных аспекта, находящихся практическое воплощение в инструментарии публичной дипломатии: экспорт брендов; туризм; прямые иностранные инвестиции [Olins 2005].

По мнению У. Оллинса, успех наций основывается на «ясности, акценте и энтузиазме» [Olins 2005, с. 172], вложенных в пространство национального бренда на мировой уровень. Однако существуют и крайне неудачные примеры такого проецирования. У. Оллинс в качестве подобного примера приводит инициативу продвижения британского бренда “Cool Britannia”.

⁷ Public diplomacy and international cultural relations // The Diplomatic Service of the European Union. 09.04.2026. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/public-diplomacy-and-international-cultural-relations_en#45803 (дата обращения: 12.04.2026).

Формирование качественного и позитивного образа государства в первую очередь предполагает наличие у него привлекательных качеств, включая высокие показатели экономического развития, а также наличие ценностных ориентиров, создающих консолидирующее начало вокруг единого центра силы и привлекательной модели развития.

В современной политической науке наблюдается тенденция к рассмотрению публичной дипломатии в качестве концептуального правопреемника термина «пропаганда». Западные исследователи Джефф Бридж и Алан Джеймс в своем авторском дипломатическом словаре лаконично определяют публичную дипломатию как термин XX в., представляющий собой «пропаганду, осуществляемую дипломатами»⁸. Можно предположить, что в XXI в. подобный подход к интерпретации понятия приобретает черты упрощенной и архаичной трактовки. Тем не менее на современном этапе развития международных отношений невозможно категорически отрицать наличие пропагандистского компонента в качестве составного элемента публичной дипломатии.

Понимание целевой аудитории – одно из обязательных условий для реализации публичной дипломатии. Дж. Най назвал этот процесс «улицей с двусторонним движением», в рамках которой усилия приложены не только реализующим публичную дипломатию государством, но и принимающей стороной [Nye 2008].

Для более точного представления особенностей и практик публичной дипломатии арене следует определить категории акторов, которые могут участвовать в ее реализации:

- 1) представители крупного бизнеса;
- 2) образовательные и культурные организации;
- 3) «классические» и интернет-СМИ;
- 4) НПО;
- 5) государственные структуры.

Российский политолог А.В. Лукин представил альтернативную версию перечня действующих акторов, задействованных в реализации публичной дипломатии:

- 1) частные группы интересов и отдельные лица;
- 2) правительственные и государственные структуры;
- 3) организации и отдельные физические лица, задействованные в процессе межкультурной коммуникации;
- 4) СМИ и отдельные журналисты [Лукин 2013].

⁸ *Berridge G.R., James A. A dictionary of diplomacy. L.: Palgrave Macmillan, 2003.*

В целом можно резюмировать, что в отечественном научно-исследовательском сообществе подходы к определению категорий участников публичной дипломатии схожи.

Отмечается, что в XXI в. государство не имеет абсолютной монополии на международную деятельность. Это открывает для негосударственных акторов широкие перспективы для выхода на мировую политическую арену в качестве полноценных участников [Зонова 2007]. А.В. Лукин также выделил и направления реализации публичной дипломатии, осуществляемые по следующим принципам взаимодействия акторов:

- 1) правительство воздействующей страны – общество страны-реципиента;
- 2) общество воздействующей страны – правительство страны-реципиента;
- 3) общество воздействующей страны – общество страны-реципиента.

Данный подход позволяет осуществлять комплексный анализ влияния, оказываемого не только на трансформацию установок на уровне общественности, но и на позиции представителей государственных структур, ответственных за принятие решений. Формат взаимодействия «общество-общество», как представляется, можно также рассматривать в качестве сферы компетенции народной дипломатии, что представляется логически обоснованным.

Процесс цифровизации международных отношений в XXI в. оказал существенное влияние на публичную дипломатию, которая благодаря развитию новых медиа и цифровых технологий приобрела качественно новые характеристики и инструментарий. Усиление информатизации и распространение соцсетей вынудили традиционные уйти с доминирующих позиций. Трансформация медиаландшафта обусловила появление нового феномена, идентифицируемого как «цифровая дипломатия», которая функционирует в рамках публичной дипломатии и мягкой силы. В отечественной научной традиции указанный феномен получил предварительное обозначение как «публичная дипломатия 2.0». Отечественный исследователь А.Н. Марчуков выделяет три ее ключевых компонента деятельности: публикация контента на хостинг-сервисах; применение микроблогов; размещение контента в социальных сетях [Марчуков 2014].

Интеграция социальных сетей в публичную дипломатию обусловила появление новых форматов дипломатической деятельности, получивших закрепление как в практическом, так и в теоретическом поле: «твиттер-дипломатии» и «фейсбук-дипломатии».

Примечательно, что в научном дискурсе уже устойчиво закре-

пились производные от цифровой дипломатии термины – такие как «дипломатия данных» и «кибердипломатия», – в целом репрезентирующие тот же комплекс характеристик, что и исходное понятие цифровой дипломатии, но акцентирующие отдельные ее аспекты.

Несмотря на реактивный характер действий виртуальных сообществ, они обладают преимуществами в сравнении с классическими СМИ:

- быстрое распространение информации;
- широкий охват аудитории без ограничений географических рамок;
- возможность получения прямой обратной связи от участников;
- участники виртуальных сообществ могут создавать собственный контент, что показывает реакцию социума на различные события.

Указанные преимущества в коммуникации обусловили создание официальных онлайн-ресурсов не только отдельных политиков, но и институтов и политических партий в соцсетях. Этот подход позволяет получать прямую обратную связь от аудитории и осуществлять публичную отчетность, демонстрирующую эффективность деятельности правительственных структур.

Российский политолог А.В. Долинский отмечает, что с ростом потребности применения публичной дипломатии «резко активизировалась и научная мысль на этом направлении» [Долинский 2011, с. 277]. Новые задачи и цели международной коммуникации привели исследователей к дополнению публичной дипломатии новыми составляющими. Было установлено, что коммуникационная составляющая не только транслирует определенные идеи, но и способна заменять существующие в массовом сознании смыслы на нарративы, соответствующие целям государственных институтов. Помимо этого, сформировалась потребность в вовлечении населения другого государства в коммуникацию для формирования устойчивых связей.

В западном научном сообществе подчеркивается взаимосвязь между мягкой силой и публичной дипломатией, где последняя рассматривается в качестве инструментальной основы для реализации потенциала мягкой силы [Batora 2006]. Данная связь обусловлена общностью применяемых подходов: использование ненасильственных методов воздействия, актуализация гуманитарной составляющей внешней политики и активное вовлечение негосударственных акторов.

Важной частью публичной дипломатии остается сфера культуры. При этом в мировой и отечественной практике применяют

различный подход к дифференциации или, наоборот, сопряжению культурной и публичной дипломатии в единую систему. Согласно позиции отечественных исследователей культурная дипломатия сформировалась на практическом и теоретическом уровнях ранее публичной, преследуя при этом схожие цели. К последним относится формирование позитивного имиджа страны за рубежом, установление коммуникации с аудиториями и организация культурного обмена [Василенко 2016]. Примечательно, что культурное направление изначально имело сильный пропагандистский характер. Этот тезис подтверждается западным ученым Фредериком Баргхорном, который в 1930-е гг. ввел в научный оборот сам термин «культурная дипломатия», охарактеризовав ее как манипуляцию культурными ресурсами в интересах госпропаганды [Barghoorn 1960].

Можно выделить следующие инструменты, применяемые в рамках культурного трека публичной дипломатии:

- 1) кинематограф, музыка, театр;
- 2) литература (презентации книг, перевод литературы на иностранные языки и поставки книжных изданий в качестве гуманитарной помощи);
- 3) выставки;
- 4) онлайн-трансляции мероприятий;
- 5) организация религиозных праздников.

Презентация страны на международной арене осуществляется посредством демонстрации в том числе и продукции массовой культуры. Эта стратегия является апробированным инструментом, который был официально интегрирован в дипломатическую практику рядом государств. В частности, Япония с 2008 г. использует аниме в качестве элемента своей культурной дипломатии⁹. В связи с этим западный ученый Эрик Фаттор в 2014 г. представил новый термин, который обозначает применение массовой культуры в рамках публичной дипломатии – «арсенал развлечений». Также автор выделил термин, представляющий превращение культуры в оружие – «вепонизация культуры» [Fattor 2014].

В западной историографии XXI в. культурная дипломатия получила четкую концептуализацию в качестве разновидности публичной дипломатии, а впоследствии – компонента мягкой силы [Clarke 2016]. В то же время, как отмечает российский историк Г.И. Цвык, в отечественной научной традиции сохраняется тен-

⁹ Pop-culture diplomacy // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 22.04.2026. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/culture/exchange/pop/index.html> (дата обращения: 09.09.2025).

денция к дифференциации публичной и культурной дипломатии, что добавляет трудности в разграничении их предметных полей [Цвык 2018].

В то же время монополия государства на культурное взаимодействие отсутствует. Практика частных культурных обменов, получившая распространение в XX в., способствовала выходу дипломатической деятельности из-под исключительного контроля стран и в дальнейшем – развитию публичной дипломатии в целом [Бородин 2010]. Речь при этом идет не об отчуждении дипломатии от государственных институтов, а о расширении спектра ее деятельности и увеличении числа акторов.

Британский ученый Д. Кларк заключил, что в рамках публичной дипломатии, культурная дипломатия направлена на усиление взаимопонимания с помощью обмена идеями, произведениями искусства и т. д. [Clarke 2016]. Тезисы Д. Кларка не выделяют принципиально новых категорий, которые могли бы дополнить общую картину. Можно предположить, что в этом случае всю культурную составляющую публичной дипломатии уместно именовать «культурным треком».

Образовательное направление остается одним из самых эффективных инструментов публичной дипломатии. Данное направление носит долгосрочный характер, что обуславливает значительные временные затраты. Помимо повышения привлекательности страны, реализуется процесс установления связей с новыми поколениями управленцев и лиц, принимающих решения, что создает основу для формирования лобби. А.В. Долинский отмечает, что именно это сделало образовательные обмены ключевым и самым эффективным инструментом [Долинский 2014].

Достижение целей в рамках образования возможно благодаря:

- 1) формированию долгосрочных связей между выпускниками образовательных программ;
- 2) повышению конкурентоспособности студентов;
- 3) улучшению образа страны, предоставляющей гранты или стипендии.

Научная дипломатия может являться сопряженным элементом образовательного трека публичной дипломатии. Российский политолог Е.М. Харитонова подчеркивает, что научная дипломатия представляет собой «один из неперенных атрибутов современного государства, претендующего на статус если не великой державы, то одной из ведущих» [Харитонова 2018, с. 63]. Этот инструмент акцентирует вклад государства в развитие мировой науки, тем самым подчеркивая его роль в решении глобальных проблем. Наука трансгранична, что облегчает установление профессиональных

контактов, а общие научные принципы способствуют укреплению связей между научными сообществами [Бадмаев и др. 2018]. В рамках этого направления публичная дипломатия располагает обширным инструментарием для привлечения новых участников научного сотрудничества, включающим гранты, стипендии и т. д. Стоит выделить и целевую аудиторию научного и образовательного направления публичной дипломатии: абитуриенты, студенты и выпускники университетов, представители экспертно-академических сообществ.

Несмотря на сложности выработки единого определения публичной дипломатии, обусловленные ее многовекторностью и длительной эволюцией, эксперты используют достаточно гибкие критерии для ее теоретического осмысления. Так, британский дипломат Шон Риордан относит к публичной дипломатии все формы дипломатической деятельности, исключая консульский, политический и экономический аспекты¹⁰. Несмотря на свою простоту, широкий охват этих сфер внешнеполитической деятельности создает значительные сложности для изучения.

Можно резюмировать, что научно-образовательная, цифровая и культурная составляющие публичной дипломатии могут представлять собой как самостоятельные практики внешней политики, так и быть ее частями.

Выделяются и универсальные цели публичной дипломатии:

- популяризация товаров и услуг;
- привлечение иностранцев для получения образования и туризма;
- разъяснение идей государства иностранной общественности;
- привлечение инвестиций и поиск союзников;
- создание положительного образа [Leonard 2002].

Можно констатировать, что понятие «публичная дипломатия» охватывает широкий набор мер и стратегий, направленных на выстраивание долгосрочных отношений, формирование благоприятного образа государства, достижение внешнеполитических целей, трансляцию ценностей и углубление взаимопонимания с зарубежными обществами.

Выделяют и модели публичной дипломатии:

1. *Модель холодной войны*, сложившаяся в период противостояния США и СССР и нацелена на долгосрочную конфронтацию. Ее цель – оказание информационного воздействия для выравнивания отношения правительства враждебно настроенной страны по отношению к другой, а также противодействие пропаганде.

¹⁰ Riordan S. The new diplomacy. Cambridge: Polity Press, 2013.

2. *Транснациональная модель*, сформировавшаяся после усиления негосударственных участников мировой политики. Ядро инструментария состоит из глобальных теле- и радиосетей, выводя их работу за пределы национального уровня.

3. *Внутригосударственная PR-модель*, применима для лоббирования интересов в другой стране с помощью PR-кампаний и для построения имиджа [Gilboa 2008, p. 59–60].

Выделяется и *колониальная модель*, используемая при выстраивании отношений между колониальной властью и местным населением, когда встраивания территории в свою систему управления [Попцов 2020, с. 22].

Заключение

В ходе исследования эволюции понятия «публичная дипломатия» был получен ряд выводов.

Во-первых, к сфере публичной дипломатии относятся: поддержание официальных отношений посредством взаимодействия с институтами власти и гражданскими субъектами, разъяснение внешнеполитических решений на международной арене с привлечением СМИ. Ключевой ее задачей остается формирование благоприятного имиджа государства, достигаемое за счет информационных кампаний и путем реализации научно-образовательных и культурных инициатив.

Во-вторых, арсенал публичной дипломатии включает как традиционные инструменты – образовательные, научные и культурные, так и медийные каналы, что и обеспечивает воздействие на зарубежную аудиторию. Хотя современная политическая наука отошла от трактовки публичной дипломатии как средства противопоставления пропаганде, ее ключевой целью остается коммуникация с иностранными массами.

В-третьих, стоит учитывать, что публичная дипломатия не представляется противоположностью традиционной дипломатии, так как они являются полноценными инструментами внешней политики государства.

Подытоживая вышесказанное, следует отметить, что, несмотря на относительную неустойчивость теоретического фундамента публичной дипломатии, ее структурные компоненты уже длительное время присутствуют в арсенале внешней политики. Это обстоятельство не препятствовало, а напротив, способствовало концептуальному оформлению публичной дипломатии и ее становлению.

Литература

- Бадмаев и др. 2018 – *Бадмаев В.Н., Демичев Д.Н., Хутыз З.А.* Научная дипломатия и вызовы современного мира // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2018. № 1. С. 69–74.
- Бородин 2010 – *Бородин Д.А.* Культурная дипломатия в международных отношениях // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 1 (10). С. 273–275.
- Василенко 2016 – *Василенко Е.В.* Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы» государства // Перспективы: Электронный журнал. 2016. № 1 (5). С. 68–80.
- Висоцький 2020 – *Висоцький О.Ю.* Публічна дипломатія як форма нової пропаганди // Матеріали II Міжнародної наукової конференції. Ч. 2. Дніпро: СПД «Охотнік», 2020. С. 11–13.
- Долинский 2014 – *Долинский А.В.* Образовательные обмены в публичной дипломатии: российский и зарубежный опыт // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 56–62.
- Долинский 2011 – *Долинский А.В.* Эволюция теоретических оснований публичной дипломатии // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 2 (17). С. 275–280.
- Зонова 2007 – *Зонова Т.В.* Современная дипломатия: проблемы и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2007. № 4. С. 5–21.
- Лукин 2013 – *Лукин А.В.* Публичная дипломатия // Международная жизнь. 2013. № 3. С. 69–87.
- Марчуков 2014 – *Марчуков А.Н.* «Публичная дипломатия 2.0» как инструмент внешнеполитической деятельности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 4 (28). С. 104–113.
- Наумов 2019 – *Наумов А.О.* От Советского Союза к Российской Федерации: эволюция отечественной системы «мягкой силы» и публичной дипломатии // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2019. № 2. С. 102–117.
- Опанасюк 2017a – *Опанасюк О.І.* Еволюція інститутів, форм і методів сучасної дипломатії: дис. ... канд. політ. наук; КНУ ім. Тараса Шевченка. Київ, 2017. 220 с.
- Опанасюк 2017b – *Опанасюк О.І.* Особливості сучасної публічної дипломатії // Гілея: науковий вісник. 2017. Вип. 117. С. 238–243.
- Попцов 2020 – *Попцов Д.А.* «Мягкая сила» публичной дипломатии в контексте современных информационных коммуникаций // Вопросы управления. 2020. № 3 (64). С. 20–30.
- Сергеев 2024 – *Сергеев Е.Ю.* Обманчивый рассвет: Советский Союз и Великобритания в 1925–1932 гг. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2024. 397 с.
- Сизарев 2014 – *Сизарев Д.А.* «Мягкая сила» публичной дипломатии Группы семи/восьми // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 3. С. 112–118.

- Смирнов 2015 – *Смирнов Н.А.* Публичная дипломатия: эволюция концепта в политической науке // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2015. № 1. С. 78–89.
- Харитоновна 2018 – *Харитоновна Е.М.* Научная дипломатия во внешней политике Великобритании: теоретические и институционально-организационные аспекты // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2018. № 2. С. 61–91.
- Цветкова 2015 – *Цветкова Н.А.* Публичная дипломатия как инструмент идеологической и политической экспансии США в мире, 1914–2014 гг.: дис. ... д-ра ист. наук; СПбГУ. СПб., 2015. 552 с.
- Цвык 2018 – *Цвык Г.И.* Культурная дипломатия в современных международных отношениях (на примере России и Китая) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. № 2 (10). С. 135–144.
- Шамугия 2017 – *Шамугия И.Ш.* Понятие «публичная дипломатия» в теории международных отношений // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2017. № 10. С. 136–142.
- Шур 2021 – *Шур Е.А.* Публичная дипломатия США в Индии, 2001–2016: дис. ... канд. ист. наук; СПбГУ. СПб., 2021. 376 с.
- Azpíroz 2016 – Public diplomacy. European and Latin American perspectives / ed. by M.L. Azpíroz. Brussels: Peter Lang, 2016. 151 p.
- Barghoorn 1960 – *Barghoorn F.C.* The Soviet cultural offensive. The role of cultural diplomacy in Soviet foreign policy. Princeton: Princeton University Press, 1960. 353 p.
- Batora 2006 – *Batora J.* Public diplomacy between home and abroad: Norway and Canada // The Hague Journal of Diplomacy. 2006. Vol. 1. No. 1. P. 53–80.
- Clarke 2016 – *Clarke D.* Theorising the role of cultural products in cultural diplomacy from a cultural studies perspective // International Journal of Cultural Policy. 2016. Vol. 22. No. 2. P. 147–163.
- Fattor 2014 – *Fattor E.M.* American empire and the arsenal of entertainment: Soft power and cultural weaponization. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2014. 235 p.
- Gilboa 2008 – *Gilboa E.* Searching for a theory of public diplomacy // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616. No. 1. P. 55–77.
- Leonard 2002 – *Leonard M.* Diplomacy by other means // Foreign Policy. 2002. No. 132. P. 48–56.
- Morgenthau 1967 – *Morgenthau H.* Politics among nations. 4th ed. N.Y.: Knopf, 1967. 615 p.
- Nye 2008 – *Nye J.S.* Public diplomacy and soft power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616. P. 94–109.
- Olins 2005 – *Olins W.* Making a national brand // The new public diplomacy. Soft power in international relations / ed. by J. Melissen. London: Palgrave Macmillan, 2005. P. 169–179. (Studies in diplomacy and international relations)

References

- Azpíroz, M.L., ed. (2016), *Public diplomacy. European and Latin American perspectives*, Peter Lang, Brussels, Belgium.
- Badmaev, V.N., Demichev, D.M. and Khutyz, Z.A., (2018), "Scientific diplomacy and challenges of the modern world", *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, no. 1, pp. 69–74.
- Barghoorn, F.C. (1960), *The Soviet cultural offensive. The role of cultural diplomacy in Soviet foreign policy*, Princeton University Press, Princeton, N.J., USA.
- Batora, J. (2006), "Public diplomacy between home and abroad: Norway and Canada", *The Hague Journal of Diplomacy*, vol. 1, no. 1, pp. 53–80.
- Borodin, D.A. (2010), "Cultural diplomacy in international relations", *MGIMO Review of International Relations*, vol. 10, no. 1, pp. 273–275.
- Clarke, D. (2016), "Theorizing the role of cultural products in cultural diplomacy from a Cultural Studies perspective", *International Journal of Cultural Policy*, vol. 22, no. 2, pp. 147–163.
- Dolinskiy, A.V. (2014), "Educational exchanges in public diplomacy: Russian and international experience", *MGIMO. Review of International Relations*, vol. 35, no. 2, pp. 56–62.
- Dolinskiy, A.V. (2011), "Evolution of the theoretical foundations of public diplomacy", *MGIMO. Review of International Relations*, vol. 17, no. 2, pp. 275–280.
- Fattor, E.M. (2014), *American Empire and the arsenal of entertainment: Soft Power and Cultural Weaponization*, Palgrave Macmillan, New York, USA.
- Gilboa, E. (2008), "Searching for a theory of public diplomacy", *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 616, no. 1, pp. 55–77.
- Kharitonova, E.M. (2018), "Science diplomacy in British foreign policy: theoretical, institutional, and organizational aspects", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, no. 2, pp. 61–91.
- Leonard, M. (2002), "Diplomacy by other means", *Foreign Policy*, no. 132, pp. 48–56.
- Lukin, A.V. (2013), "Public diplomacy", *International Affairs*, no. 3, pp. 69–87.
- Marchukov, A.N. (2014), "Public diplomacy 2.0 as a tool of foreign political activity", *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, vol. 28, no. 4, pp. 104–113.
- Morgenthau, H. (1967), *Politics among nations*, Knopf, New York, USA.
- Naumov, A.O. (2019), "From the Soviet Union to the Russian Federation: The evolution of the domestic 'soft power' and public diplomacy system", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*, no. 2, pp. 102–117.
- Nye, J.S. (2008), "Public diplomacy and soft power", *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 616, no. 1, pp. 94–109.
- Olins, W. (2005), "Making a national brand", in Melissen, J., ed., *The new public diplomacy. Soft power in international relations*, Palgrave Macmillan, London, UK, pp. 169–179. (*Studies in diplomacy and international relations*)

- Opanasiuk, O.I. (2017), Evolution of institutions, forms and methods of modern diplomacy, Ph.D. Thesis (Political Science), Kyiv, Ukraine, 220 p.
- Opanasiuk, O.I. (2017), "Features of modern public diplomacy", *Gileya: naukovi visnik*, no. 117, pp. 238–243.
- Poptsov, D.A. (2020), "‘Soft power’ of public diplomacy in the context of modern information communications, *Management Issues*, vol. 64, no. 3, pp. 20–30.
- Sergeev, E.Yu. (2024). *Obmanchivyi rassvet: Sovetskii Soyuz i Velikobritaniya v 1925–1932 gg.* [A deceptive dawn. The Soviet Union and Great Britain in 1925–1932], Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK, Moscow, Russia.
- Sizarev, D.S. (2014), "‘Soft power’ of the public diplomacy of the group of Seven/Eight", *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, no. 3, pp. 112–118.
- Shamugiya, I.Sh. (2017), "The concept of ‘public diplomacy’ in international relations theory", *Aktual'nye problemy sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii*, no. 10, pp. 136–142.
- Shur, E.A. (2021), *Publichnaya diplomatiya SSHA v Indii, 2001–2016* [U.S. public diplomacy in India, 2001–2016], Ph.D. Thesis (History), Saint Petersburg, Russia.
- Smirnov, N.A. (2015), "Public diplomacy: the development of the concept in political science", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*, no. 1, pp. 78–89.
- Tsvetkova, N.A. (2025), *Publichnaya diplomatiya kak instrument ideologicheskoi i politicheskoi ekspansii SShA v mire, 1914–2014 gg.* [Public diplomacy as a tool of the ideological and political expansion of the United States in the world, 1914–2014, D. Sc. Thesis (History), Saint Petersburg, Russia.
- Tsvyk, G.I. "Cultural diplomacy in current international relations (on the example of Russia and China)", *RUDN Journal of World History*, vol. 10, no. 2, pp. 135–144.
- Vasilenko, E.V. (2016), "Cultural diplomacy as a tool to increase a state's soft power", *Perspektivy: Elektronnyi zhurnal*, vol. 5, no. 1, pp. 68–80.
- Vysotsky, O.Yu. (2020), "Public diplomacy as a form of new propaganda", in *Materiali II Mizhnarodnoi naukovoï konferentsii* [Proceedings of the 2nd International Scientific Conference], part 2, SPD «Okhotnik», Dnipro, Ukraine, pp. 11–13.
- Zonova, T.V. (2007), "Modern diplomacy: problems and perspectives", *Vestnik RUDN. International Relations*, no. 4, pp. 5–21.

Информация об авторе

Владислав С. Севрюк, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; sevriuk.vlad@mail.ru

Мария Д. Матвеева, Московский государственный институт международных отношений МИД РФ (МГИМО), Москва, Россия; 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 76; maria.matveeva@sochidialogue.ru

Information about the authors

Vladislav S. Sevriuk, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; sevriuk.vlad@mail.ru

Maria D. Matveeva, MGIMO University, Moscow, Russia; 76, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119454; maria.matveeva@sochidialogue.ru

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 327.5(569.1+569.4)

DOI: 10.28995/2073-6339-2026-4-92-113

Сирийско-израильская конфронтация первой половины 1960-х гг. в ближневосточной политике США

Алексей И. Сенников

*Вятский государственный университет,
Киров, Россия, usr12154@vyatsu.ru*

Аннотация. Арабо-израильский конфликт широко представлен в мировой и отечественной историографии, однако политика Вашингтона в отношении одного из ключевых для первой половины 1960-х гг. субъектов сирийско-израильской конфронтации – Сирии – до сих пор остается слабоизученной. Настоящая статья ставит целью выявление баланса между сирийским и израильским направлениями политики Вашингтона в контексте ближневосточного конфликта. На основе анализа взглядов, оценок и решений администраций Дж.Ф. Кеннеди и Л.Б. Джонсона, их помощников и политических советников, экспертного сообщества американского правительства и разведывательных структур статья раскрывает изменчивость подходов Вашингтона к месту и роли сирийско-израильских противоречий в системе региональных американских интересов. Автор подразделяет их эволюцию на три этапа от поиска способов преодоления сирийско-израильской напряженности (1961–1962 гг.), через модель балансирования между конфликтующими сторонами (1963–1965 гг.), к выстраиванию произраильского уклона (1966–1967 гг.). Использование в анализе документов ЦРУ позволило установить не только отсутствие у США на ранних этапах целостного восприятия Израиля как союзника или спутника американских интересов в регионе, но и наличие определенных симпатий в отношении Сирии, которые, тем не менее, быстро утрачивались в силу взятого Дамаском просоветского курса. На основе деконструкции американской политики в отношении сирийско-израильской конфронтации в статье показана общая система принципов американской политики на периферии холодной войны.

Ключевые слова: ближневосточный конфликт, сирийско-израильская конфронтация, ближневосточная политика США, Дж. Кеннеди, Л. Джонсон, Сирия, Баас

© Сенников А.И., 2026

Для цитирования: Сенников А.И. Сирийско-израильская конфронтация первой половины 1960-х гг. в ближневосточной политике США // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 4. С. 92–113. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-4-92-113

The Syrian-Israeli confrontation of the first half of the 1960s in the United States Middle East policy

Alexey I. Sennikov

Vyatka State University, Kirov, Russia, usr12154@vyatsu.ru

Abstract. Reflection of the Arab-Israeli conflict in the US Middle East policy has received considerable attention in both International and Russian historiography. However, American policy towards Syria, the key party in the Syrian-Israeli confrontation in the first half of the 1960s, remains poorly studied. So, this article aims at identifying the balance between the policy of the US with regard to Syria and Israel in the context of the Middle East conflict. The article is based on the analysis of the views, assessments and decisions of the administrations of J.F. Kennedy and L.B. Johnson, their aides and political advisers, of the US government's expert community and the intelligence agencies. The paper demonstrates the variability of Washington's approaches to the place and role of the Syrian-Israeli tensions within the system of the regional American interests. The author divides their evolution into three stages: from the search for the ways to overcome the Syrian-Israeli tensions (1961–1962), through the model of balancing between the conflicting parties (1963–1965), to the development of a pro-Israeli bias (1966–1967). The analysis of the CIA documents allowed us to discover not only the lack of a holistic perception of Israel as an ally or satellite of the American interests in the region at the early stages, but also the presence of certain sympathies towards Syria, which, however, were quickly lost due to the pro-Soviet course adopted by Damascus. Thus, the author by the deconstruction of the American policy towards the Syrian-Israeli confrontation, demonstrates the general system of principles of the American policy on the periphery of the Cold War.

Keywords: Middle East conflict, Syrian-Israeli confrontation, US Middle East policy, J.F. Kennedy, L.B. Johnson, Syria, Baath

For citation: Sennikov, A.I. (2026), "The Syrian-Israeli confrontation of the first half of the 1960s in the United States Middle East policy", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 92–113, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-4-92-113

Введение

Сирийско-израильская дихотомия является одной из ключевых в системе арабо-израильского противостояния и ближневосточного конфликта в целом. В наши дни, когда пал находившийся у власти с 1963 г. баасистский режим (или режим семейства Асадов, правивший с 1970 г.), а у власти оказались бывшие исламские радикалы во главе с А. аш-Шараа (ранее член ИГИЛ*, лидер движения Хайят Тахрир аш-Шам**), который на встрече с американским президентом Д. Трампом заявил: «Сирия теперь – геополитический союзник США»¹, сирийско-израильский конфликт может выйти на новый уровень².

Текущие состояние ближневосточного конфликта актуализирует изучение его истоков – беспокойного семилетия (1960–1967 гг.), венцом которого стала третья арабо-израильская война. Обширная историография сирийско-израильских отношений отражена в трудах отечественных, англоязычных, израильских исследователей [Knudsen 2001; Laron 2010; Lesch 2012; Носенко 2023; Пир-Будагова 2015; Хазанов, Гасратян 2023; Хазанов, Гасратян 2024; Эпштейн 2005]. Детально разобраны американо-израильские отношения

*Радикальная исламистская группировка, признанная террористической и запрещенная в России.

**ХТШ была признана террористической организацией и запрещена в России.

¹ Аш-Шараа заявил, что Сирия теперь является союзником США // РБК. 2025. 11 нояб. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/69128b219a7947a0763e0f65> (дата обращения: 03.03.2026).

² В. Небензя предупредил о риске втягивания Сирии в конфликт США и Израиля с Ираном // ТАСС. 18.03.2026; Кузнецов В.А., Хлебникова Л.Р., Ибрагимов И.Э. Конфликты на Ближнем Востоке и в Северной Африке: современное состояние и возможная динамика: доклад № 110 / под ред. С.М. Гавриловой, И.А. Бочарова, Д.О. Растегаева и др. М.: НП РСМД, 2025; Сухов Н. Сирия в 2025 году: на перекрестке конфликтов и внешних интересов // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 06.02.2026. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/siriya-v-2025-godu-na-perekryestke-konfliktov/> (дата обращения: 06.03.2026). Бывший директор Национального антитеррористического центра США Джо Кент заявил, что США выйдут из НАТО и встанут на сторону Израиля, когда тот столкнется с Турцией на территории Сирии. См.: Экс-глава антитеррора США Кент допустил конфликт Турции и Израиля и развал НАТО // RT на русском. 2026. 10 апр. URL: <https://russian.rt.com/world/news/1618022-antiterror-ssha-kent-konflikt> (дата обращения: 10.04.2026).

[Ben-Zvi 1998; Bick 2006; Goldman 2009; Lazarowitz 2008; Карасова 2015; Эпштейн 2014], тогда как американо-сирийские исследования фрагментарно [Abadi 2020; Abadi 2021; Gani 2011; Воробьева 2015; Пелипась 2003; Румянцев 2010; Румянцев 2015]. Отношение США к сирийско-израильскому противостоянию затрагивалось лишь косвенно в рамках обобщенных трудов по ближневосточной политике США [Colman 2010; Nadelmann 1982; Quandt 2005; Белоусова 2015]. Можно констатировать недостаточную проработку проблемы баланса отношений США с Израилем и Сирией в контексте их пограничной конфронтации первой половины 1960-х гг.

Цель статьи – выявление баланса между сирийским и израильским направлениями ближневосточной политики Вашингтона в контексте арабо-израильского конфликта в 1960-е гг. Для этого потребовалось на основе системного, функционально-ролевого и проблемно-хронологического подходов рассмотреть модели поведения Вашингтона в отношении Сирии и Израиля в обозначенный период, условно разделенный нами на три этапа: 1) 1961–1962 гг. – время поиска путей преодоления напряженности между Тель-Авивом и Дамаском; 2) 1963–1965 гг. – этап балансирования с целью сохранения приемлемого уровня отношений и влияния в обеих странах; 3) 1966–1967 гг. – этап становления «произраильского уклона» накануне третьей арабо-израильской войны. При подготовке статьи использованы ранее не введенные в научный оборот документы американской разведки, а также уже опубликованные источники из серии “Foreign Relations of the United States” (FRUS).

Сирийско-израильская конфронтация в логике ближневосточного конфликта

Сирийско-израильская конфронтация выросла из логики всего ближневосточного конфликта – решения о разделе Палестины в соответствии с резолюцией № 181 Генеральной ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 г., образования еврейского государства 14 мая 1948 г. и первой арабо-израильской войны 1948–1949 гг. [Карасова 2015, с. 33]. Поражение арабской коалиции в первой войне привело к изменению политического ландшафта в Сирии: шаткая демократическая система не выдержала, и начался длительный период переворотов, революционных преобразований и контрреформ³ [Воробьева

³ Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI в.). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Российская газета, 2012. С. 41, 55–56.

2015, с. 7–9; Пир-Будагова 2015, с. 89–90, 93; Knudsen 2001, p. 217]. В 1950-е гг. интенсивность сирийско-израильского противостояния была низкой: прозападный режим А. аш-Шишакли (1949–1954 гг.) выступал за урегулирование отношений с Израилем. В «демократический период» (1954–1958 гг.) Сирия и Израиль обменивались агрессивной риторикой, происходили стычки на границе, спровоцированные обеими сторонами [Пир-Будагова 2015, с. 110, 112], тем не менее до крупных столкновений дело не доходило ни во время Суэцкого кризиса 1956 г., ни в процессе политического кризиса вокруг Сирии 1957 г.⁴ [Ben-Zvi 1998, p. 70]. После размещения миротворческого контингента ООН на Синайском полуострове конфликтов на египетско-израильской границе стало меньше.

Израильско-иорданская граница, проходившая тогда по черте Западного берега реки Иордан (ЗБРИ), была долгое время стабильной в силу прозападной позиции Аммана, его поддержки со стороны США и Великобритании, тайных израильско-иорданских договоренностей [Abadi 2021, p. 534; Markussen, Waage 2018, pp. 3–4]. Конфликтотенной осталась плохо демаркированная сирийско-израильская граница, взрывоопасная с точки зрения претензий обеих сторон на водные ресурсы рек Иордан, Ярмук и Тивериадского озера [Пир-Будагова 2015, с. 143, 179]. Израильский проект отвода вод на собственные ирригационные нужды воспринимался арабами как средство экономического и популяционного усиления сионистского государства, увеличивавшего общую мощь израильтян. «Водный кризис» стал поводом для созыва двух важнейших арабских саммитов 1964 г. – январского в Каире и сентябрьского в Александрии, – на которых арабы пытались выработать собственный проект отвода вод рек Иордан и Ярмук, в случае реализации которого поступление воды в Израиль было бы серьезно ограничено. Попытки воплотить сирийскую часть проекта в жизнь в 1965–1967 гг. привели к превентивным нападениям израильтян. На январском саммите было принято и другое ключевое решение – о создании Организации освобождения Палестины (ООП) [Карасова 2015, с. 95–96].

Триггерами эскалации послужили возникновение Объединенной Арабской Республики (ОАР)⁵ в феврале 1958 г. и пограничный израильско-сирийский конфликт в декабре 1959 – марте 1960 гг.

⁴ Иная точка зрения изложена в работе Э.П. Пир-Будаговой [Пир-Будагова 2015, с. 114–115].

⁵ ОАР – панарабское политическое объединение Египта и Сирии, просуществовавшее с 22 февраля 1958 по 28 сентября 1961 гг., формально к нему также присоединилось Йеменское Мутаваккилийское королевство (Северный Йемен).

[Сенников 2023, с. 71–72; Эпштейн 2014, с. 162]. Уже в сентябре 1961 г. Сирия, не желавшая становиться придатком Египта, путем военного переворота вышла из состава ОАР. Чтобы перебить парабаскую повестку египетского президента Г.А. Насера, реализация которой предполагала возвращение в состав ОАР, сирийское руководство, особенно баасистское с 1963 г., стало занимать антисионистские, антиизраильские, наконец, антизападные позиции [Румянцев 2015, с. 280].

Обострение отношений с Израилем стало для Дамаска инструментом пропаганды, токсичной для самого режима, поскольку она с неизбежностью вела к столкновению, к которому сирийцы были не готовы. Российский востоковед Т.В. Носенко справедливо отмечает: «Правящий в Сирии режим партии БААС (так в тексте. – А.И.) утверждал свою легитимность, переводя протест, возникавший в связи с внутривосточными проблемами, на борьбу с Израилем», но и израильтяне провоцировали сирийцев на агрессию, чтобы оправдать акции возмездия и расширить подконтрольные территории [Носенко 2023, с. 144, 171].

Претензий у Дамаска к Израилю и, соответственно, причин для вооруженных стычек и поддержки палестинских фидайнов⁶, было немало: непризнание раздела Палестины, борьба за права палестинских беженцев и пострадавших арабских граждан, притязания на водные ресурсы [Lazarowitz 2008, p. 31]. В первой половине 1960-х гг. сирийско-израильские столкновения были несистематическими (от одного до двух случаев в год в 1960–1963 гг.) с тенденцией к нарастанию эскалации и снижению эффективности мер дипломатического предотвращения: в 1964–1965 гг. они стали регулярными (примерно раз в два месяца), а в 1966 – мае 1967 г. почти ежемесячными. Эти столкновения привели к неконтролируемой эскалации и полномасштабной войне в июне 1967 г.

*Первый этап американской политики:
поиск путей преодоления
сирийско-израильской напряженности,
1961–1962 гг.*

Политика администрации Кеннеди строилась на стремлении к нормализации отношений с арабским миром с учетом интересов Израиля. Исходным пунктом для планирования американо-сирий-

⁶ Также встречается вариант «федаины» – иррегулярные полупартизанские подразделения в арабских странах.

ских отношений с сентября 1961 г. был тезис о том, что пришедший к власти режим был наилучшим из возможных, а периодические военные перевороты 1962–1963 гг., в том числе приход к власти баасистов в марте 1963 г., лишь немного скорректировали эту оценку⁷ [Румянцев 2015, с. 275, 278, 281, 285].

Администрация Кеннеди, пытаясь закрепить свое первенство в урегулировании ближневосточного конфликта и отодвинуть от участия в нем СССР, активно включалась в решение проблемы палестинских беженцев⁸. Сирия была одним из адресатов плана Дж. Джонсона⁹, предполагавшего три опции для беженцев: интеграцию в странах пребывания, переселение на Запад, возвращение в Израиль (до 100 тыс. человек)¹⁰ [Bick 2006, p. 451]. Сирийцы сдержанно относились к этой инициативе, участвовали в переговорах, но в конце концов, именно Сирия стала первым государством, официально¹¹ отвергшим «план Джонсона» в октябре 1962 г. [Bick

⁷ CIA-RDP79T00429A001300020007-7 Memorandum “The Arab World, The USSR, And The West”, March 12, 1963.

⁸ После первой арабо-израильской войны 1948–1949 гг. произошел массовый исход арабского населения с оккупированных Израилем территорий, получивший в арабской истории название «Накба» (катастрофа). По оценкам Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР) в 1962 г. в арабских странах проживало 1,175 млн беженцев: 633 197 в Иордании (в том числе ЗБРИ), около 280 000 в секторе Газа, 142 670 в Ливане, 120 577 в Сирии. См.: Report of the Commissioner-General of the United Nations Relief and Works Agency for Palestine Refugees in the Near East, January 1 1962 // Документы ООН. URL: <https://docs.un.org/en/A/5214> (дата обращения: 02.03.2026). Можно встретить меньшие оценки [Эпштейн 2005, с. 163].

⁹ Джозеф Э. Джонсон (1906–1990) – профессор истории, американский дипломат, сотрудник Госдепартамента в 1942–1947 гг. В 1961–1963 гг. был специальным представителем комиссии ООН по Палестине. Под его руководством был разработан план помощи палестинским беженцам; общие черты плана обсуждались летом 1961 г. со странами-интересантами (Египтом, Израилем, Сирией и пр.). В октябре 1962 г. итоговый план фактически был отвергнут всеми сторонами.

¹⁰ См. также: *Rusk D. As I saw it: A secretary of state's memoirs*. N.Y.: I.B. Tauris, 1991. P. 382.

¹¹ За месяц до сирийцев израильтяне первыми конфиденциально сообщили американцам об отказе от плана, но представители Белого дома убедили Тель-Авив открыто первыми этого не делать, чтобы по итогу переложить ответственность за срыв договоренностей на арабов [Румянцев 2015, с. 202].

2006, р. 463]. Эта неудача продемонстрировала ограниченность американского влияния в разрешении коренных проблем конфликта.

Неудаче с планом Джонсона предшествовали стычки сирийцев и израильтян в марте 1962 г. В ответ на вылазки палестинских фидайнов и обстрел сирийцами израильских рыбацких судов в районе Тивериадского озера, израильская армия 16 марта провела операцию с применением артиллерии, ударами по тыловым позициям сирийских войск. По утверждению госсекретаря Д. Раска, действия Израиля были «непропорциональными», грозящими «вылиться в полномасштабную войну»¹². Рейд израильской армии на территорию Сирии, указывает В.П. Румянцев, также рассматривался как готовность правительства Д. Бен-Гуриона одновременно и к асимметричному ответному удару, и к превентивным мерам [Румянцев 2015, с. 185]. Кеннеди публично дистанцировался от израильских действий, а в ООН американский представитель осудил действия Израиля [Ben-Zvi 1998, р. 99].

Таким образом, первые попытки Кеннеди сыграть роль посредника при урегулировании сирийско-израильских разногласий окончились безрезультатно. Параллельно менялся баланс сил в арабо-израильском конфликте, началась региональная гонка вооружений: арабы в своем большинстве обратились за оружием к СССР, израильтяне – к странам Запада, в первую очередь США¹³ [Goldman 2009, р. 25].

Второй этап американской политики: балансирование для сохранения влияния, 1963–1965 гг.

В конце 1962 г. Белый дом начал поиск модели баланса интересов на Ближнем Востоке, которая бы учитывала новые страте-

¹² Rusk D. Op. cit. P. 380.

¹³ Египет и Сирия получали советские танки (Т-34, Т-54/55), самолеты (МиГ-15/17/21, Ил-28, Ту-14) и другие виды стрелкового и артиллерийского вооружения. США поставляли в Израиль зенитно-ракетные комплексы ПВО МиМ-23 «Хок» (6 батарей в 1965 г.). В 1965 г. начались поставки в Израиль американских танков М48 Паттон (по разным данным к июню 1967 г. поставлено от 48 до 210); в 1960–1964 гг. через ФРГ и Канаду Израиль также получал образцы американской техники. В 1966 г. в США было принято решение продать Израилю 48 штурмовых самолетов А-4 «Скайхок», которые поступили только в 1968 г. Иордания была единственной из арабских соседей Израиля, закупавшей американские и британские вооружения, в том числе 100 танков М48 Паттон и 20 самолетов-перехватчиков F-104.

гические императивы, в частности: приоритет контролируемости биполярного противостояния после Карибского кризиса октября 1962 г.; продолжение сдерживания советского влияния в условиях начавшейся гонки вооружений на Ближнем Востоке; необходимость выполнения данных Тель-Авиву гарантий поддержки; целесообразность сохранения позитивных результатов в деле сближении с арабскими странами, в том числе Сирией. Сирийско-израильский конфликт должен был оставаться «замороженным» [Nadelmann 1982, p. 441]. В краткосрочной перспективе это позволяло укрепить обороноспособность Израиля без риска нанесения серьезного ущерба отношениям с арабами, однако в среднесрочной и долгосрочной перспективе такой сценарий обещал усиление гонки вооружений и препятствовал урегулированию конфликта.

По существу, политика Белого дома в первые две трети 1963 г. сводилась к перетягиванию каната с израильянами по вопросам поставок вооружений и их ядерной программы, и попыткам найти рычаги воздействия на пришедший к власти в Дамаске в марте ба-асистский режим, чтобы не допустить его сближения с насеровским Египтом и Москвой. Решение первой задачи затягивалось, хотя июльский уход в отставку «ястреба» Д. Бен-Гуриона и его замена Л. Эшколем, считавшимся умеренным и прагматичным политиком, давала надежды на позитивный исход [Lazarowitz 2008, p. 38; Карасова 2015, с. 73, 77–78]. Вторую задачу Кеннеди предполагал решить привязкой Сирии к американской экономической помощи: в декабре 1962 г. были одобрены поставки продовольствия на 18,7 млн и пакет экономической помощи на 14 млн долларов¹⁴ [Румянцев 2015, с. 279, 283]. Весной 1963 г. снова произошли стычки на сирийско-израильской границе, которые Вашингтон осудил¹⁵.

Убийство Кеннеди 22 ноября 1963 г. стало переломным моментом в изменении глобальных подходов США, хотя и не сказалось немедленно на отношении к сирийско-израильскому противостоянию [Карасова 2015, с. 101]. При посредничестве США (медиатором выступил заместитель госсекретаря по особым политическим вопросам Р. Дж. Банч)¹⁶ в декабре 1963 г. состоялся символический

¹⁴ Этой помощи Сирия не получит из-за противодействия Конгресса, см.: Congressional records (далее – CR). Vol. 110: Proceedings and debates of the 88th U.S. Congress, 2nd session. Washington: USA Government printing office, 1964. P. 10722.

¹⁵ CIA DOC_0005996258 The President's Intelligence Checklist, March 24, 1963.

¹⁶ Israel Exchanges 18 Prisoners for 11 Confined by Syria; Thant and Bunche Credited // The New York Times. 1963. Dec. 22.

обмен пленными между Сирией и Израилем (впервые с 1957 г.)¹⁷. Консервативность Государственного департамента и части экспертов Совета национальной безопасности (СНБ) и ЦРУ гарантировали в краткосрочной перспективе балансировку американского курса, при том, что Белому дому было важно демонстрировать близость с Израилем, поскольку новому президенту Л. Джонсону предстояло отстоять пост на выборах 1964 г., для чего требовалась электоральная и финансовая поддержка произраильских групп интересов [Lazarowitz 2008, pp. 37, 38].

Происходившие в 1964–1965 гг. столкновения между Израилем и Сирией носили ограниченный характер, хотя и повторялись с большей регулярностью. Тель-Авив искал поддержку администрации Джонсона для противодействия сирийским нападениям, называя их главной проблемой своей безопасности, одновременно признавая отсутствие угрозы полномасштабной войны, поскольку сирийские действия не нашли поддержки других арабских стран¹⁸ ввиду сохранявшихся трений между Каиром и Дамаском¹⁹. Хотя Белый дом отдавал предпочтение американо-израильским связям [Румянцев 2015, с. 207], в публичной дипломатии его представители придерживались «взвешенного нейтралитета», одергивая обе стороны в случае их столкновений²⁰. Одной из причин такого курса было желание не втягиваться в ближневосточную гонку вооружений в тот момент, когда разгоралась Вьетнамская война.

Наблюдения американских дипломатов из Сирии и Иордании, суммированные экспертами Разведывательного управления министерства обороны (РУМО) США, указывали на то, что столкновения были спланированы израильской армией, и Тель-Авив создавал условия для усугубления арабо-израильских разногласий,

¹⁷ Событие было омрачено последующим обвинением Тель-Авивом сирийцев в применении пыток к пленным, которые, однако, по истечении времени не могли подтвердить сторонние наблюдатели. См.: Red Cross Declines Requests by Israel // The New York Times. 1963. Dec. 27.

¹⁸ Doc. 23. Memorandum of Conversation, Washington, March 4, 1964 // Foreign Relations of the United States (FRUS). 1964–1968, Vol. 18: Arab-Israeli Dispute. Washington: United States Government Printing Office, 2000. 885 p.

¹⁹ U.N. and Middle East // The New York Times. 1964. April 19.

²⁰ U.S. Blames Both Syria and Israel for Nov. 13 Clash // The New York Times., 1964. Dec. 4; Arabs' Ire and U.S. // The New York Times. 1965. Feb. 27; U.S. in a Dilemma on Mideast Arms // The New York Times. 1965. Feb. 28; The World // The New York Times. 1965. March 7; U.S. and Israelis disagree on arms // The New York Times. 1965. March 17.

чтобы улучшить собственное положение на границе, в первую очередь в демилитаризованной зоне²¹. Эксперты указывали, что под предлогом неизбирательности израильских ударов представители комиссии ООН по примирению стали перекрывать сирийским гражданским лицам доступ к Тивериадскому озеру. Доклад оценивал действия Тель-Авива и ООН как преднамеренные, ведущие к слоому механизма прекращения огня, «бессмысленному терроризму» против Израиля и политике бойкота сторонников Израиля (т. е. США)²². Хотя итоговый вывод сделан не был, очевидно, что эксперты подразумевали осознанность действий как минимум израильских военных в их давлении на сирийцев.

В начале 1965 г. в Сирии произошли важные внутривнутриполитические изменения, способствовавшие стагнации американо-сирийских связей: началась крупнейшая на тот момент национализация предприятий, в том числе американских, было объявлено об ускорении строительства социализма, движение к которому баасисты провозгласили с момента прихода к власти, но не торопились воплощать в жизнь²³. Крупной проблемой стал шпионский скандал, разгоревшийся в начале 1965 г. в связи с разоблачением израильского агента Эли Коэна, скрывавшегося под легендой аргентинско-сирийского миллионера К. Табета, получившего доступ к высокопоставленным военным и чиновникам сирийского режима, а по утверждениям антибаасистских СМИ Ирака и Египта к самому лидеру режима А. аль-Хафезу. В мае 1965 г. Коэн был казнен²⁴. Сирийцы тут же связали собственные внутренние проблемы с американским вмешательством²⁵. Второму секретарю американского посольства У. Сноудону было предъявлено обвинение в координа-

²¹ CIA-RDP79R00890A000300010007-6 // The Arab-Israeli Dipute. 1964. April 1; CIA-RDP79T00975A008300140001-4 // Central Intelligence Bulletin. 1965. May 17.

²² CIA DOC_0005959443 // The President's Intelligence Checklist. 1964. Sept. 24.

²³ Syria Takes Over Chief Industries // The New York Times. 1965. Jan. 4.

²⁴ Syrians Name Jew as Spy // The New York Times. 1965 Jan. 26; Syria is Reported Trying Jew as Spy // The New York Times. 1965. Feb. 25. Подробнее о работе Э. Коэна см.: *Бергман Р.* Восстань и убей первым: тайная история израильских точечных ликвидаций. М.: Азбука, 2020. С. 113–114. URL: <https://www.litres.ru/book/ronen-bergman-218263/vosstan-i-ubey-pervym-taynaya-istoriya-izraelskih-toc-50397118> (дата обращения: 02.03.2026). Р. Бергман указывает, что Коэна смогли раскрыть только при помощи ГРУ СССР.

²⁵ CIA DOC_0005967489 // The President's Daily Brief. 1965. Jan. 28.

ции действий «сионистского шпионского круга» и попытке подкупа военных, после чего он был объявлен персоной нон-грата²⁶. За сотрудничество с разведками США и Израиля были казнены двое сирийцев: один военный и один гражданский, имевший американский паспорт²⁷. Ответные аресты в Израиле «шпионов арабских стран» были расценены в Дамаске как «американские карательные меры, придуманные А. Гарриманом»²⁸. В отчетах ЦРУ отмечалось, что Москва успешно воспользовалась плодами шпионского скандала, распространяя пропагандистские материалы о «секретной войне США и Израиля против арабов»²⁹.

Несмотря на нагнетание конфронтации между США и Сирией и американо-израильское сближение, в Вашингтоне не было выработано никакого плана относительно сирийско-израильского конфликта. Действия Израиля все еще оценивались как чрезмерные, а действия сирийцев «находили понимание»³⁰. Внутри баасистского руководства оставались люди, намекавшие на возможность нормализации отношений³¹. Тем временем израильская разведывательная служба «Моссад» поделилась с американскими коллегами информацией об арабском саммите в Марокко в сентябре 1965 г., засвидетельствовавшей слабую организованность арабских вооруженных сил и их неготовность к полномасштабной войне с Израилем³². В Белом доме сочли возможным использовать эти сведения для вербовки «нужных людей» в верхних эшелонах

²⁶ Syria Expels U.S. Diplomat // The New York Times. 1965. Feb. 18; Syria Expels American on Charges of Spying: Diplomat Accused of Offering \$2 Million for Army Data // Los Angeles Times. 1965. Feb. 18.

²⁷ 2 Doomed by Syria as Agents of U.S. // The New York Times. 1965. Feb. 21; American Hanged as A Spy in Syria // The New York Times. 1965. Feb. 2; Syria Rejects U.S. Protest On Execution of American // The New York Times. 1965. Feb. 25.

²⁸ Аверелл Гарриман в качестве спецпредставителя президента Л. Джонсона в феврале–марте 1965 г. посетил Израиль в целях нахождения компромисса по проблеме распределения водных ресурсов реки Иордан, после чего должен был встретиться с арабскими лидерами. См.: Syria Denounces Arrests in Israel: Says Seizure of 5 as Spies Was Instigated by U.S. // The New York Times. 1965. March 5.

²⁹ CIA-RDP75-00149R000500210017-9 // Spies In Syria. 1965. Feb. 24.

³⁰ CIA-RDP79T00975A008400520001-1 // Central Intelligence Bulletin. 1965. Aug. 31.

³¹ Doc. 257. Telegram from the Embassy in Syria to the Department of State, Damascus, December 11, 1965 // FRUS. 1964–1968. Vol. 18.

³² Бергман Р. Указ. соч. С. 112.

арабского военного руководства³³. Подразумевался в первую очередь египетский генералитет, но и сирийские военные, фактически управлявшие страной, тоже были объектами разработки.

В конце декабря 1965 г. со сменой правительства Сирии и укреплением умеренного крыла Баас у власти, наметились положительные для интересов Вашингтона изменения во внешнеполитическом курсе страны³⁴. Хотя о серьезном смягчении и тем более свертывании конфронтации с Израилем речи не шло, появилась надежда на постепенную деэскалацию и возвращение к статус-кво на момент начала 1960-х гг.

*Третий этап американской политики:
выстраивание произраильского уклона,
1966–1967 гг.*

Устроенный левым радикальным крылом партии Баас переворот в феврале 1966 г. завершил фактический переход Сирии к радикализму, ускорил советско-сирийское и египетско-сирийское сближение [Носенко 2023, с. 169]. В результате февральские события воспринимались в Вашингтоне не как очередной виток внутрипартийной борьбы в партии Баас, а как установление просоветского режима [Colman 2010, p. 147]. Сирийско-израильские пограничные столкновения стали рассматриваться Вашингтоном через призму холодной войны, когда любое обострение могло привести к вовлечению сверхдержав – глобальному ядерному конфликту.

На рубеже 1966–1967 гг. баасистская Сирия стала самым непримиримым среди арабских государств противником «сионистского образования, марионетки американского империализма» – Израиля. Дамаск выступил спонсором движения ФАТХ во главе с Абу Аммаром (Ясиром Арафатом) и Абу Джихадом (Халилем аль-Вазиром), чьи фидайны успешно осуществляли диверсионные вылазки на израильскую территорию³⁵. Военная конфронтация достигла критического уровня. Израильцы, сдерживаясь все меньше, стали привлекать авиацию для ударов возмездия и уничтожения

³³ CIA-RDP79T00975A008500380001-6 // Central Intelligence Bulletin. 1965. Oct. 15.

³⁴ Brady T.F. Arab World Moving Toward Right // The New York Times. 1966. Jan. 21.

³⁵ Doc. 356. Intelligence Memorandum No. 2205/66, Washington, Dec. 2, 1966 // FRUS. 1964–1968. Vol. 18.

сирийской авиатехники советского производства³⁶. Анализ американской разведки четко говорил о провокационности израильских действий, однако оценки носили уже не сдержанный, сбалансированный характер, а давались с учетом уклона Белого дома в пользу Тель-Авива³⁷. Можно отметить, что доклады ЦРУ своим содержанием и расстановкой акцентов готовили руководство к возможному масштабному превентивному нападению Израиля на Сирию.

Осенью 1966 г. ситуация в первый раз достигла пика напряженности, за которым проглядывалась полномасштабная война. Сирийскими спецслужбами в сентябре были раскрыты два параллельных заговора против правящей радикальной фракции Баас³⁸. Дамаск, поддержанный Каиром (а также опосредовано Багдадом и Москвой), развернул информационную кампанию против «сионистской сети», обвинив в подготовке переворотов Израиль, Великобританию, США и Иорданию³⁹. Последняя стала объектом повышенного сирийско-египетского пропагандистско-дипломатического давления.

Сирийцы поддержали операции отрядов ФАТХ, которые, используя базы в Южном Ливане и на ЗБРИ, в начале ноября совершили несколько диверсий на израильской территории. С точки зрения Вашингтона сирийцы преследовали цель натравить израильтян на прозападные арабские страны⁴⁰ [Colman 2010, p. 147]. 13 ноября Израиль ответил вводом подразделения в 400 бойцов с целью пресечь вылазки фидайнов в деревню ас-Саму, считавшуюся базой «палестинских террористов», но столкнулся с регулярной иорданской армией⁴¹. В произошедшей схватке иорданцы понесли

³⁶ CIA-RDP79T00975A009100120001-7 // Central Intelligence Bulletin. 1966. July. 21; CIA-RDP79T00975A009100340001-3 // Central Intelligence Bulletin. 1966. Aug. 16.

³⁷ CIA-RDP79T00975A009300280001-8 // Central Intelligence Bulletin. 1966. Nov. 5.

³⁸ CIA-RDP79T00826A001200010037-2 // Interdepartmental Group Review. 1966. Sept. 12.

³⁹ Doc. 325. Telegram from Secretary of State Rusk to the Department of State, New York, October 7, 1966 // FRUS. 1964–1968. Vol. 18; Doc. 326. Telegram from the Department of State to the Embassy in Syria, Washington, October 10, 1966 // FRUS. 1964–1968. Vol. 18.

⁴⁰ Doc. 330. Telegram from the Department of State to the Embassy in Israel, Washington, October 31, 1966 // FRUS. 1964–1968. Vol. 18.

⁴¹ По просьбе Вашингтона иорданское командование ранее вывело из этой зоны бронетехнику, чтобы не нагнетать ситуацию; взамен американцы заверили, что Израиль не будет атаковать иорданскую территорию

потери, израильтяне же, выполнив часть поставленных задач, но фактически не разгромив фидаинов, вернулись на исходные позиции [Colman 2010, p. 148].

В сентябре – ноябре Тель-Авив, контактируя с американскими ответственными лицами по поводу конфликтов с арабами, не сообщал конкретных деталей своих замыслов, считая Вашингтон бессильным повлиять на сирийцев или инфильтрацию фидаинов⁴². ЦРУ предупреждало о возможном ударе израильтян по иорданской территории, но Белый дом не предпринял никаких действий. Отсутствие давления интерпретировалось в Тель-Авиве как молчаливое одобрение⁴³. Однако по итогу от инцидента в ас-Саму⁴⁴ американцы были не в восторге, поскольку, по их мнению, нападение было несоразмерно угрозе и направлено не на ту цель: удар следовало направить против Сирии, а не Иордании⁴⁵. Запоздалые израильские разъяснения⁴⁶ не разрядили обстановку.

Американские эксперты опасались выхода ситуации из-под контроля и свержения иорданской монархии⁴⁷. Израильский премьер и одновременно военный министр Л. Эшколь заверил американцев, что не допустит повторения подобного рейда в Иорданию, чего нельзя было сказать о Сирии⁴⁸ [Карасова 2015, с. 103; Эпштейн

и обещали увеличить экономическую помощь. См.: Doc. 336. Memorandum from the President's Special Assistant (Komer) to President Johnson, Washington, November 16, 1966 // FRUS. 1964–1968. Vol. 18.

⁴² Doc. 327. Circular Telegram from the Department of State to Certain Posts, Washington, October 11, 1966 // FRUS. 1964–1968. Vol. 18; Doc. 330. Telegram from the Department of State to the Embassy in Israel, Washington, October 31, 1966 // FRUS. 1964–1968. Vol. 18.

⁴³ CIA-RDP79T00975A009300280001-8 // Central Intelligence Bulletin. 1966. Nov. 5.

⁴⁴ Деревня ас-Саму находится на юге ЗБРИ, далеко от сирийской территории. Эта зона, близкая к Восточному Иерусалиму, считалась достаточно контролируемой иорданской армией, однако единичные вылазки были.

⁴⁵ Doc. 333. Memorandum from the President's Special Assistant (Rostow) to President Johnson, Washington, November 15, 1966 // FRUS. 1964–1968. Vol. 18.

⁴⁶ CIA DOC_0005968629 // The President's Daily Brief. 1966. Nov. 14.

⁴⁷ CIA-RDP79R00904A001200060003-2: The Jordan Regime: Its Prospects and the Consequences of its Demise, December 13, 1966.

⁴⁸ Doc. 343. Telegram from the Department of State to the Embassy in Israel, Washington, November 22, 1966 // FRUS. 1964–1968. Vol. 18; Doc. 380. Memorandum from the President's Special Assistant (Rostow) to President Johnson, Washington, January 16, 1967 // FRUS. 1964–1968. Vol. 18.

2014, с. 221]. Королю Хусейну с большим трудом удалось удержать власть и лояльность военных, обойтись без контрудара по Израилю, однако в конечном итоге он склонился в пользу антиизраильской позиции и сближения с Египтом и Сирией⁴⁹ [Markussen, Waage 2018, pp. 12–13].

Вашингтон это потепление заботило не так сильно, как возможность обращения Аммана за военно-технической и экономической помощью к СССР. Заверения короля Хусейна в том, что он всю жизнь проводил политику противостояния с СССР и при нем сотрудничества с ним не наступит, Вашингтон не убеждали⁵⁰. Именно проблема усиления советского влияния стояла в основании произраильского уклона в ближневосточной политике администрации Джонсона в декабре 1966 – апреле 1967 г.⁵¹ Американский дипломатический корпус – в первую очередь послы в арабских странах – выступал против такого курса. Посол в Иордании Ф. Бернс указывал, что Сирия пребывает в политической анархии, но не является просоветской⁵². Обобщенную позицию выразил американский посол в Сирии в 1965–1967 гг. Х. Смайт: «По-видимому, оценки с мест не сыграли никакой роли в формировании политики (США в арабо-израильском конфликте. – А. И.). <...> Похоже, что лучшие умы и наиболее компетентные эксперты в этой области сходятся во мнении, что политика США на сегодняшний день прямо противоречит краткосрочным и особенно долгосрочным национальным интересам США в этом регионе. <...> На чашах весов стоят связи с Израилем – нежизнеспособным государством-сателлитом, имеющим для США исключительно эмоциональную ценность,

⁴⁹ Doc. 362. Telegram from the Embassy in Jordan to the Department of State, Amman, December 11, 1966 // FRUS. 1964–1968. Vol. 18; CIA-RDP79-00927A005100040001-3 Weekly Summary, December 3, 1965.

⁵⁰ Doc. 339. Telegram from the President's Special Assistant (Rostow) to President Johnson in Texas, Washington, November 20, 1966 // FRUS. 1964–1968. Vol. 18; Doc. 362. Telegram from the Embassy in Jordan to the Department of State, Amman, December 11, 1966 // FRUS. 1964–1968. Vol. 18.

⁵¹ Doc. 334. Memorandum for the Record, Washington, November 15, 1966 // FRUS. 1964–1968. Vol. 18; Doc. 339. Telegram from the President's Special Assistant (Rostow) to President Johnson in Texas, Washington, November 20, 1966 // FRUS. 1964–1968. Vol. 18; Doc. 380. Memorandum from the President's Special Assistant (Rostow) to President Johnson, Washington, January 16, 1967 // FRUS. 1964–1968. Vol. 18.

⁵² LBJ Presidential Library, National Security Files, Middle East Country Files, Jordan – Vol. 3, 12/66 – 5/67, Doc. 587357-nsf-cf-b146-f7 “DoS Telegram Amman1650”, January 3, 1967. P. 45.

и полный спектр жизненно важных стратегических, политических, коммерческих/экономических интересов, связанных с арабскими государствами»⁵³.

Аппарат Белого дома отстранился от оценок Госдепартамента. Ближайшие сотрудники Джонсона, в первую очередь советник по национальной безопасности У. Ростоу, заместитель госсекретаря по политическим вопросам Ю. Ростоу и высокопоставленный член аппарата СНБ Комер видели в арабском и сирийском радикализме, противопоставляемом «законным претензиям Израиля на собственную безопасность», угрозу усиления СССР на Ближнем Востоке⁵⁴ [Colman 2010, p. 149; Lazarowitz 2008, pp. 32, 37; Quandt 2005, p. 24]. Такую точку зрения разделяли и активно продвигали сенаторы-демократы Дж. Джавитс, А. РибикOFF, Г. Джексон⁵⁵. Таким образом позиция влиятельных представителей исполнительной и законодательной власти по проблеме сирийско-израильского конфликта сходилась. Результатом этого процесса стала поддержка администрацией Джонсона израильской агрессии 5 июня и разрыв американо-сирийских отношений 6 июня 1967 г.

Заключение

Отношение США к сирийско-израильскому противостоянию первой половины 1960-х гг. раскрывает систему установок американской политики на периферии холодной войны, направленных на удержание и укрепление собственного влияния на Ближнем Востоке, противодействие возможному усилению советского присутствия, выбор наиболее прозападного и устойчивого регионального режима

⁵³ Doc. 117. Telegram from the Embassy in Syria to the Department of State, Damascus, June 1, 1967 // FRUS. 1964–1968. Vol. 19: Arab-Israeli Crisis and War, 1967.

⁵⁴ Oral history transcript, Eugene V. Rostow, interview 1 (I), 12/2/1968, by Paige E. Mulhollan // LBJ Presidential Library. URL: <https://discoverlbj.org/item/oh-rostowe-19681202-1-74-72> P. 35 (дата обращения: 02.03.2026); Doc. 4. Memorandum from the President's Special Assistant (Rostow) to President Johnson, Washington, May 15, 1967 // FRUS. 1964–1968. Vol. 19.

⁵⁵ CR. Vol. 109. Part 19: Proceedings and debates of the 88th U.S. Congress, 1st session. Washington: USA Government printing office, 1963. P. 24892; Vol. 110. Part 6. P. 7599; Vol. 112. Part 8: Proceedings and debates of the 89th U.S. Congress, 2nd Session. Washington: USA Government printing office, 1966. P. 10881; CIA-RDP69B00369R000200050008-1 Record of Senator Henry M. Jackson Speech "Crisis is the Middle East", May 16, 1967.

из возможных в качестве опоры и инструмента своего влияния в регионе. Выявленные этапы взаимодействия США с Израилем и Сирией демонстрируют изменчивость американских подходов, связанную с эволюционирующим пониманием американских стратегических интересов, конкретными политическими предпочтениями администраций, реальным соотношением сил «на земле», дипломатической и идеологической гибкостью местных государств, или возможным соответствием их негибкости американским интересам. Следствием подобной изменчивости стала смена моделей взаимодействия США от поиска способов преодоления сирийско-израильского конфликта к балансу между антагонистичными сторонами и, наконец, к выбору страны-партнера (Израиля) в противовес стране-аутсайдеру (Сирии). Склонность США к поддержке именно Израйля в ближневосточном противостоянии проистекала, в том числе, из радикализации арабских стран, и в первую очередь Сирии, все более ориентировавшейся на углубление «социалистической» перестройки экономики и расширение связей с Советским Союзом.

Администрация Кеннеди, свободная от конкретных обязательств перед конфликтующими сторонами, могла гибко реагировать на происходившие в регионе изменения. Однако сдвиги в глобальной и региональной ситуации на рубеже 1962–1963 гг. поставили ее в условия жесткого балансирования в сирийско-израильском противостоянии. Уже в этот момент администрация Дж. Кеннеди продемонстрировала снижение политической гибкости.

Сменивший Кеннеди на посту президента Л. Джонсон также следовал курсом балансирования, однако в силу потребностей текущей внутренней политики и иного, по сравнению с предшественником, понимания региональных интересов США, он пошел дальше по пути поляризации Ближнего Востока. В конечном счете утрата стратегической мобильности США из-за погружения в дорогостоящую, непопулярную и бесперспективную войну во Вьетнаме, привела к шедшему вразрез с долгосрочными интересами США решению встать в сирийско-израильском конфликте на сторону Тель-Авива. Хотя последовавшие после третьей арабо-израильской войны 1967 г. события демонстрировали устойчивость американского влияния на Ближнем Востоке, оно было достигнуто скорее не благодаря, а вопреки политике администрации Л. Джонсона.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10179-П «Борьба сверхдержав за лидерство на периферии холодной войны в 1947–1991 гг. (2025–2027)».

Acknowledgements

This study was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 22-78-10179-П “The Superpower Struggle for Leadership on the Periphery of the Cold War in 1947–1991 (2025–2027)”.

Литература

- Белоусова 2015 – *Белоусова К.А.* Политика США на Ближнем Востоке в 1958–1975 гг. М.: МПГУ, 2015. 400 с.
- Воробьева 2015 – *Воробьева Т.А.* Сирия в политике США в 1939–1953 гг. // Вопросы истории. 2015. № 12. С. 3–18.
- Карасова 2015 – *Карасова Т.А.* Израиль и США: Основные этапы становления стратегического партнерства (1948–2014). М.: Аспект Пресс, 2015. 462 с.
- Носенко 2023 – *Носенко Т.В.* Арабо-израильский конфликт в ракурсе советской политики: достижения и потери (1950-е – 1967 гг.) / отв. ред. Т.А. Карасова. М.: ИВ РАН. 2023. 344 с.
- Пелипась 2003 – *Пелипась М.Я.* Скованные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке в 1945–1956 гг. Томск: Издат. дом Томского государственного ун-та, 2003. 364 с.
- Пир-Будагова 2015 – *Пир-Будагова Э.П.* История Сирии: XX век. М.: ИВ РАН, 2015. 392 с.
- Румянцев 2010 – *Румянцев В.П.* Ближневосточная политика США и Великобритании в 1956–1960 гг. Томск: Издат. дом Томского государственного ун-та, 2010. 353 с.
- Румянцев 2015 – *Румянцев В.П.* «Новый фронтир» администрации Дж.Ф. Кеннеди на Ближнем и Среднем Востоке (1961–1963 гг.) / науч. ред. В.П. Зиновьев. Томск: Издат. дом Томского государственного ун-та, 2015. 404 с.
- Сенников 2023 – *Сенников А.И.* Треугольник СССР – США – ОАР и обострение холодной войны на Ближнем Востоке в 1960 г. // Вестник гуманитарного образования. 2023. № 2 (30). С. 68–85.
- Хазанов, Гасратян 2023 – *Хазанов А.М., Гасратян С.М.* Отношения Израиля и Сирии в 1948–1967 гг. // Вестник государственного и муниципального управления. 2023. № 1. С. 107–124.
- Хазанов, Гасратян 2024 – *Хазанов А.М., Гасратян С.М.* Ближневосточная мозаика: Израиль versus Сирия. М.: ИВ РАН, 2024. 470 с.
- Эпштейн 2005 – *Эпштейн А.Д.* Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика. М.: Ин-т Ближнего Востока, 2005. 213 с.
- Эпштейн 2014 – *Эпштейн А.Д.* Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений. Т. 1. М.: Ин-т Ближнего Востока: Мосты культуры, 2014. 312 с.

- Abadi 2020 – *Abadi J.* US-Syrian relations, 1920–1967: The bitter harvest of a flawed policy // *Athens Journal of History*. 2020. Vol. 6. Iss. 3. P. 175–198.
- Abadi 2021 – *Abadi J.* US-Syria relations in the shadow of Cold War and détente // *Middle Eastern Studies*. 2021. Vol. 57. Iss. 4. P. 534–552.
- Ben-Zvi 1998 – *Ben-Zvi A.* Decade of transition: Eisenhower, Kennedy and the origins of the American-Israeli alliance. N.Y.: Columbia University Press, 1998. 250 p.
- Bick 2006 – *Bick E.* Two-level negotiations and U.S. foreign policy: The failure of the Johnson plan for the Palestinian refugees, 1961–1962 // *Diplomacy & Statecraft*. 2006. Vol. 17. Iss. 3. P. 447–474.
- Colman 2010 – *Colman J.* The foreign policy of Lyndon B. Johnson: The United States and the world, 1963–1969. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. 240 p.
- Gani 2011 – *Gani J.* Understanding and explaining US-Syrian relations: Conflict and cooperation, and the role of ideology. Ph.D. Thesis. London, November 2011. 304 p.
- Goldman 2009 – *Goldman Z.* Ties that bind: John F. Kennedy and the foundations of the American–Israeli alliance // *Cold War History*. 2009. Vol. 9. No. 1. P. 23–58.
- Knudsen 2001 – *Knudsen E.* The Syrian-Israeli political impasse: A study in conflict, war and mistrust // *Diplomacy & Statecraft*. 2001. Vol. 12. Iss. 1. P. 213–234.
- Laron 2010 – *Laron G.* Playing with fire: The Soviet–Syrian–Israeli triangle, 1965–1967 // *Cold War History*. 2010. Vol. 10. No. 2. P. 163–184.
- Lazarowitz 2008 – *Lazarowitz A.* Different approaches to a regional search for Balance: the Johnson administration, the state department, and the Middle east, 1964–1967 // *Diplomatic History*. 2008. Vol. 32. Iss. 1. P. 25–54.
- Lesch 2012 – *Lesch D.W.* Syria: Playing with fire // *The 1967 Arab-Israeli war: origins and consequences* / ed. by Wm. Roger Louis, A. Shlaim. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2012. P. 79–91.
- Markussen, Waage 2018 – *Markussen J.A., Waage H.H.* A balancing pretence: The Johnson administration's policy towards Jordan, 1964–1967 // *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2018. Vol. 45. Iss. 3. P. 1–16.
- Nadelmann 1982 – *Nadelmann E.* Setting the stage: American policy toward The Middle East, 1961–1966 // *International Journal of Middle East Studies*. 1982. Vol. 14. No. 4. P. 435–457.
- Quandt 2005 – *Quandt W.* Peace process: American diplomacy and the Arab-Israeli conflict since 1967. 3rd edition. Washington: The Brookings Institution, 2005. 549 p.

References

- Abadi, J. (2020), “US – Syrian relations, 1920–1967: the bitter harvest of a flawed policy”, *Athens Journal of History*, vol. 6, iss. 3, pp. 175–198.
- Abadi, J. (2021), “US – Syria relations in the shadow of the Cold War and détente”, *Middle Eastern Studies*, vol. 57, iss. 4, pp. 534–552.
- Belousova, K.A. (2015), *Politika SShA na Blizhnem Vostoke v 1958–1975 gg.* [US policy in the Middle East, 1958–1975], MPGU, Moscow, Russia.

- Ben-Zvi, A. (1998), *Decade of transition: Eisenhower, Kennedy and the origins of the American-Israeli alliance*, Columbia University Press, New York, USA.
- Bick, E. (2006), "Two-level negotiations and U.S. foreign policy: the failure of the Johnson Plan for the Palestinian refugees, 1961–1962", *Diplomacy & Statecraft*, vol. 17, iss. 3, pp. 447–474.
- Colman, J. (2010), *The foreign policy of Lyndon B. Johnson: The United States and the World, 1963–1969*, Edinburgh University Press, Edinburgh, UK.
- Epstein, A.D. (2005), *Izrail' i problema palestinskikh bezhentshev: istoriya i politika* [Israel and the Palestinian refugee problem: history and politics], Institut Blizhnego Vostoka, Moscow, Russia.
- Epstein, A.D. (2014), *Blizhaishie soyuzniki? Podlinnaya istoriya amerikano-izrail'skikh otnoshenii* [Close allies? United States and Israel: the hidden history], vol. 1, Institut Blizhnego Vostoka, Mosty kul'tury, Moscow, Russia.
- Gani, J. (2011), *Understanding and explaining US-Syrian relations: conflict and cooperation, and the role of ideology*, Ph.D. Thesis, London School of Economics, London, UK.
- Goldman, Z. (2009), "Ties that bind: John F. Kennedy and the foundations of the American-Israeli alliance", *Cold War History*, vol. 9, no. 1, pp. 23–58.
- Karasova, T.A. (2015), *Izrail' i SShA: Osnovnye etapy stanovleniya strategicheskogo partnerstva (1948–2014)* [Israel and the United States: key stages of the strategic partnership (1948–2014)], Aspekt Press, Moscow, Russia.
- Khazanov, A.M. and Gasratyan, S.M. (2023), "Israel – Syria relations in 1948–1967", *Journal of Public and Municipal Administration*, no. 1, pp. 107–124.
- Khazanov, A.M., and Gasratyan, S.M. (2024), *Blizhnevostochnaya mozaika: Izrail' versus Siriya* [Middle East Mosaic: Israel versus Syria], IV RAN, Moscow, Russia.
- Knudsen, E. (2001), "The Syrian-Israeli political impasse: a study in conflict, war and mistrust", *Diplomacy & Statecraft*, vol. 12, iss. 1, pp. 213–234.
- Laron, G. (2010), "Playing with fire: The Soviet–Syrian–Israeli triangle, 1965–1967", *Cold War History*, vol. 10, no. 2, pp. 163–184.
- Lazarowitz, A. (2008), "Different approaches to a regional search for Balance: the Johnson administration, the state department, and the Middle East, 1964–1967", *Diplomatic History*, vol. 32, iss. 1, pp. 25–54.
- Lesch, D.W. (2012), "Syria: playing with fire", in Louis, Wm.R. and Shlaim, A., eds., *The 1967 Arab-Israeli war: origins and consequences*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, pp. 79–91.
- Markussen, J.A. and Waage, H.H. (2018), "A balancing pretence: the Johnson administration's policy towards Jordan, 1964–1967", *British Journal of Middle Eastern Studies*, vol. 45, iss. 3, pp. 1–16.
- Nadelmann, E. (1982), "Setting the stage: American policy toward the Middle East, 1961–1966", *International Journal of Middle East Studies*, vol. 14, no. 4, pp. 435–457.
- Nosenko, T.V. (2023), *Arabo-izrail'skii konflikt v raketse sovetской politiki: dostizheniya i poteri (1950-e – 1967 gg.)* [The Arab-Israeli conflict from the perspective of Soviet policy: achievements and losses (1950s – 1967)], IV RAN, Moscow, Russia.

- Pelipas', M.Ya. (2003), *Skovannye odnoi tsep'yu: SShA i Velikobritaniya na Blizhnem i Srednem Vostoke v 1945–1956 gg.* [Bound by the same chain: The United States and Great Britain in the Near and Middle East, 1945–1956], Izdatel'skii dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Tomsk, Russia.
- Pir-Budagova, E.P. (2015), *Istoriya Sirii. XX vek* [History of Syria. The 20th century], IV RAN, Moscow, Russia.
- Quandt, W. (2005), *Peace process: American diplomacy and the Arab-Israeli conflict since 1967*, The Brookings Institution, Washington, DC, USA.
- Rumyantsev, V.P. (2010), *Blizhnevostochnaya politika SShA i Velikobritanii v 1956–1960 gg.* [Middle East policy of the USA and Great Britain in 1956–1960], Izdatel'skii dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Tomsk, Russia.
- Rumyantsev, V.P. (2015), “*Novyi frontir*” administratsii Dzh.F. Kennedi na Blizhnem i Srednem Vostoke (1961–1963 gg.) [The Kennedy administration's ‘New Frontier’ in the Middle East (1961–1963)], Izdatel'skii dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Tomsk, Russia.
- Sennikov, A.I. (2023), “The USSR – USA – UAR triangle and the escalation of the cold war in the middle east in 1960”, *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya*, vol. 30, no. 2, pp. 68–85.
- Vorobyova, T.A. (2015), “Syria in us policy in 1939–1953 years”, *Voprosy istorii*, vol. 12, pp. 3–18.

Информация об авторе

Алексей И. Сенников, кандидат исторических наук, Вятский государственный университет, Киров, Россия; 610000, Россия, Киров, ул. Московская, д. 36; usr12154@vyatsu.ru

Information about the author

Alexey I. Sennikov, Cand. of Sci. (History), Vyatka State University, Kirov, Russia; 36, Moskovskaya St, Kirov, Russia, 610000; usr12154@vyatsu.ru

УДК 327.56(569.1+470)

DOI: 10.28995/2073-6339-2026-4-114-124

Российская стратегия в Сирии
в условиях управляемой стабилизации:
новые политические форматы
и вызовы постконфликтного урегулирования
(2022–2024 гг.)

Гияс Мохамад Диб

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Ghieyath96@gmail.com*

Сергей Л. Медведко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, smedvedko@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется эволюция российской стратегии в Сирии в период 2022–2024 гг. в условиях перехода страны от активной фазы вооруженного конфликта к этапу управляемой, но нестабильной нормализации. Рассматривается трансформация роли России от военного доминирования к многовекторному управлению постконфликтной динамикой, включающему политико-дипломатические, экономические и гуманитарные инструменты влияния. Особое внимание уделяется новым политическим форматам урегулирования сирийского конфликта, проблеме интеграции неподконтрольных центральному правительству анклавов, ограничениям экономического восстановления в условиях санкционного давления и системной коррупции, а также конкуренции внешних акторов за влияние в Сирии. Делается вывод о том, что российская стратегия в Сирии представляет собой попытку апробации альтернативной модели постконфликтной стабилизации, основанной на принципах суверенитета, управляемой децентрализации и отказа от жестких политических условий, жизнеспособность которой остается открытым вопросом.

Ключевые слова: Россия, внешняя политика, Сирия, постконфликтное урегулирование, управляемая стабилизация, Ближний Восток, санкции, децентрализация, мягкая сила

Для цитирования: Диб Г.М., Медведко С.Л. Российская стратегия в Сирии в условиях управляемой стабилизации: новые политические форматы и вызовы постконфликтного урегулирования (2022–2024 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 4. С. 114–124. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-4-114-124

© Диб Г.М., Медведко С.Л., 2026

Russian strategy in Syria under managed stabilization: new political formats and challenges of the post-conflict settlement (2022–2024)

Ghiath Mohamad Deeb

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, ghieyath96@gmail.com*

Sergei L. Medvedko

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, smedvedko@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the evolution of Russia's strategy in Syria in 2022–2024 during the period of the country's transition from an active phase of armed conflict to a stage of managed, yet unstable, normalization. It is concluded that Russia's strategy in Syria represents an attempt to test an alternative model of post-conflict stabilization. The paper examines the transformation of Russia's role from military dominance to multi-level management of post-conflict dynamics, incorporating political-diplomatic, economic, and humanitarian instruments of influence. Particular attention is paid to the new political settlement formats, the problem of integrating non-controlled enclaves, the constraints on economic recovery under the sanctions and to systemic corruption, as well as to the competition among the external actors for influence in Syria. The final conclusion posits that the Russian strategy constitutes an attempt to pilot an alternative model of post-conflict stabilization, based on the principles of sovereignty, managed decentralization, and the rejection of rigid political preconditions – the viability of which remains an open question.

Keywords: Russia, foreign policy, Syria, post-conflict settlement, managed stabilization, Middle East, sanctions, decentralization, soft power

For citation: Deeb, G.M. and Medvedko, S.L. (2026), "Russian strategy in Syria under managed stabilization: new political formats and challenges of the post-conflict settlement (2022–2024)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 114–124, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-4-114-124

Введение

На протяжении более чем десяти лет сирийский конфликт, начавшийся в 2011 г. и ставший одним из наиболее разрушительных кризисов первой четверти XXI в., оставался центром нестабильности не только в регионе, но и в системе международных отношений

в целом. В результате масштабного насилия, подрыва государственного суверенитета и активного вмешательства внешних акторов Сирия превратилась в сложный узел взаимосвязанных конфликтов. К началу 2020-х гг. страна вступила в фазу неустойчивой, но управляемой стабилизации [Васильев 2021, с. 312; Наумкин 2023, с. 368]¹. Активные боевые действия были в значительной степени локализованы, а линии фронта приобрели относительно устойчивый характер.

Российское военное вмешательство в 2015 г. изменило баланс сил в конфликте и позволило сохранить центральную власть в Дамаске. Тем не менее военные победы не означали автоматически достижения устойчивого мира. С другой стороны, с 2022 по 2024 г., как полагают некоторые российские и иностранные аналитики, РФ в Сирии перешла от масштабных наступательных операций к точечному военному присутствию, многоуровневой дипломатии и управлению постконфликтной динамикой [Никитин 2021, с. 256; Allison 2022, p. 1484].

В этих условиях Москва столкнулась с задачами, оказавшимися более сложными, чем военная фаза конфликта. В центре внимания оказались вопросы политической интеграции неподконтрольных центральному правительству территорий, восстановления экономики в условиях санкционного давления и конкуренции внешних акторов за влияние на будущее устройство сирийского государства [Phillips 2021, p. 142]. В контексте трансформации мировой системы международных отношений и усиления тенденций к многополярности российская стратегия в Сирии стала адаптироваться к новым глобальным реалиям [Наумкин 2023, с. 368].

После 2022 г. характер присутствия России в Сирии изменился, сохраняя основную военную часть, но расширяя политические, экономические и гуманитарные инструменты. Речь идет не только о поддержке союзного режима. Москва пытается придать своему присутствию многогранный характер в этом стратегически важном регионе, где Сирия служит опорой для всей ближневосточной политики Москвы.

Цель статьи – провести анализ эволюции российской стратегии в Сирии в период 2022–2024 гг., с акцентом на новых политических форматах и ключевых вызовах постконфликтного уре-

¹ (سانا) للأنباء السورية العربية الوكالة // الصيني نظيره مع صحفي مؤتمر في لافروف
[Российско-сирийские переговоры в Москве: совместная пресс-конференция Лаврова и китайского коллеги] // Syrian Arab News Agency (SANA). Март 2023. URL: <https://archive.sana.sy/> 'مؤتمر-في-لافروف'
-صحفي-مع-نظيره-الصيني-نظيره-مع-صحفي / (дата обращения: 12.05.2025).

гулирования, пределах внешней стабилизации и роли России как потенциального архитектора в процессе достижения устойчивого порядка в условиях управляемой, но по-прежнему хрупкой нормализации сирийского пространства.

Методологическую основу исследования составляют системный и структурно-функциональный подходы, позволяющие рассмотреть российскую стратегию как комплексный феномен во взаимодействии с внутренней сирийской и региональной средой. В работе также применяются элементы сравнительного и неoinституционального анализа для оценки эффективности новых политических форматов и ограничений, накладываемых институциональными структурами.

*Трансформация российской стратегии
в Сирии после 2022 года:
от военного доминирования
к управляемой стабилизации*

Переход сирийского конфликта в фазу относительной стабилизации в начале 2020-х гг. стал следствием не столько урегулирования противоречий, сколько исчерпания потенциала масштабных военных операций. К 2022 г. основные линии фронта приобрели устойчивый характер, а вооруженное противостояние трансформировалось в форму локализованных инцидентов и точечных операций. В этих условиях российская стратегия в Сирии вступила в новый этап, качественно отличный от периода активных боевых действий 2015–2020 гг.

Если на раннем этапе ключевым элементом российского присутствия выступала военная сила как инструмент изменения баланса и сохранения союзного режима, то после 2022 г. акцент сместился в сторону управления достигнутой стабильностью [Hinnebusch 2023, р. 1]. Российская Федерация сохранила военную компоненту как основу своего влияния, однако ее функциональная роль изменилась, эволюционировав от наступательного инструмента к фактору сдерживания, гаранта поддержания статус-кво и созданию механизма предотвращения эскалации между конкурирующими внешними и внутренними акторами.

Одновременно произошло расширение политико-дипломатического аспекта российской стратегии. Москва активизировала посреднические функции в отношениях между Дамаском и региональными игроками, прежде всего Турцией и Ираном, стремясь минимизировать риски прямых столкновений и сохранить контроль

над конфигурацией влияния в северных и северо-восточных районах Сирии. Таким образом, российская политика все в большей степени приобретала характер многоуровневого управления конфликтной средой, а не прямого силового доминирования.

Важной особенностью периода после 2022 г. стала и активизация структурных ограничений российской стратегии. Санкционное давление, направленное как против Сирии, так и против России, а также перераспределение внешнеполитических приоритетов и сокращение доступных ресурсов объективно сузили возможности Москвы по масштабному вовлечению в процессы восстановления сирийской экономики. Это, в свою очередь, обусловило поиск Россией более гибких и экономичных форм влияния, включая точечные инвестиционные проекты, гуманитарное присутствие и дипломатическое сопровождение процессов региональной нормализации.

Таким образом, трансформация российской стратегии в Сирии после 2022 г. отражает переход от логики военного решения конфликта к логике постконфликтного управления, в которой ключевым ресурсом становится не сила как таковая, а способность координировать интересы различных акторов и адаптироваться к изменяющейся международной среде. Этот переход заложил основу для формирования новых политических форматов урегулирования, анализ которых требует отдельного рассмотрения.

Направления реализации стратегии Российской Федерации в Сирии (2022–2024 гг.)

От военного воздействия к дипломатии переговоров. Военная компонента продолжала оставаться фундаментом российского присутствия в Сирии и ключевым фактором поддержания достигнутого баланса сил. Вместе с тем после 2022 г. ее функциональная роль претерпела заметную трансформацию: от инструмента активного наступательного воздействия к механизму сдерживания, предотвращению эскалации между конкурирующими внутренними и внешними силами, а также к стабилизации линии соприкосновения². Наличие российских военных баз в Хмеймиме и Тартусе

² Cafiero G., Milliken E. Analysis: How important is Syria's return to the Arab League? // Aljazeera. 2023. 19 May. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/5/19/analysis-how-important-is-syrias-return-to-the-arab-league> (дата обращения: 10.01.2026).

обеспечивало не только оперативные возможности, но и политический вес Москвы при участии в региональных процессах.

Одновременно усилилось и политико-дипломатическое направление российской стратегии, включая посредничество в отношениях между Дамаском, Анкарой и Тегераном в рамках Астинского формата [Наумкин 2017, с. 39; Allison 2022, p. 1482].

Дипломатические усилия по возвращению Сирии в арабский мир. Одним из ключевых направлений российской стратегии стали дипломатические усилия, направленные на восстановление региональной легитимности сирийского руководства. Москва последовательно содействовала процессу возвращения Сирии в Лигу арабских государств, рассматривая этот шаг как важное условие долгосрочной стабилизации и снижения международной изоляции Дамаска.

Возвращение Сирии в арабский политический контекст рассматривалось российской стороной не как символический акт, а как практический механизм расширения внешнеполитических и экономических возможностей сирийского государства. В этом контексте Россия позиционировала себя в качестве посредника между Сирией и арабскими странами, способного обеспечить диалог без навязывания политических условий.

Восстановление экономики Сирии как инструмент влияния. Экономическая составляющая российской стратегии была связана с задачами постконфликтного восстановления Сирии и укрепления долгосрочного присутствия Москвы в стране. Российская Федерация рассматривала участие в восстановлении инфраструктуры, энергетического сектора и транспортных коммуникаций как инструмент формирования устойчивых связей с сирийскими государственными структурами.

При этом масштабы экономического взаимодействия объективно ограничивались санкционным режимом, действующим как в отношении Сирии, так и в отношении России. В этих условиях экономическая стратегия Москвы носила прагматичный и точечный характер, ориентированный на реализацию отдельных проектов и сохранение потенциала для расширения сотрудничества в перспективе.

Интеграция анклавов и управляемая децентрализация. Важным элементом стратегии России стало содействие интеграции отдельных территориальных анклавов в единое политическое и административное пространство Сирии. Речь шла прежде всего о регионах с особым режимом управления и присутствием внешних акторов, где сохранялись риски фрагментации государственного суверенитета.

Российский подход предполагал элементы управляемой децентрализации, направленные на снижение конфликтного потенциала и адаптацию центральной власти к региональной специфике. Для этого Россия демонстрировала гибкость, балансируя между интересами Дамаска, курдов, Турции и других внешних акторов [Наумкин 2017, с. 37; Hinnebusch 2023, р. 12]. При этом подчеркивалась недопустимость институционализации раздела страны и сохранение формального единства сирийского государства.

Фактическое существование автономных анклавов при формальном сохранении унитарного государства требовало от Москвы гибкой посреднической роли и способности балансировать

Международное противоборство, санкции и поиск союзников. Реализация российской стратегии в Сирии осуществлялась в условиях продолжающегося международного противоборства и санкционного давления. Ограничительные меры, введенные западными государствами против Сирии и России, существенно сужали возможности внешнеэкономического взаимодействия и восстановления сирийской экономики [Кузнецов 2023, с. 128].

В ответ на это Москва была вынуждена активизировать поиск альтернативных партнеров и форматов сотрудничества, в том числе за пределами западноцентричной системы. Данный курс предполагал укрепление координации с региональными и внеблоковыми государствами, готовыми взаимодействовать с Сирией вне рамок политической условности.

Гуманитарный аспект и «мягкая сила». Гуманитарная деятельность занимала важное место в структуре российской стратегии, дополняя военные и дипломатические инструменты³. Поставки гуманитарной помощи, участие в восстановлении социальной инфраструктуры, а также оказание медицинской помощи нуждающимся во многих районах Сирии использовались как средство укрепления доверия со стороны местного населения [Федорченко 2022, с. 402].

В более широком контексте данные меры рассматривались как элементы «мягкой силы», направленные на формирование позитивного образа России и демонстрацию альтернативного подхода к постконфликтному взаимодействию, не связанного с политическим давлением.

³ Указ Президента РФ № 229 от 31 марта 2023 г. «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». Пункт 43 // Российская газета. 2023. 31 марта. URL: <https://rg.ru/documents/2023/03/31/prezident-ukaz229-site-dok.html> (дата обращения: 31.01.2026).

Альтернативная модель: Россия как партнер без политических условий. В совокупности перечисленные направления формировали альтернативную модель внешнего участия в сирийском урегулировании, в рамках которой Россия позиционировала себя как партнер, не увязывающий поддержку с требованиями политических реформ. Данный подход контрастировал с западной моделью условного взаимодействия и находил отклик как у сирийского руководства, так и у ряда региональных акторов.

Вместе с тем эффективность данной модели оставалась ограниченной объективными факторами, включая ресурсные ограничения и сохраняющееся международное давление. Тем не менее она позволяла Москве сохранять значимое влияние на динамику постконфликтного развития Сирии и закреплять свое присутствие в качестве одного из ключевых внешних акторов.

Как полагают некоторые российские исследователи, опыт Москвы в Сирии «выглядит перспективным и позитивным». Военное присутствие России, как справедливо отмечают они, создает условия для оживления социальной и экономической жизни. Даже несмотря на свержение Б. Асада конкретные наработки по политической деэскалации на местном уровне «могут оказаться востребованными в плоскости других конфликтов в арабском мире, а также Африки» [Матвеев 2025, с. 466–467].

Заключение

1. Российская стратегия в Сирии в 2022–2024 гг. претерпела качественную трансформацию – от активного военного вмешательства к модели управляемой стабилизации и постконфликтного управления.

2. Военное присутствие России сохраняло ключевое значение, однако его функция сместилась в сторону сдерживания, контроля эскалации и поддержания статус-кво.

3. Политико-дипломатические инструменты, включая, в том числе, посредничество между региональными игроками и возвращение Сирии в арабское дипломатическое пространство, стали важным элементом российской стратегии.

4. Экономическое восстановление Сирии сталкивалось с жесткими структурными ограничениями, обусловленными санкциями, фрагментацией контроля над ресурсами и системной коррупцией.

5. Проблема интеграции неподконтрольных анклавов стала и продолжает быть ключевым вызовом, решение которого возможно

лишь в рамках модели управляемой децентрализации при сохранении сильной центральной власти.

6. Российская модель постконфликтной стабилизации, основанная на отказе от политических условий, продемонстрировала ее политическую привлекательность, чья долгосрочная устойчивость зависит от способности обеспечить реальные социально-экономические улучшения.

7. Фактическое существование автономных анклавов при формальном сохранении унитарного государства потребовало от Москвы гибкой посреднической роли и способности учитывать интересы Дамаска, курдских сил, Турции и других внешних акторов.

8. События конца 2024 г., приведшие к смене власти в Дамаске, продемонстрировали хрупкость достигнутой стабилизации и поставили перед Россией новые задачи, требующие переосмысления прежней стратегии и поиска новых форматов взаимодействия с изменившимися сирийскими реалиями. Накопленный опыт политической деэскалации и работы с различными сирийскими силами может оказаться востребованным и в новых условиях.

Способность России выступать для Сирии более привлекательным партнером, чем западные государства, увязывающие помощь с политическими реформами, во многом зависела, даже по признанию западных аналитиков, от возможности предложить реалистичную альтернативу модели условного сотрудничества⁴. Однако ограниченные финансовые ресурсы и санкционное давление существенно снижали практическую результативность данной модели.

Анализ российской стратегии в Сирии в 2022–2024 гг. позволяет рассматривать сирийское направление не только как элемент региональной политики Москвы, но и как эксперимент по формированию альтернативного подхода к постконфликтному управлению. Военная стабилизация и дипломатические успехи, включая возвращение Сирии в Лигу арабских государств, как справедливо замечают российские аналитики В.В. Наумкин и А.И. Никитин, не сопровождалась сопоставимыми социально-экономическими изменениями, что усиливало риск воспроизводства факторов нестабильности в долгосрочной перспективе [Наумкин 2023, с. 215; Никитин 2021, с. 160].

Сирийский кейс стал для России проверкой возможностей ее альтернативной внешнеполитической модели в условиях форми-

⁴ Return of Syrian refugees “Top Priority” in Arab Summit: Statement // Ahram Online. 2023. 1 May. URL: <http://english.ahram.org.eg/News/AFCON/2021/498815.aspx> (дата обращения: 12.05.2025).

рующегося многополярного мира, итоговая жизнеспособность которой, как отмечают арабские обозреватели, так и осталась открытым вопросом.

Литература

- Васильев 2021 – *Васильев А.М.* Сирийский конфликт и региональная безопасность Ближнего Востока. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2021. 312 с.
- Кузнецов 2023 – *Кузнецов В.А.* Санкции и экономическое восстановление постконфликтных государств // *Международные процессы*. 2023. Т. 21. № 3. С. 118–134.
- Матвеев 2025 – *Матвеев И.А.* Постбиполярный Ближний Восток: движение от конфликтов к устойчивому развитию в условиях формирующегося многополярного мира // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2025. Т. 25. № 3. С. 449–468.
- Наумкин 2023 – *Наумкин В.В.* Ближний Восток в меняющемся мировом порядке. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2023. 368 с.
- Наумкин 2017 – *Наумкин В.В.* Кризис государств-наций на Ближнем Востоке // *Международные процессы*. Т. 15. № 2 (49). С. 27–43.
- Никитин 2021 – *Никитин А.И.* Миротворчество и постконфликтное строительство в современной международной политике. М.: Аспект Пресс, 2021. 256 с.
- Федорченко 2022 – *Федорченко С.Н.* «Мягкая сила» в современных конфликтах: пределы эффективности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2022. Т. 24. № 3. С. 395–407.
- Allison 2022 – *Allison R.* Russia and the Syrian conflict: Geopolitics, intervention and post-war strategy // *International Affairs*. 2022. Vol. 98. No. 5. P. 1471–1488.
- Hinnebusch 2023 – *Hinnebusch R.* State resilience and post-conflict order in Syria // *Mediterranean Politics*. 2023. Vol. 28. No. 1. P. 1–21.
- Phillips 2021 – *Phillips C.* The battle for Syria: International rivalry in the New Middle East. 2nd ed. New Haven: Yale University Press, 2021. 336 p.

References

- Allison, R. (2022), “Russia and the Syrian conflict: geopolitics, intervention and post-war strategy”, *International Affairs*, vol. 98, no. 5, pp. 1471–1488.
- Fedorchenko, S.N. (2022), “‘Soft power’ in contemporary conflicts: limits of effectiveness”, *RUDN Journal of Political Science*, vol. 24, no. 3, pp. 395–407.
- Hinnebusch, R. (2023), “State resilience and post-conflict order in Syria”, *Mediterranean Politics*, vol. 28, no. 1, pp. 1–21.
- Kuznetsov, V.A. (2023), “Sanctions and economic recovery of post-conflict states”, *International Trends*, vol. 21, no. 3, pp. 118–134.

- Matveev, I.A. (2025), "Post-bipolar Middle East: moving from conflict to sustainable development in an emerging multi polar world", *RUDN Journal of International Relations*, vol. 25, no. 3, pp. 449–468.
- Naumkin, V.V. (2023), *Blizhnii Vostok v menyayushchemsya mirovom porядke* [The Middle East in the changing world order], Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Russia.
- Naumkin, V.V. (2017), "Crisis of the nation-states in the Middle East", *International Trends*, vol. 15, no. 2 (49), pp. 27–43.
- Nikitin, A.I. (2021), *Mirotvorchestvo i postkonfliktnoe stroitel'stvo v sovremennoi mezhdunarodnoi politike* [Peacekeeping and post-conflict reconstruction in contemporary international policy], Aspekt Press, Moscow, Russia.
- Phillips, C. (2021), *The battle for Syria: international rivalry in the New Middle East*, 2nd ed., Yale University Press, New Haven, CT, USA.
- Vasiliev, A.M. (2021), *Siriiskii konflikt i regional'naya bezopasnost' Blizhnego Vostoka* [The Syrian conflict and regional security in the Middle East], Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Гияс Мохамад Диб, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; Ghieyath96@gmail.com

Сергей Л. Медведко, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; smedvedko@mail.ru

Information about the authors

Ghiath Mohamad Deeb, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; Ghieyath96@gmail.com

Sergei L. Medvedko, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; smedvedko@mail.ru

Саммиты БРИКС 2024 и 2025 гг. как символы формирования мирового порядка

Стефан А. Сайфутдинов

*Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России (МГИМО), Москва, Россия,
saifutdinov1354@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена анализу ряда ключевых решений, принятых в ходе саммитов группы БРИКС 2024 и 2025 гг., в контексте их влияния на построение нового полицентричного мирового порядка. Помимо изучения подходов к трактовке понятия «мировой порядок», автор привлекает официальные документы саммитов БРИКС, высказывания представителей его стран-участников и работы специалистов в области международных отношений и геополитики. Рассматриваются консолидация БРИКС перед лицом агрессивной политики коллективного Запада по насаждению либерального «порядка, основанного на правилах», Казанский саммит 2024 г. (первый в расширенном составе государств-членов) и его оценки в научном сообществе и политических кругах России и США, а также саммит 2025 г. в Рио-де-Жанейро, на котором были определены векторы дальнейшего развития группы, а ее государства-члены открыто осудили лицемерную и военизированную политику западного лагеря, провоцирующую эскалацию международной напряженности. Автор приходит к следующему выводу: несмотря на барьеры, тормозящие деятельность БРИКС, и на то, что на данный момент говорить о формировании полицентричного миропорядка преждевременно ввиду отсутствия согласия между его субъектами насчет норм, принципов взаимодействия и санкций за их нарушение, саммиты БРИКС 2024 и 2025 гг. показали готовность участников группы, их официальных партнеров и единомышленников по форматам БРИКС+ и «аутрич» быть одной из главных движущих сил перехода к полицентричной модели мирового устройства.

Ключевые слова: БРИКС, мировой порядок, международные институты, глобальный Восток и Юг, государства-партнеры, консолидация мирового большинства, Казанский саммит, саммит Рио

Для цитирования: Сайфутдинов С.А. Саммиты БРИКС 2024 и 2025 гг. как символы формирования мирового порядка // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 4. С. 125–140. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-4-125-140

BRICS 2024 and 2025 summits as the symbols of world order shaping

Stefan A. Sayfutdinov

MGIMO University, Moscow, Russia, saifutdinov1354@gmail.com

Abstract. This article analyzes a variety of the key decisions made during the 2024 and 2025 BRICS summits in the context of their influence on building the new polycentric world order. In addition to studying approaches to the interpretation of the “world order” concept, the author evokes the official BRICS summit documents and the speeches of its member states’ representatives, as well as the works of specialists in the field of international relations and geopolitics. The work carries out research on the BRICS’ consolidation in the face of the collective West’s aggressive policy aimed at imposing the liberal “rules-based order”. The paper also discusses the 2024 Kazan summit (the first meeting in the expanded membership format) and its evaluations in the Russian and American scientific and political communities. The article studies the 2025 summit in Rio de Janeiro, where the vectors for future development have been defined, with the member states overtly condemning the Western camp’s hypocritical and heavily militarized policy which keeps escalating international tensions. The following conclusion is reached: despite the certain barriers hindering the BRICS’ development, regardless of the fact that it is premature at the moment to speak about the formation of a polycentric world order due to the lack of agreement between its subjects on the norms, the principles of interaction and the sanctions for their violation, the 2024 and 2025 BRICS summits demonstrated the willingness of the group’s participants, of their official partners and colleagues in BRICS+ and the “outreach” formats to be an essential driving force in the transition to a polycentric international system.

Keywords: BRICS, world order, international institutions, Global East and South, partner states, world majority consolidation, Kazan summit, Rio summit

For citation: Sayfutdinov, S.A. (2026), “BRICS 2024 and 2025 summits as the symbols of world order shaping”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 125–140, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-4-125-140

Введение

В нынешнем десятилетии человечество столкнулось с беспрецедентным ростом числа новых вызовов и глобальных проблем, сопровождаемым резкой эскалацией международной напряженности и возобновлением многих интернационализированных кон-

фликтов. Крупнейшие международные институты, призванные искать пути противодействия этим вызовам и угрозам, а также обеспечивать соблюдение общепринятых норм международного права, оказались неспособны выполнить данную задачу ввиду своей западоцентричности. Стремясь сохранить свою гегемонию на международной арене, длившуюся несколько десятилетий после завершения «холодной войны», государства коллективного Запада в 2020-х гг. приняли агрессивную продвигать концепцию либерального «порядка, основанного на правилах»; на не приемлющих такую моноцентричную модель предполагаются жесточайшее давление, наложение санкций без одобрения Совета Безопасности ООН и другие карательные меры.

Как следствие для незападных государств возникла крайне важная необходимость не только сохранения жизнеспособности собственных экономик, но и укрепления существующих форматов международного взаимодействия с их участием, а также привлечения единомышленников, заинтересованных в отстаивании принципов справедливого и всеобъемлющего международного партнерства в условиях формирующегося полицентричного мирового порядка. Одним из наиболее активных игроков в этой сфере стало объединение БРИКС – группа ведущих незападных экономик мира, существенно расширившая в 2020-х гг. как свой состав, так и круг областей взаимодействия.

Цель статьи – проанализировать ключевые решения саммитов БРИКС 2024 и 2025 гг. в Казани и Рио-де-Жанейро, а также реакцию западного лагеря на эти встречи. В этой связи исследовательский вопрос можно сформулировать следующим образом: «Как расширение БРИКС и указанные саммиты повлияли на переход к полицентричному мировому порядку?».

Используя собранные материалы, автор выдвигает следующую гипотезу: несмотря на преждевременность суждений об оформленности мирового порядка ввиду отсутствия компромисса относительно «правил игры» в международной системе, саммиты БРИКС 2024 и 2025 гг. ускорили переход инициативы к его формированию в сторону стран глобального Востока и Юга, чьим все более уверенным «голосом» являются государства БРИКС.

С точки зрения теоретического подхода к исследованию применим взгляд с позиции неореализма: по мнению К. Уолтца, инициатива в формировании модели международных отношений принадлежит государствам, способным образовывать между собой союзы ради обеспечения своего выживания [Waltz 1979]. Также к рассматриваемой проблематике возможно привлечь и концепцию либерального институционализма Р. Кохейна: образуемые меж-

дународные институты (как полноценные организации, так и неформальные объединения) поощряют укрепление сотрудничества между их участниками посредством постоянного взаимодействия, эффективного обмена информацией и мониторинга, что должно обеспечить стабильность международной системы в отсутствие наднациональных органов управления и гегемона [Keohane 2020]. Понятие «мирового порядка» также имеет различные трактовки: его смысл с разных сторон раскрывают такие специалисты, как А.Д. Богатуров [Богатуров 2003], Э.Я. Баталов [Баталов 2003] и Т.А. Шаклеина [Шаклеина 2022a].

Наконец, необходимо упомянуть о методологической составляющей исследования. В его ходе планируется применить как качественный анализ ключевых решений, принятых группой БРИКС в рамках рассматриваемого периода, так и анализ официальных документов объединения и публикаций специалистов в области международных отношений. Из последних выделяются работы таких экспертов, как С.А. Караганов [Караганов 2024], Д.В. Малышев [Малышев 2024] и Р. Саква [Sakwa 2024].

Трактовки понятия «мировой порядок» и теоретические взгляды на роль БРИКС в его построении

Перед тем, как говорить о влиянии деятельности БРИКС на формирование мирового порядка, в первую очередь стоит обратиться к ряду различных трактовок этого понятия, чтобы понять их применимость к изучаемому явлению. Например, Э.Я. Баталов характеризует его как совокупность стабильных и в то же время динамичных «коррелятивных связей» между субъектами мировой политики, к которым он причисляет государства, меж- и негосударственные организации, а также отдельных лиц, оказывающих влияние на международно-политические процессы в силу своих компетенций [Баталов 2003, с. 31]. По мнению исследователя, модель мирового порядка считается легитимной, если ее принимает большинство политических акторов или же он навязывается «сверху» сильнейшими игроками на международной арене.

А.Д. Богатуров, в свою очередь, включает в понятие мирового порядка следующие характеристики:

- система межгосударственных отношений, регулируемая принципами поведения во внешней политике;
- санкции за нарушение установленных принципов и правил, признанные допустимыми;

- потенциал государств и институтов применять данные санкции;
- политическая воля участников международно-политических процессов к использованию вышеупомянутого потенциала [Богатуров 2003, с. 10].

Также необходимо затронуть и еще один подход к определению мирового порядка, выдвинутый Т.А. Шаклеиной. Как и А.Д. Богатуров, она характеризует его как систему межгосударственных отношений, в которой государства и особенно ведущие мировые державы демонстрируют потенциал и политическую волю к формированию и поддержанию модели миропорядка, предусматривающей механизм санкций за нарушение установленных принципов [Шаклеина 2022а, с. 73]. Тем не менее подход Т.А. Шаклеиной отличают ряд аспектов, не освещенных в предыдущих концепциях. Автор указывает, например, на тот факт, что в мировом порядке государства-лидеры не только доминируют в рамках международных институтов, но и оказывают структурное воздействие на средние и малые страны через продвижение глобальных и региональных интеграционных проектов. Кроме того, порядок считается утвержденным, если его субъекты пришли к общей позиции относительно международных норм поведения и контроля за их исполнением.

Аспект структурного воздействия на малые и средние государства со стороны ведущих мировых держав, затронутый Т.А. Шаклеиной, особенно применим к кейсу БРИКС: в 2020-х гг. группа вступила в качественно новый этап своего развития, характеризующийся не только ростом числа ее членов, но и диверсификацией форматов взаимодействия. Тем не менее пока рано говорить о полностью утвержденном мировом порядке, поскольку в настоящее время международные институты пребывают в состоянии кризиса, а субъекты этого порядка не могут достичь коллективной позиции касаясь общепризнанных международных «правил игры». Иными словами, текущее состояние международной системы можно считать как кризисным периодом «балансирования на грани», так и началом фазы «новой холодной войны» и поляризации международных отношений [Шаклеина 2022b, с. 6].

Наконец, стоит сказать пару слов о разнице в теоретических взглядах на вероятную роль БРИКС в процессе построения новой международной модели. Реалисты предполагают, что данная группа – это временное объединение государств, способных вместе отстаивать общие национальные интересы, уязвимая к попыткам ряда ее участников подчинить институт своей воле благодаря накоплению своей мощи; в свою очередь, либералы и конструкти-

висты считают, что такой институт, как БРИКС, служит удобной площадкой для государств, заинтересованных в поддержании международного мира и безопасности благодаря выгодам политического и экономического сотрудничества, а дискурс БРИКС позволяет группе эволюционировать в сторону более заметного объединения на международной арене и брать на себя новые инициативы и обязательства, что и проявилось в ходе рассматриваемых саммитов [Crowley-Vigneau, Baykov, Gao 2024, pp. 134–135].

Казанский саммит БРИКС и вопросы будущего миропорядка

В преддверии российского председательства 2024 г. в БРИКС научное сообщество нашей страны выявило ряд проблем, препятствующих позитивному развитию группы в современных реалиях. С сожалением отмечалось, что группе критически не хватает общего документа стратегического и концептуального характера, который подчеркивал бы те ключевые приоритеты и цели, к которым БРИКС стремится как альтернативный международный институт – построение справедливого мирового порядка и укрепление позиций стран «мирового большинства» в процессах глобального управления представляют собой скорее действия по формированию благоприятной «внешней среды», а в текущих условиях необходимо совершенствование внутренних механизмов и базы для дальнейшего сотрудничества [Бабаев, Лавров 2023, с. 77].

Тем не менее 2024 год стал определяющим как для деятельности БРИКС и взаимодействия его участников с их внутрирегиональными партнерами, так и для состояния международной системы в целом [Малышев 2024, с. 28]. Несмотря на то что план крупного расширения БРИКС, разработанный на Йоханнесбургском саммите 2023 г. и подразумевавший вступление в его состав Аргентины, Египта, Ирана, ОАЭ, Саудовской Аравии и Эфиопии [Пивовар 2024, с. 33], не удалось реализовать в полной мере (Буэнос-Айрес отказался от присоединения, а Эр-Рияд не подтвердил свое полноправное членство в БРИКС), период российского председательства действительно можно считать успешным.

Около 250 мероприятий разного уровня и в различных сферах прошло по всей территории страны, а ключевым событием стал XVI саммит глав государств и правительств стран БРИКС в Казани. По его результатам был составлен список из 13 государств, ведущих работу в форматах БРИКС+ и «аутрич» (расширенных

форматах взаимодействия с привлечением всех заинтересованных государств и особенно стран-соседей председательствующей стороны), которые образовали группу т.н. «государств-партнеров». Данный термин подразумевает ближайшую к полноправному членству стадию межрегиональной интеграции по линии БРИКС, и такой статус сопряжен с рядом преимуществ, которыми эти государства могут воспользоваться:

- участие в мероприятиях, проводимых объединением; обмен практиками и сотрудничество с другими странами-партнерами и полноправными членами БРИКС;
- доступ к технологиям и ресурсам, непосредственное участие в коллективных проектах;
- ускорение торговли, повышение инвестиционной привлекательности своей страны и вложений в экономику партнеров;
- работа над документами БРИКС в качестве их авторов¹.

Первую группу стран-партнеров БРИКС образовал ряд представителей всех незападных регионов мира: Беларусь, Казахстан, Узбекистан, Алжир, Нигерия, Уганда, Боливия, Куба, Малайзия, Таиланд, Вьетнам и Индонезия (последняя в 2025 г. была повышена до полноценного участника). Отдельно стоит выделить оставшееся государство – Турцию: будучи одним из сильнейших государств-членов НАТО, она продолжает следовать своей политике укрепления своего трансконтинентального статуса и стремления поддерживать связи как с западными, так и с незападными партнерами. Продвижение таких форматов наряду с усовершенствованием механизмов взаимодействия по линии БРИКС+ и «аутрич» должно существенно укрепить позиции группы не только в ее традиционном экономическом поле, но и в выработке решений современных проблем глобального масштаба, в том числе дисбаланса развития западного лагеря и «мирового большинства» [Лагутина 2022, с. 78].

В тексте Казанской декларации стороны отметили объективный процесс формирования новых центров силы, складывающихся в регионах глобального Востока и Юга, призвали обеспечить большую вовлеченность государств с формирующимся рынком в мировые геополитические процессы, а также высказали поддержку идее учреждения Глобального альянса по борьбе с голодом и бедностью (на данный момент в него входят более 90 стран, в том числе

¹ Что значит партнер БРИКС: сколько стран объединяет организация и какова их цель // InfoBRICS. 24.02.2025. URL: <https://infobrics.org/post/43514/news/brics-summits/news/education/news/political-cooperation/> (дата обращения: 02.03.2025).

и из западного лагеря) и приветствовали полноправное вступление Африканского союза в «Группу двадцати»².

Нельзя говорить о влиянии перехода БРИКС к качественно новому этапу своего развития на формирование мирового порядка, не упомянув о двух совершенно противоположных реакциях на результаты XVI саммита группы со стороны Вашингтона и Москвы. В первом случае можно сказать, что при президентстве Дж. Байдена США предпочли не замечать этот объективный процесс: на брифинге 21 октября 2024 г. официальный представитель Белого дома Карин Жан-Пьер, отвечая на вопрос «Насколько администрация обеспокоена тем, что этот блок может подрывать экономическую и торговую мощь <Америки>?», указала на сосредоточенность США на работе «с партнерами по всему миру и построении как можно более тесных коалиций для достижения общих задач»³. Под «партнерами» подразумевались и страны, входящие в БРИКС – Бразилия, Индия и ЮАР. Иными словами, Вашингтон, ссылаясь на позицию своих союзников, не воспринимал объединение БРИКС как противовес своим геополитическим амбициям.

С возвращением же к власти Д. Трампа США вновь обратили внимание на взаимодействие с БРИКС, особенно в контексте разработки институтом собственной платежной системы BRICS Pay. Хотя вновь избранный президент угрожал жесточайшими пошлинами в отношении стран-участников, если те откажутся от использования доллара во внешнеторговых операциях⁴, стоит признать, что действия Трампа не нацелены против самих институтов, а направлены лишь на сохранение доли американской валюты в международных расчетах; это служит интересам Вашингтона. Как отметил спецпредставитель президента России по связям с меж-

² XVI Саммит БРИКС. Казанская декларация. Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности. Казань, Российская Федерация, 23 октября 2024 года // Председательство Российской Федерации в объединении БРИКС в 2024 году. URL: https://cdn.brics-russia2024.ru/upload/docs/Казанская_декларация.pdf (дата обращения: 03.03.2025).

³ Press briefing by press secretary Karine Jean-Pierre, October 21, 2024 // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/press-briefings/2024/10/21/press-briefing-by-press-secretary-karine-jean-pierre-october-21-2024/> (дата обращения: 04.03.2025).

⁴ Donald Trump threatens 'un-American' BRICS countries with 10 percent tariff // Al Jazeera. 7 Jul 2025. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2025/7/7/donald-trump-threatens-un-american-brics-countries-with-10-percent-tariff> (дата обращения: 24.10.2025).

дународными организациями для достижения целей устойчивого развития Б.Ю. Титов, американский лидер «предпочитает выстраивать отношения с конкретными странами»⁵, при этом критически отзываясь даже о таких институтах, как НАТО и Евросоюз.

Несмотря на такую риторику, в американском научном сообществе отмечают, что у финансовой системы БРИКС есть возможность стать по-настоящему прямым конкурентом доллара: если она сумеет стабилизироваться, то благодаря ей влияние санкций со стороны Вашингтона и его союзников должно существенно ослабнуть, что значительно понизит ценность американской валюты. С учетом прогнозов ежегодных темпов роста совокупного ВВП стран БРИКС до 2030 г. (около 3,9%), неэффективности западных санкций и попыток стран коллективного Запада заменить наличность на так называемую цифровую валюту центрального банка, доля доллара в мировой торговле рискует упасть ниже 50%, что даст шанс другим валютам выйти на передовую мировых экономических операций [Miller, Nyamsuren 2024, p. 6342].

Затронем противоположный взгляд на саммит БРИКС в Казани. Как отметил президент России В.В. Путин на итоговой пресс-конференции, отличительной чертой встречи стала представительность участников в нынешних непростых условиях: в столицу Татарстана прибыли делегации 35 государств и 6 международных организаций, что демонстрирует то «цивилизационное многообразие и уникальное сочетание национальных традиций», в котором и заложена основа для сотрудничества не только по линии БРИКС, но и среди всех стран, стремящихся проводить независимую политику и разделяющих принципы группы⁶. Сама Казанская декларация – это документ с позитивной и конструктивной повесткой, закрепляющий приверженность построению многополярного, более демократического и инклюзивного миропорядка, а институт БРИКС за 15 лет своей деятельности стал настоящей международной организацией; в настоящее время, по словам Путина, нужно структурировать его работу, но в то же время избежать ее чрезмерной бюрократизации⁷, чтобы не возникло угроз самодостаточности каждого государства-участника БРИКС.

⁵ Трамп волнует судьба расчетов в долларах, заявил Титов // РИА Новости. 04.03.2025. URL: <https://ria.ru/20250304/tramp-2002875833.html> (дата обращения: 04.03.2025).

⁶ Пресс-конференция по итогам XVI саммита БРИКС // Президент России. 24.10.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75385> (дата обращения: 04.03.2025).

⁷ Там же.

Активизация деятельности группы в нынешнем десятилетии не осталась без внимания в научных кругах: встал вопрос о возможности считать БРИКС своеобразным «голосом» глобального Востока и Юга в противовес коллективному Западу. Несмотря на глубокие культурные, экономические и социальные различия, в 2020-х гг. страны БРИКС сначала столкнулись с беспрецедентным вызовом пандемии COVID-19, затронувшей все континенты, а после начала спецоперации ВС РФ на Украине оказались под тяжелым давлением США и их союзников, стремившихся сохранить свою гегемонию и установить «порядок, основанный на правилах», не считаясь с мнением несогласных.

В контексте сформировавшихся геополитических реалий на международной арене сложилось то, что известный британский политолог Р. Саква назвал «политическим Востоком», возникшим из российско-китайского партнерства и общего подхода Москвы и Пекина к центральной роли ООН и Всеобщей декларации прав человека в международных делах. По его мнению, именно приверженность национальным интересам и стремление построить полицентричную систему с опорой на основополагающие принципы Устава ООН позволяет ввести в оборот понятие «политического Востока» благодаря географическому охвату таких институтов, как БРИКС и смежные с ним форматы БРИКС+ и «аутрич» [Sakwa 2024, pp. 49–50].

Однако существует и другая точка зрения насчет возможности построения такого порядка с ООН в центре. С.А. Караганов отмечает, что ООН фактически парализована из-за ее превращения в инструмент агрессивного продвижения интересов коллективного Запада, а вследствие бюрократизации ее реформирование не представляется возможным [Караганов 2024, с. 41]. Хотя нет практической необходимости расшатывать эту структуру, неизбежно встает вопрос о развитии параллельных форматов взаимодействия и их интеграции с такими региональными группировками, как Африканский союз, АСЕАН, МЕРКОСУР и Лига арабских государств. В то же время предлагается создание постоянной конференции с участием представителей всех вышеуказанных организаций в рамках ООН. Подобную модель взаимодействия, по словам эксперта, существенно проще претворить в жизнь, чем выстраивать концепцию с нуля. Другими словами, полицентричный мировой порядок вырабатывается на основе принципов ООН, но его суть должна заключаться не в замене действующей системы, а в обеспечении равноправного участия в ней всех без исключения государств.

Саммит в Рио-де-Жанейро: БРИКС как противовес западной гегемонии

В 2025 г., когда состав группы пополнила Индонезия, голос глобального Юга стал еще громче благодаря XVII саммиту БРИКС в Рио-де-Жанейро, прошедшему под лозунгом «Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого развития». Впервые на встрече глав государств и правительств группы десятка «стран-партнеров», представляющих почти все регионы мира, имела возможность познакомиться поближе с деятельностью БРИКС и принять полноценное участие в дискуссии об острейших проблемах современности.

В итоговой декларации саммита стороны не только выразили идею срочного реформирования ООН и институтов Бреттон-Вудской системы наряду с необходимостью дальнейшей корректировки механизмов расширения деятельности БРИКС и его повестки; они также открыто осудили агрессивную политику коллективного Запада и его сателлитов, проявившуюся в ударах США по территории Ирана и его мирным ядерным объектам, а также в терактах, совершенных киевским режимом на железнодорожной инфраструктуре в Воронежской, Курской и Брянской областях России.

Саммит показал, что даже в условиях глобальной эскалации и беспрецедентного внешнего давления, порой доходящего до прямых угроз (например, обещаниями многократного увеличения пошлин против участников БРИКС и их партнеров со стороны Д. Трампа), объединение остается приверженным своему «духу» конструктивного взаимодействия и поиска коллективных инициатив для противостояния новым глобальным вызовам. В частности глава МИД России С.В. Лавров подчеркнул, что многополярность – это не «выбор», сделанный какой-либо группой государств, а «объективная реальность», локомотивом чьей трансформации и выступает объединение БРИКС⁸. По его словам, для решения таких проблем, как обеспечение универсального доступа к передовым достижениям в сфере искусственного интеллекта и исправление дисбаланса в мировой экономической системе, необходимо в первую очередь опираться на принцип центральной роли ООН в этих процессах

⁸ Тезисы выступления министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на II сессии XVII саммита БРИКС на тему «Укрепление многостороннего миропорядка, финансово-экономические вопросы и искусственный интеллект», Рио-де-Жанейро, 6 июля 2025 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2034305/ (дата обращения: 05.09.2025).

и на такие совместные усилия государств-членов БРИКС, как учреждение Новой инвестиционной платформы при активном содействии Нового банка развития, который в ближайшем будущем должен стать инновационным локомотивом развития, не поддающимся влиянию текущей конъюнктуры.

Позитивную мысль продолжил президент России В.В. Путин, выступивший на саммите БРИКС по видеосвязи. Несмотря на уже достигнутый прогресс по вопросам создания зерновой биржи, платформ по климатическим исследованиям и спортивному сотрудничеству, а также успешный запуск специального механизма консультаций по вопросам ВТО, необходимо по-прежнему акцентировать внимание на развитие передовых технологий, логистики и освоение ресурсов. В этой связи Москва предлагает инициативу создания партнерства БРИКС по углеродным рынкам, арбитражного инвестиционного центра и постоянного налогового секретариата⁹; в гуманитарной сфере президент приветствовал проведение международного конкурса песни «Интервидение», прошедшего в сентябре 2025 г. в российской столице.

Возвращаясь к участию российского лидера в саммите, следует отметить настоящий успех дипломатии в его обеспечении: для минимизации рисков в связи с участием Бразилии в Римском статуте Международного уголовного суда, выдавшего ордер на арест В.В. Путина, стороны достигли договоренности об участии президента России в саммите БРИКС по видеосвязи и одновременной представленности российской стороны на месте в лице министра иностранных дел Сергея Лаврова.

Таким образом, период председательства Бразилии в 2025 г. действительно можно считать логичным продолжением работы, проделанной в прошлом году под руководством России. В условиях крайней политической нестабильности группа продолжает выстраивать новые форматы взаимодействия в различных сферах, искать пути преодоления проблем современности и привлекать партнеров, заинтересованных в построении справедливой модели международного взаимодействия.

Заключение

Анализ решений саммитов БРИКС 2024 и 2025 гг. в контексте их влияния на процесс формирования нового полицентричного

⁹ Пленарное заседание XVII саммита БРИКС. 6 июля 2025 г. // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/77373> (дата обращения: 05.09.2025).

мирового порядка позволяет констатировать, что на текущем этапе своей истории группа не только прошла через масштабную волну расширения, когда Россия приняла эстафету председательства и стала первым лидером нового состава, но и вступила в качественно новый этап своего развития. Благодаря ведению дискуссий с позиции учета национальных интересов, конструктивного диалога и координации действий, участники БРИКС смогли не только сохранить жизнеспособность своих экономических систем, но и привлечь новых партнеров к участию в проектах института.

Сообщество БРИКС столкнулось с новым вызовом, связанным с возросшим давлением коллективного Запада на его участников в попытке переманить их на свою сторону и наказать Россию якобы за «неспровоцированное вторжение на территорию Украины». США и их союзники, цепляющиеся за свою либеральную гегемонию, многократно ужесточили экономические санкции против Москвы и наших партнеров, даже попытавшись нарушить нормальное функционирование БРИКС. Тем не менее в таких непростых условиях участники группы сумели обеспечить участие лидеров всех стран-членов группы на прошлогоднем саммите в Рио-де-Жанейро.

Таким образом, события 2024 г. под председательством России показали, что объединение БРИКС не только сумело быстро адаптироваться к новым геополитическим реалиям, но и сильнее консолидироваться перед лицом агрессивной политики коллективного Запада. Россия разрушила миф о своей международной изоляции, саммит в Казани стал первой встречей расширенного состава группы, а его главным итогом можно считать учреждение категории «государств-партнеров», одно из которых в этом году первой прошла процедуру повышения до уровня полноправного участника группы. В свою очередь, саммит 2025 г. продемонстрировал решимость участников БРИКС искать новые векторы взаимодействия и противодействовать курсу недружественных государств в условиях, когда они сами находятся под их тяжелым ударом.

Всех членов группы и их партнеров связывает общее видение той модели мироустройства, к которой должно стремиться мировое сообщество – основанной на демократичности международных процессов и неукоснительном соблюдении норм международного права. Хотя на данный момент нельзя говорить об окончательном оформлении такого мирового порядка, поскольку не наблюдается согласия среди его субъектов относительно структуры международного взаимодействия, пример деятельности БРИКС в нынешнем десятилетии показывает, что инициатива в этом процессе принадлежит именно ведущим государствам глобального Востока и Юга.

Несмотря на сохраняющиеся проблемы, такие как недостаток концептуальной оформленности группы, неизбежные расхождения в национальных интересах и давление государств коллективного Запада, они активно проявляют себя в работе международных институтов и создают собственные форматы, вовлекают в них своих партнеров и демонстрируют политическую волю к формированию геополитической модели. Вопрос о реакции представителей западного лагеря и выстраивании отношений стран группы БРИКС с ними в рамках активно формирующейся модели полицентричного мирового порядка по-прежнему остается открытым.

Литература

- Бабаев, Лавров 2023 – *Бабаев К.В., Лавров С.В.* И вширь, и вглубь // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 5. С. 69–81.
- Баталов 2003 – *Баталов Э.Я.* «Новый мировой порядок»: к методологии анализа // Полис: Политические исследования. 2003. № 5. С. 25–37.
- Богатуров 2003 – *Богатуров А.Д.* Международный порядок в наступившем веке // Международные процессы. 2003. Т. 1. № 1 (1). С. 6–23.
- Караганов 2024 – *Караганов С.А.* Век войн? Статья вторая. Что делать // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 2 (126). С. 37–52.
- Лагутина 2022 – *Лагутина М.Л.* Региональное измерение сотрудничества стран БРИКС // Международная аналитика. 2022. Т. 13. № 1. С. 66–82.
- Мальпшев 2024 – *Мальпшев Д.В.* ШОС и БРИКС в условиях становления многополярного мирового порядка // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 2. С. 9–31.
- Пивовар 2024 – *Пивовар Е.И.* Межгосударственное объединение БРИКС: Страницы истории и современность. Ч. 2 // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2024. № 2. С. 10–37.
- Шаклеина 2022a – *Шаклеина Т.А.* Россия и США в современных международных отношениях. М.: Аспект Пресс, 2022. 448 с.
- Шаклеина 2022b – *Шаклеина Т.А.* Переломный момент в мировом развитии. Сохранит ли Запад преобладающее влияние на формирование мирового порядка XXI века? // Международные процессы. 2022. Т. 20. № 4. С. 6–22.
- Crowley-Vigneau, Baykov, Gao 2024 – *Crowley-Vigneau A., Baykov A.A., Gao A.* Diplomats on BRICS: Drawbacks and benefits of cooperation without integration // Terra Economicus. 2024. Vol. 22. No. 2. P. 124–137.
- Keohane 2020 – *Keohane R.O.* Understanding multilateral institutions in easy and hard times // Annual review of political science. 2020. Vol. 23. P. 1–18.
- Miller, Nyamsuren 2024 – *Miller A.D., Nyamsuren K.* BRICS ascendancy: Challenging Western hegemony in a globalized world // International Journal of Scientific Research and Management. 2024. Vol. 12. No. 5. P. 6331–6344.

- Sakwa 2024 – *Sakwa R.* The international system and the clash of world orders // China International Strategy Review. 2024. Vol. 6. P. 39–57.
- Waltz 1979 – *Waltz K.* Theory of international politics. Long Grove, IL: Waveland Press, 1979. 251 p.

References

- Babaev, K.V. and Lavrov, S.V. (2023), “In scope and depth”, *Rossiia v global’noi politike*, vol. 21, no. 5, pp. 69–81.
- Batalov, E.Ya. (2003), “New world order’: to the methodology of analysis”, *Polis. Political Studies*, no. 5, pp. 25–37.
- Bogaturov, A.D. (2003), “International order at the turn of the 21st century”, *International Trends*, vol. 1, no. 1, pp. 6–23.
- Crowley-Vigneau, A., Baykov, A.A. and Gao, A. (2024), “Diplomats on BRICS: drawbacks and benefits of cooperation without integration”, *Terra Economicus*, vol. 22, no. 2, pp. 124–137.
- Karaganov, S.A. (2024), “An age of wars? Article two. What is to be done”, *Rossiia v global’noi politike*, vol. 22, no. 2 (126), pp. 37–52.
- Keohane, R.O. (2020), “Understanding multilateral institutions in easy and hard times”, *Annual Review of Political Science*, vol. 23, pp. 1–18.
- Lagutina, M.L. (2022), “Regional dimensions of BRICS cooperation”, *Rossiia v global’noi politike*, vol. 13, no. 1, pp. 66–82.
- Malyshev, D.V. (2024), “SCO and BRICS in an emerging multipolar world order”, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, vol. 16, no. 2, pp. 9–31.
- Miller, A.D. and Nyamsuren, K. (2024), “BRICS ascendancy: challenging Western hegemony in a globalized world”, *International Journal of Scientific Research and Management*, vol. 12, no. 5, pp. 6331–6344.
- Pivovarov, E.I. (2024), “The BRICS interstate association. Pages of history and present time. Part 2”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 2, pp. 10–37.
- Sakwa, R. (2024), “The international system and the clash of world orders”, *China International Strategy Review*, vol. 6, pp. 39–57.
- Shakleina, T.A. (2022), *Rossiia i SShA v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh* [Russia and the United States in contemporary international relations], Aspekt Press, Moscow, Russia.
- Shakleina, T.A. (2022), “Turning point in global development. Will the West keep its predominant influence on world order in the 21st century?”, *International Trends*, vol. 20, no. 4, pp. 6–22.
- Waltz, K. (1979), *Theory of international politics*, Waveland Press, Long Grove, IL, USA.

Информация об авторе

Стефан А. Сайфутдинов, аспирант, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (МГИМО), Москва, Россия; 119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 76; saifutdinov1354@gmail.com

Information about the author

Stefan A. Sayfutdinov, postgraduate student, MGIMO-University, Moscow, Russia; 76, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119454; saifutdinov1354@gmail.com

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 325(450)

DOI: 10.28995/2073-6339-2026-4-141-161

Медиакоммуникации и массовая культура как инструменты формирования фашистского режима в Италии

Елена Н. Якутина

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Россия, yakutinaelena@gmail.com*

Аннотация. В статье исследуются механизмы формирования фашизма в Италии через призму развития медиакоммуникаций, массовой культуры и пропагандистской машины режима. Основное внимание уделяется анализу взаимодействия власти и медиасферы, а также роли новых технологий коммуникации в формировании общественного сознания. Исследование охватывает ключевые аспекты становления фашистской диктатуры: от установления контроля над традиционными СМИ до создания сложной системы пропаганды, включающей радио, кино и массовую культуру. Особое внимание уделяется изучению методов и инструментов идеологического воздействия на различные социальные группы, а также анализу эффективности пропагандистской машины в формировании единого информационного пространства. Фашистская Италия представляет собой уникальный пример использования современных на тот момент технологий коммуникации для формирования общественного сознания. В статье рассматриваются следующие ключевые моменты: эволюция системы медиакоммуникаций в Италии 1920-х гг.; механизм контроля над средствами массовой информации; роль новых технологий в распространении пропаганды; влияние массовой культуры на формирование общественного сознания; особенности функционирования пропагандистской машины фашистского режима. Результаты исследования свидетельствуют о том, что устойчивость фашистского режима в Италии была обеспечена его комплексной медиаполитикой и изощренными методами пропаганды. Режим осуществлял всеобъемлющий контроль над информационным полем и культурной сферой, параллельно задействуя массовые институты для мобилизации населения.

© Якутина Е.Н., 2026

Ключевые слова: фашизм, медиакommunikации, пропаганда, массовая культура, тоталитарный режим, Муссолини, радио, кино, реклама

Для цитирования: Якутина Е.Н. Медиакommunikации и массовая культура как инструменты формирования фашистского режима в Италии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 4. С. 141–161. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-4-141-161

Media communications and mass culture as tools for forming a fascist regime in Italy

Elena N. Yakutina

*Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russia, yakutinaelena@gmail.com*

Abstract. The article explores the ways of forming fascism in Italy through the prism of the development of media communications, mass culture and the propaganda machine of the regime. The main focus is on the analysis of the interaction of power and the media sphere, as well as on the role of the new communication technologies in the formation of public consciousness. The study covers the key aspects of the formation of the fascist dictatorship: from establishing control over traditional media to creating a complex propaganda system that includes radio, cinema and popular culture. Particular attention is paid to the study of the methods and tools of ideological influence on various social groups, as well as to the analysis of the effectiveness of the propaganda machine in the formation of a unified information space. Fascist Italy is a unique example of the use of modern communication technologies at that time to form public consciousness. The article examines the following key points: the evolution of the media communication system in the Italy of the 1920s; the media control mechanism; the role of the new technologies in disseminating propaganda; the influence of mass culture on the formation of public consciousness; the features of the functioning of the fascist regime's propaganda machine. The results of the study indicate that the stability of the fascist regime in Italy was ensured by its comprehensive media policy and sophisticated propaganda methods. The regime exercised comprehensive control over the information field and the cultural sphere, while simultaneously using mass institutions to mobilize the population.

Keywords: fascism, media communications, propaganda, mass culture, totalitarian regime, Mussolini, radio, cinema, advertising

For citation: Yakutina, E.N. (2026), "Media communications and mass culture as tools for forming a fascist regime in Italy", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 141–161, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-4-141-161

Введение

Фашизм, порожденный историческим контекстом, отмеченным мощными националистическими тенденциями и радикальным отторжением парламентской демократии, утвердил свою власть, эксплуатируя укоренившуюся в обществе авторитарную культуру. Этот феномен не был случайным отклонением от нормы, а скорее закономерным следствием социально-политических условий, характерных для межвоенной Европы. Фашизм укоренился в готовности населения к подчинению авторитарным формам правления и его восприимчивости к националистической идеологии¹, использовал инструменты рекламы и пропаганды, превращал политических оппонентов во внутренних врагов. Любые препятствия безжалостно устранялись, а в основе идеологии лежала навязчивая идея единодушия. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления механизмов формирования тоталитарных режимов через призму развития медиакоммуникаций и массовой культуры. Фашистская Италия представляет собой уникальный пример использования современных на тот момент технологий коммуникации для формирования общественного сознания.

Цель данного исследования – рассмотрение роли средств массовой коммуникации, культурных практик и механизмов идеологического воздействия в процессах консолидации фашистской власти в Италии. Новизна исследования заключается в анализе взаимодействия власти и медиасферы, выявлении специфических черт итальянской модели тоталитарной пропаганды и определении роли новых технологий коммуникации в формировании единого идеологического пространства. Практическая значимость состоит в возможности использования полученных результатов для дальнейшего изучения механизмов формирования тоталитарных режимов и методов идеологического воздействия на общество в условиях развития современных медиакоммуникаций. Результаты исследования могут быть полезны историкам, политологам, культурологам и специалистам в области медиакоммуникаций при изучении процессов формирования общественного сознания в условиях тоталитарных режимов.

Существующие исследования пропаганды фашистского режима не касаются сущности политики итальянского фашизма в области культуры – авторы рассматривают отдельные аспекты².

¹ *Albanese G.* La marcia su Roma. Roma; Bari: Editori Laterza, 2022. P. 83.

² См.: [Володарский 1996; Голомшток 1994; Нестерова 2006]; см. также: *Albanese G.* Op. cit.

Теоретическую базу исследования пропагандистских методов представляют труды Э. Джентиле, П. Тольятти. В работах Э. Джентиле [Gentile 1994; Gentile 2005] исследуются истоки фашизма, которые коренятся в кризисных явлениях и трансформации общества и государства конца XIX в., период индустриализации и модернизации описан как активная социальная мобилизация пролетариата и средних классов, что, в свою очередь, привело к мощной политизации масс в преддверии Первой мировой войны. П. Тольятти³ освещает процесс прихода фашистов к власти, последующую стабилизацию режима, его социально-экономические основания и внешнеполитический курс. Тольятти реконструирует итальянскую действительность периода, предшествующего фашизму, и непосредственного послевоенного времени (окончание Первой мировой войны), автор анализирует генезис фашистского движения и его сложную систему взаимоотношений с государственными институтами, правящими элитами и ключевыми органами власти, такими как исполнительная ветвь, полиция и армия.

Согласно трактовке М. Маклюэна [Маклюэн 2020] термин «медиа» в обширном понимании охватывает весь спектр инструментов и маршрутов, обеспечивающих передачу информации. Иными словами, к медиа – или средствам коммуникации – следует причислять любые потенциальные носители сообщений вне зависимости от их формы. Это не ограничивается исключительно текстовой информацией: в данную категорию входят как традиционные каналы (средства массовой информации, литературные издания, рукописные послания), так и современные цифровые форматы (короткие текстовые сообщения), а также невербальные способы передачи смыслов (язык тела, элементы гардероба) и даже такие неочевидные носители, как транспортные средства. Согласно Дж. Уэбстеру [Уэбстер 2004] медийная аудитория выступает объектом воздействия, эффективность которого исследуется. Этот метод важен для анализа пропагандистских приемов в информационной и маркетинговой коммуникации.

Методологической основой исследования является принцип историзма, который предполагает рассмотрение явлений в развитии, взаимосвязи и взаимозависимости с конкретной исторической ситуацией. В ряду специально-исторических методов использованы сравнительно-классификационный и сравнительно-синтетический методы, с помощью которых была описана изучаемая сфера.

³ *Togliatti P. Sul fascismo / a cura di G. Vacca. Roma-Bari: Editori Laterza, 2004. 200 p.*

Обсуждение и результаты

В 1925 г. Муссолини решил установить диктатуру, издав так называемые «очень фашистские законы» (*leggi fascistissime*), среди которых один устанавливал, что все ассоциации граждан должны были находиться под контролем полиции, другой касался средств массовой информации – вся пресса должна была находиться под контролем, а любые материалы, направленные против фашизма, должны были подвергаться цензуре. Одной из наиболее характерных черт фашизма было получение согласия и одобрения народа с помощью интенсивной и настойчивой пропаганды (на работе, в школе, на телевидении, по радио, в театрах и т. д.), которая была направлена на возвеличивание режима и фигуры Муссолини, напоминание о древней славе Римской империи и создание одного из первых примеров тоталитарного режима.

С. Дуранти сообщает, что «обнаруженные архивные документы, а также исследования последних лет не дают возможности кратко изложить сущность политики фашизма в области культуры и показать унифицированную пропаганду, исходившую от фашистского режима. Отсюда следует, что необходимо говорить о различных, или “дополнительных” фашизмах, которые по-разному проявлялись в центре и на периферии» [Дуранти 2014, с. 142].

Для исследования этих сфер обратимся к появлению в Италии типичных форм массовой коммуникации и проследим их развитие.

Формирование метода пропаганды в Первой мировой войне

Война воспринималась как неизбежная реальность. «Безумию немногих противостоит общественное мнение, еще слишком незрелое, разобщенное и, в любом случае, очень чувствительное к возрожденческой риторике. <...> в 1914 г. мы столкнулись с населением, которое твердо верит в социальную иерархию» [Cento anni di pubblicità 1974, р. 141]. Таким образом, военная пропаганда во время Великой войны имеет целью население, восприимчивое к традиционным ценностям героизма, родины и самопожертвования. Она имеет три основных направления: к гражданину с оружием в руках, к гражданскому населению, поддерживающему военные действия, и к врагу.

О первом направлении сказано очень мало в историографии. Тем не менее это необычайно распространенное и решающее явление в военных событиях. В период, когда радио еще не было,

основным средством передачи информации была устная речь, затем – печатная бумага. Итальянская армия до Капоретто не преуспела в использовании ни одного из этих средств. Но столкнувшись с серьезным кризисом последних месяцев 1917 г., она реагирует на него, расширяя свои средства воздействия. Наряду с «патриотическими конференциями», традиционным и неэффективным средством передачи «хорошего морального духа» солдату были использованы другие, гораздо более действенные средства: косвенные убеждающие действия, осуществляемые назначенными офицерами, которые, используя «подсказки для разговора», написанные центральными органами армейской пропаганды, неформально предлагают войскам новости и темы для обсуждения [Ibid, p. 142]. Создателями этой новой техники (в которой задействованы настоящие лидеры общественного мнения) являются, среди прочих, Джузеппе Ломбардо Радиче и Арденго Соффичи. Что касается прессы, то опять-таки после Капоретто командование осознало полезность «окопных газет», которые писались и распространялись среди солдат. Масштабный пример был подан французами с их «Бюллетенем армии». В Италии в 1918 г. стал известен пропагандистский журнал «Традотта» (La Tradotta), издаваемый Р. Симони, направленной на тыл и гражданское население.

Риторика победы была доверена почтовой открытке и плакату. Хотя главным средством пропаганды «тыла» было другое: цензура. Замалчивание негативных новостей, превознесение побед через прессу. Что касается плакатов, то внутренние пропагандистские организации были активны, но не так мощно. М. Ричардс выделил несколько основополагающих этапов в эволюции военного плаката, соответствующих логическому развитию войны. Сначала призыв к людям пожертвовать деньги. Подавляющее число действий по организации займов сочеталось с проверками явки людей на службу. Во-вторых, узнав, что война будет на истощение, умножились требования о помощи сражающимся, об экономии самых необходимых ресурсов, о бережливости и трезвости в тылу. Третий этап – просьбы о помощи пострадавшим, пленным, беженцам и сиротам. Аргумент, используемый для повышения осведомленности, помимо депрессивного содержания, характерного для послания.

Одним из наиболее ярких элементов риторики второго и третьего периодов военного манифеста является призыв к обществу, которое еще не стало обществом потребления, экономить наиболее распространенные ресурсы жизнеобеспечения и направлять продовольствие в наименее расточительные и стратегические отрасли.

Возникает сомнение, что эти призывы адресованы в основном городскому среднему классу, а не народным слоям, для которых трезвость была уже приобретенной добродетелью или, скорее, суровой необходимостью.

Уровень содержания, характеризующий военные плакаты, в целом, очень низок. Большинство произведений склоняются к самому решительному реализму.

Эволюция средств массовой информации

Первые устройства для передачи звука через эфир без помощи проводов были испытаны в конце XIX в. В течение первых двадцати лет века радиотехника постоянно развивалась и получила сильный импульс от Первой мировой войны. Большой скачок произошел после окончания войны, когда радио превратилось из средства связи между отдельными людьми в инструмент трансляции программ, предназначенных для публики, оснащенной приемными устройствами, и, следовательно, в средство информации и развлечения. Первые регулярные программы вещания появились в Соединенных Штатах в 1920 г. и были организованы частными компаниями, которые финансировали себя за счет доходов от рекламы. В последующие годы в основных европейских странах вещание развивалось, в основном организациями, которые действовали под государственным контролем по модели английской BBC (Британской радиовещательной корпорации) и взимали с пользователей абонентскую плату. В обоих случаях развитие радио было очень быстрым. Продажи радиоприемников пережили впечатляющий бум: к концу 1920-х гг. их было около 3 млн в Великобритании, столько же в Германии и почти 10 млн в США. Эти цифры увеличились в течение следующего десятилетия: в 1939 г. во всем мире насчитывалось около 100 млн радиоприемников, половина из них – в Северной Америке.

Благодаря относительно низкой закупочной цене и практически нулевым эксплуатационным расходам радио вскоре стало основным средством развлечения даже для рабочего класса: действительно, его важность была тем выше, чем ниже был доход и, следовательно, чем меньше была возможность доступа к другим формам использования свободного времени. Даже как средство информации радио не имело себе равных: новостные передачи можно было слушать в любое время, они не требовали особого внимания и дополнительных затрат и были гораздо более своевременными, чем газеты. Фактически начиная с 1930-х гг. развитие информацион-

ной прессы заметно замедлилось. Ежедневные газеты по-прежнему покупались и читались в основном наиболее квалифицированной публикой, но они потеряли большую часть своей способности распространяться среди народных классов. Чтобы вернуть утраченные позиции, сектор печатной бумаги стал больше ориентироваться на изображение: отсюда развитие иллюстрированных журналов (лидером жанра был американский «Лайф»), где фотографическое искусство решительно преобладало над текстами.

Родоначалник ряда изобретений, призванных сформировать современную цивилизацию, радио ознаменовало решающий этап на пути массового общества и открыло – как телеграф и телефон в свое время – новую эру в области телекоммуникаций. Это осознали некоторые крупные промышленные группы, в частности американские и немецкие электротехнические гиганты, которые решительно сосредоточились на развитии радио. Это осознали политики, от Рузвельта до Гитлера и Муссолини, которые доверяли свои самые важные речи радио и использовали его для обеспечения широкого распространения своих сообщений.

В годы триумфа радио утвердилась и другая типичная форма массовой коммуникации: кино, которое пришло на смену театру. Показ фильма, который можно было повторять бесконечное количество раз, стоил несравненно меньших затрат, чем театральное представление, его можно было проводить в любом помещении, достаточно большом, чтобы вместить экран, и, следовательно, он был доступен очень большой аудитории. Популярное развлечение, являющееся примером слияния художественного творчества и промышленного продукта, кино было не просто средством развлечения. Это было также средство навязывания образов и персонажей: с кинобумом родился феномен массовой «звездности», то есть тех особых отношений притяжения, часто граничащих с идолопоклонством, которые привязывают широкую публику к наиболее популярным актерам, их образам, распространяемым через экран. Посредством кино можно было также распространять идеологические послания и взгляды на мир: например, роль американского кино в распространении типичных ценностей американского общества по всему миру. Более прямой формой пропаганды являлась кинохроника текущих событий, показываемая в кинотеатрах, которая транслировалась в начале сеансов и выполняла дополняющую функцию радионовостей.

Развитие массовых коммуникаций не только радикально изменило способы представления и использования свободного времени, но имело революционные последствия во всех сферах человеческой деятельности. Радио и кино представляли собой

грозный мультипликатор, способный превратить в массовое зрелище любое проявление общественной жизни: как художественное творчество, так и спортивные соревнования (именно в этот период спорт окончательно утратил характер любительской деятельности как самоцели и превратился в зрелище, предназначенное главным образом для публики, культуры и политики). Прежде всего авторитарные режимы в полной мере воспользовались возможностями, присущими новым средствам коммуникации, и подчеркнули «зрелищную» сторону массовых демонстраций. «Революционное послание, как и многие другие послания политического, идеологического, морального, эстетического, образовательного и дидактического характера, которые впоследствии распространялись через кино, достигали своей цели благодаря суггестивной природе образов и их внеязыковому характеру, который был понятен на всех уровнях (по крайней мере, в теории). Безусловно, пропагандистское кино, зачатки которого можно проследить до Первой мировой войны с военными фильмами с явными пропагандистскими намерениями, – это направление, получившее значительное развитие, особенно в 1930–1940-е гг. Достаточно упомянуть, помимо советских фильмов, фашистские фильмы – их на самом деле не так много – а затем американские и нацистские фильмы Второй мировой войны. Это произведения, которые, независимо от их художественной ценности, позволили широко распространить ряд точных информационных, кондиционных сообщений» [Cento anni di pubblicità 1974, p. 95]. Авторы книги, посвященной 100-летию итальянской рекламы, подчеркивают, что в фильмах возникла «косвенная реклама, если угодно, и прежде всего общая и недифференцированная, как пропаганда, но имеющая огромное социальное значение, чье воздействие на обычаи, безусловно, не уступало воздействию других средств социальной коммуникации, гораздо более явно рекламно выраженных» [Cento anni di pubblicità 1974, p. 178]. Авторы рассматривают феномен кино как один из наиболее показательных и важных элементов социальных трансформаций, происходящих под знаменем новых, в широком смысле слова, рекламных медиа.

Появились новые художники, а вместе с ними новые пропагандистские техники и новые идеи передачи информации как пропагандистской, так и коммерческой (рекламной). Совсем молодые Франко Моска и Джаки Мондаини ввели фотографию в туристические плакаты, и она получила массовое распространение после Второй мировой войны. Очень новаторской была обложка первого номера журнала «Кампо графика» (1933), представлявшая собой фотомонтаж, первый, сделанный в Италии, и один из

самых первых в мире. Эта идея была взята на лету из предложения, выдвинутого в том же году Грошем и Хартфилдом. Более того, в номере декабря 1934 г. Антонио Боггери опубликовал письмо, в котором он пророчит, что фотография станет главным героем современной графики⁴.

В 1919 г. родилась организация, имевшая большое значение для продвижения всей производственной деятельности страны: Миланская ярмарка, открывшая свои павильоны среди лагун района «Порта Венеция», позже превратившаяся в комплекс престижа и недовжимости, один из самых заметных в мире. Миланская ярмарка рекламировала промышленников, а также часто сама использовала плакаты, проводила несколько небольших рекламных выставок в год, дополненных конференциями операторов, которые затем превратились в отраслевые выставки. Рекламу выставок делали известные художники, тексты к плакатам сочиняли писатели и деятели научного мира, и поэтому в рекламе того периода мы видим, например, Карузо (для автомобилей); Д'Аннунцио (кузова автомобилей и парфюмерия); Трилусса для шоколада; профессоров Арнальди и Аугусто Мурри и другие.

Методы и инструменты пропаганды в 1920-е и 1930-е гг.

Важное значение в политике фашизма имело достижение народного консенсуса с помощью вышеупомянутых новых технологий, таких как кино и радио (которые эксплуатировались для рассказов об успехах режима), а также градостроительства, прессы, создание своего рода государственной религии с ее праздниками, культом «нового человека» и чествованием павших в войнах. Создание массовой культуры отличалось от других стран тем, что фашистский режим делал упор на массовую организацию, который можно интерпретировать как ответ на два условия:

- 1) фашизм должен был примириться с тем, что он не может обратиться к рабочим как таковым;
- 2) экономический рост Италии практически не давал оснований для быстрого расширения массового внутреннего рынка. Это препятствовало разработке призывов, которые использовали бы идентичность, сформированную вне рабочего места.

⁴ Boggeri A. Fotografia e il nuovo ruolo di pubblicità // Campo Grafico. 1933. No. 12. P. 6.

Фашисты пытались создать консенсус через институциональную организацию населения, например, организация для смягчения острых классовых конфликтов и идеологических разногласий. Решение фашистов организовать народные массы вне сферы своих первоначальных сторонников созревало медленно. В конечном счете Муссолини был вынужден принять его из-за необходимости иметь дело с по-прежнему сильной народной оппозицией.

Организация пропаганды, начавшаяся еще в 1923 г., была поставлена под контроль Секретариата прессы и пропаганды (1934 г.), который позже стал Министерством (1935 г.), а затем был назван Министерством народной культуры, известным как «Минкультпоп» (1937 г.). Фашизм создал своего рода национальную религию, особенно на заре движения, среди ветеранов, сакрализовавших опыт войны, среди интеллектуалов, ищущих веру, среди молодых людей без мифов, жаждущих самоотдачи и действия, среди патриотически настроенной буржуазии, которая видела себя естественным хранителем ценностей традиции Рисорджименто. Через политический опыт своих боевиков, выходцев из самых разных движений, основные мифы итальянской политической культуры, возникшие с начала Рисорджименто и до Первой мировой войны, легли в основу фашистской мифологии; таким образом, фашизм предстал наследником и продолжателем национального радикализма. С самых ранних своих проявлений фашизм подкреплял сакрализацию идеи нации широким использованием ритуалов и символов, не заботясь об их оригинальности, но заботясь об их эффективности для действия, для представления своих мифов и укрепления чувства идентичности движения.

Между 1921 и 1922 гг. уже распространились такие фундаментальные ритуалы (отличавшие особый стиль жизни партии – *militia*), как римское приветствие, приведение к присяге отрядов и массовые церемонии. Религиозный смысл фашизма развивался прежде всего в организации отрядов, которые для фашистов были не просто вооруженной организацией, а группой, связанной общей верой. Членство в организации отрядов санкционировалось присягой, которая представляла собой акт полной самоотдачи и посвящение верности общественным узам. Фашисты не хотели заменять свою религию католической, и Латеранские пакты (подписанные 11 февраля 1929 г.) являются тому подтверждением. Политические намерения Муссолини, который в прошлом был ярким антиклерикалом, заключались в том, чтобы сильно расширить базу консенсуса с фашизмом, учитывая, что подавляющее большинство итальянцев были практикующими католиками.

Что касается радио, важного инструмента фашистской пропаганды, то в 1927 г. была создана организация «ЭИАР»⁵. Руководители «ЭИАР» пытались найти новых подписчиков (в начале 1930-х гг. мало кто имел радио), сначала с помощью нескольких мероприятий с большим рекламным эффектом, но малым содержанием, таких как «Радио Июнь» (Giugno radiofonico).

Трансформация культурной сферы

Стабильность фашистской диктатуры в значительной степени была обусловлена способностью Муссолини создать вокруг себя сильный консенсус. Способность, которую он проявил, сделав свою личность объектом настоящего культа, нашла отражение не только в одобрении, которое долгое время выказывало ему итальянское общество, но и в восхищении, которое он сумел завоевать у многочисленных глав иностранных государств, интеллектуалов и международного общественного мнения. Этому консенсусу способствовал его контроль над прессой и итальянским культурным миром. Муссолини, будучи журналистом, хорошо понимал силу прессы и, следовательно, мог придумать меры ее контроля. Помимо вышеупомянутых новых средств массовой информации, Муссолини также мог использовать спортивные успехи, достигнутые фашистской Италией в 1930-х гг., в пропагандистских целях, например, два чемпионата мира по футболу, выигранные Италией в 1934 и 1938 гг. Для тоталитарного образования и воспитания новых поколений фашизм использовал как школы, так и партии. С первых лет существования режима, наряду со школой, фашизация итальянцев в возрасте от 6 до 18 лет была возложена на «Национальную организацию Балилла» («ОНД»), а с 1937 г. – на «Джовенту Италия дель Литторио» (лекторий для молодежи, «ГИЛ»). В области воспитания молодежи фашизм был интегралистским и непримиримым по отношению к католической деятельности: превозносился католицизм как инструмент организации консенсуса, фашизм считал себя светской религией нации и государства, требуя полной самоотдачи от своих граждан. Наиболее тоталитарный

⁵ 27 августа 1924 г. был создан URI (Unione radiofonica italiana, Итальянский радиовещательный союз), 6 октября 1924 г. URI на средних волнах запустил радиостанцию 1-RO. 17 ноября 1927 г. URI был переименован в EIAR, Ente italiano per le audizioni Radiofoniche, Итальянское учреждение радиовещательных передач. EIAR – предок нынешнего «РАИ», Radiotelevisione italiana, Rai.

характер фашизма проявился в 1930-е гг., когда он приобрел характер тоталитарной диктатуры, основанной на культе дуче, единой партии, а также сложной организационной сети для формирования кадров и мобилизации масс.

В 1936–1939 гг., подкрепленный успехом завоевания Эфиопии (1935–1936 гг.), фашизм ускорил тоталитарный процесс, чтобы получить больше власти и автономии по отношению к традиционным институтам. На этапе тоталитарного ускорения, с февраля по ноябрь 1938 г., были приняты и антисемитские меры, кульминацией которых стало обнародование антиеврейских законов как составной части расистского законодательства, разработанного после завоевания Эфиопии. Еще одним важным пропагандистским актом стало создание мифа о Муссолини, одного из самых известных мифов периода между двумя мировыми войнами. Наиболее распространены интерпретации, представляющие его как выражение итальянскости (понимаемой как совокупность исторических и культурных характеристик, отражающих обычаи и психологию итальянцев) или как совершенно искусственный продукт «фабрики консенсуса», созданный в годы режима беспринципными манипуляторами коллективной психологией. Миф о Муссолини как миф о «дуче» не был эмоциональным выражением народа, предположенного к увлечению диктатором, а был частым явлением в современной массовой политике: именно фашизму принадлежит историческое первенство в создании новой политической системы, основанной на мифе. Культ «дуче» относится к исторической ситуации и культурно-политической традиции, которая прослеживается на протяжении всей европейской истории после Французской революции. Фашизм должен был рассматриваться как личное творение Муссолини, то, что без него прекратило бы свое существование: его фигура превозносилась во всех проявлениях, от портретов в государственных учреждениях до посвященных ему фильмов.

Понимая, насколько важны идеологические и культурные мотивы для достижения консенсуса, фашизм уделял особое внимание миру культуры и школы. Итальянская школа подверглась глубокой реструктуризации уже в 1923 г. во время реформы, которая стремилась подчеркнуть строгость обучения и санкционировала примат гуманистических дисциплин над техническими. После консолидации режим был озабочен фашистской пропагандой образования как посредством более пристального надзора за учителями, так и посредством контроля за школьными учебниками и введения с 1930 г. «единых текстов» для начальных школ. В целом преподавательский состав адаптировался к директивам режима без особого сопротивления: фашизация часто была поверхностной,

многие учителя, прошедшие подготовку в культурном климате до войны, продолжали выполнять свою работу в привычном порядке, даже будучи вовлеченными в членство в НПФ.

По сравнению с начальной и средней школой университет пользовался гораздо большей автономией, которая использовалась, чтобы оспорить культурный выбор фашизма. Когда в 1931 г. всеми преподавателями была принесена присяга на верность режиму, из 1200 профессоров только дюжина, в основном пожилые и близкие к пенсии, отказались принять присягу, потеряв тем самым свои профессорские должности. Были учителя – не фашисты (или даже антифашисты), которые подчинились навязыванию идеологии только для того, чтобы иметь возможность продолжить свою деятельность. Но в большинстве случаев присяга не вызывала особых проблем совести.

В целом круги высокой культуры – университетские и другие – заняли позицию существенной приверженности режиму. Некоторые из самых выдающихся имен итальянской культуры – такие писатели, как Луиджи Пиранделло, ученые, как Гульельмо Маркони, музыканты, как Пьетро Масканьи, архитекторы, как Марчелло Пьячентини, историки, как Джоаккино Вольпе, философы, как вышеупомянутый Джентиле, – открыто высказались и исповедовали фашистскую веру. Почти все интеллектуалы согласились присоединиться к общественным культурным учреждениям, наслаждаясь материальными вознаграждениями и признанием, которые им расточал фашизм. В культурной деятельности, ориентированной на специализированную или, во всяком случае, ограниченную аудиторию, контроль фашизма осуществлялся в относительно мягких формах. Гораздо более прямым и масштабным был контроль в сфере культуры и средств массовой информации.

Весь сектор политической прессы, уже фашизированной в период с 1922 по 1926 г., подвергался все более строгому и удушающему контролю со стороны центральной власти, которая не ограничивалась простой цензурой, но вмешивалась с точными директивами по существу публикуемых статей. Институционально надзор за прессой был возложен на специальный отдел, зависимый от президента Совета, позже преобразованный в подсекретариат и, наконец, поглощенный новым Министерством народной культуры, Минкульпоп, созданным по образцу нацистского ведомства по пропаганде, но на самом деле осуществлялся лично Муссолини, который, не забывая своего журналистского прошлого, значительную часть своего времени посвящал чтению газет, часто вмешиваясь даже в вопросы второстепенной важности. Режим сочетал это с контролем над печатной бумагой.

Радио в конце 1930-х гг. прочно вошло в дома среднего класса, существенно повлияв на их вкусы и привычки, после 1935 г. зарекомендовало себя как важный канал пропаганды, в том числе благодаря решению правительства установить устройства в школах, государственных учреждениях и штаб-квартирах партийных организаций. Благодаря новым средствам массовой информации стали распространяться не только пропагандистские сообщения, внедренные в политические новости, «хроники режима», культурные программы, но и песни, спортивные репортажи, разнообразные радиопостановки: все необходимые компоненты новой массовой культуры, призванной развиваться в большем масштабе.

Как и радио, кино также было привилегированным объектом внимания режима и получало щедрые субсидии, целью которых было стимулирование национального производства и ограничение массового проникновения американских фильмов. Режим осуществлял довольно гибкий контроль над обычным кинопроизводством, стремясь больше запретить в фильмах любую политически и социально скандальную тему, чем привнести в фильмы явные пропагандистские темы. Для этого было достаточно кинохроники текущих событий, выпускаемой специальным государственным органом «Институт Луче» (Istituto Luce), обязательно демонстрируемой в кинотеатрах в начале каждого показа. Кинохроника была одним из наиболее важных инструментов массовой пропаганды, которым располагал фашизм: как потому, что она охватывала аудиторию, оцениваемую в несколько миллионов человек, так и потому, что она предоставляла изображения, способные привлечь внимание общественности и тщательно подобранные для лучшей иллюстрации триумфов фашизма и его лидера. Все это хорошо соответствовало целям режима, который во многом полагался на свой успех в силе своего имиджа и способности убеждать.

Эволюция контроля над печатной прессой

Благодаря медленному, но постепенному распространению грамотности и модернизации промышленного производства уже в начале 1920-х гг. тираж наиболее читаемых ежедневных газет превысил в среднем полмиллиона экземпляров в день. Это относилось и к тем изданиям, чье развитие было сильно затруднено фашизацией. Использование таких средств массовой информации, как кино, газеты и радио, было одной из сильных сторон фашистской пропагандистской машины. Содержание средств массовой информации контролировалось государством и давало режиму возможность ор-

ганизовать свободное время на совершенно новой «тоталитарной» основе [De Grazia 1981, p. 191; Cesari 1978, p. 30].

В табл. 1 «Государственные расходы на коммерческие развлекательные мероприятия, 1936–1945 гг., в млрд лир (с поправкой на цены 1985 г.)» показан процент участия общественности с разбивкой по типам развлечений и, следовательно, прибыли, полученной от них государством с 1936 г. до конца Второй мировой войны. В статью «Прочие» входят танцевальные залы, парки развлечений, цирки, выставки и мероприятия под открытым небом, а в отношении радио – подписка.

Таблица 1

Государственные расходы на коммерческие развлекательные мероприятия, 1936–1945 гг., в млрд лир (с поправкой на цены 1985 г.) [Forgacs, Gundle 2007, p. 27]

Anno	Teatro e musica		Cinema		Eventi sportivi		Varie		Radio		Totale
	importo	%	importo	%	Importo	%	Importo	%	Importo	%	
1936	76	13,5	363,41	64,56	21,6	3,84	57,56	10,22	44,34	7,88	562,91
1937	74,26	12,1	395,85	64,66	23,44	3,82	70,75	11,53	48,43	7,89	613,73
1938	71,93	11,34	411,81	64,61	25,72	4,03	73,55	11,54	54,39	8,53	637,4
1939	80,73	12,69	401,29	63,08	27,6	4,34	65,58	10,31	60,93	9,58	636,13
1940	66,34	11,45	390,47	67,41	24,02	4,15	37,02	6,39	61,41	10,60	579,26
1941	60,31	9,96	449,87	74,27	18,39	3,04	13,72	2,26	63,44	10,47	605,73
1942	74,4	10,31	544,97	75,48	23,07	3,2	18,13	2,51	61,39	8,50	721,96
1943	40,81	9,79	318,19	76,37	12	2,88	9,95	2,39	35,71	8,57	416,66
1944	22,83	14,89	106,89	69,72	3,99	2,6	12,29	8,02	7,31	4,77	153,31
1945	34,12	12,84	192,78	72,55	11,87	4,47	19,28	7,25	7,67	2,89	265,72

Что касается печати, то в период с 1923 по 1925 г. фашистское правительство приняло все законные меры, направленные на санкционирование, цензуру и режимный контроль за свободой печати [Tolomelli 2006, p. 18]. Полтора года с октября 1922 по апрель 1924 г. характеризовались неуклонным снижением свободы печати в фактах и в повседневной практике [Tranfaglia, Murialdi 1980, p. 18].

С июля 1923 г. именно «Мондо» (с которой Муссолини пытался заключить соглашение о редакционной собственности, безуспешно) стала более решительно и авторитетно вести антифашистскую борьбу среди либерально настроенных газет, решительно осуждая как фашистские беззакония, так и пособничество консервативных правых. В период с 11 по 12 июля 1923 г. Муссолини подготовил различные меры по ограничению и контролю свободы, собранные в законе, который через три дня был представлен на подпись суверену [Castronovo 2000, p. 300–306]. Королевский декрет был основан на новом законодательстве, которое, с одной стороны, основыва-

лось на реформе института гаранта, а с другой – на полномочиях префектов. Статья 2, в частности, давала префекту право предупреждать руководителя газеты (после заслушивания комиссии, состоящей из магистрата и журналиста), если:

- а) газета или периодическое издание посредством ложных или тенденциозных новостей препятствует дипломатической деятельности правительства в отношениях с иностранными государствами или наносит ущерб национальному доверию внутри страны или за рубежом, или вызывает необоснованную тревогу у населения, или каким-либо образом нарушает общественный порядок;
- б) газета или периодическое издание статьями, комментариями, заметками, иллюстрациями или карикатурами возбуждает людей к совершению преступлений или классовой ненависти, или неповиновению законам и приказам властей, или нарушает дисциплину лиц, ответственных за государственную службу, или благоприятствует интересам иностранных государств, организаций или частных лиц в ущерб интересам Италии, или очерняет Родину, короля, королевскую семью, Верховного понтифика, государственную религию, институты и полномочия государства или дружественных держав [Tranfaglia, Murialdi 1980, p. 9].

Растущее значение Управления печати было также подчеркнуто заменой (сентябрь 1928 г.) К. Торре на Ферретти, который получил средства для укрепления Управления, в котором работало около десяти человек, реорганизовав его на более подходящей основе: произошло, с одной стороны, усиление контроля, распространявшегося также на иностранную прессу, с другой – развитие пропагандистской деятельности [Tranfaglia, Murialdi 1980, p. 90].

В 1934 г. Управление печати превратилось в Подсекретариат по делам печати и пропаганды под руководством Галеаццо Чиано, а в следующем году, в связи с растущим значением этого органа, было создано Министерство печати и пропаганды [Malvano 1988, p. 33]. Подсекретариат по делам прессы и пропаганды произвел полную реорганизацию пресс-службы, чтобы сделать ее более приспособленной к новым амбициям культурной фашистской политики. Он представлял собой шаг вперед в объединении пропаганды и культуры в руках единой структуры.

В 1934–1935 гг. Подсекретариат по делам печати и пропаганды определил свой контроль над пропагандой и перенес его также на культуру, расширив свое влияние на средства массовой информации. С появлением массовой политики режима возникла необходимость в более систематическом планировании народной культуры,

главной движущей силой которого стало Министерство народной культуры.

Высшая комиссия по делам прессы была учреждена 1 мая 1929 г. стражем печати А. Рокко. Эта специальная магистратура была частью стремления режима создать журналистику, вытекающую как из специальных законов для прессы, так и из законов, касающихся (в целом) корпоративных и профсоюзных организаций. Помимо Высшей комиссии по печати, новым корпоративным постановлением государства был предусмотрен еще один орган, который мог «законно» осуществлять дискриминацию, о которой просили фашисты: Национальное бюро по трудоустройству журналистов, учрежденное конвенцией от 22 февраля 1929 г. [Tranfaglia, Murialdi 1980].

5 марта 1927 г. Муссолини разослал префектам телеграфный циркуляр с целью запретить создание новых газет, ежедневных и периодических изданий.

Между 1925 и 1928 гг. Муссолини имел две задачи для прессы – фашизация и призыв к порядку наиболее мятежных изданий ПНФ, личных представителей местных фаши, наиболее непримиримых отрядных ячеек. Цель заключалась в том, чтобы сделать всю прессу основным инструментом организации консенсуса и средством реализации своей внутренней и внешней политики (в зависимости от ситуации и потребности). В 1936 г. Минкульт начал давать точные редакционные указания, уделяя больше внимания новостям в наиболее политически острые моменты, чтобы отвлечь общественное мнение от проблем правительства. С созданием Министерства народной культуры (1937 г.) контроль над прессой был централизован в Риме и снят у префектов. Дикастерий, возглавляемый Дино Альфьери, взял на себя юрисдикцию над всеми материалами, которые могли появиться в газетах, на радио, в литературе, театре, кино и вообще в любой другой форме коммуникации или искусства.

Заключение

Исходя из представленных фактов и анализа, можно заключить, что фашистскому режиму в Италии удалось закрепиться, в том числе, благодаря сложной системе интегрированной медиаполитики и техники пропаганды, воздействия на массовую культуру, направленных на формирование идеологического всеобъемлющего диктата. Этот режим не только жестко контролировал информационное пространство и культуру, но и активно строил массовые институты, увязывая их с государственной властью для мобилизации обще-

ства. Особое значение имели культы личности и ритуалы, которые помогали создать ощущение единства и справедливости режима в глазах населения, несмотря на жесткость и репрессивность властных структур. Пропаганда проникала во все уровни общественной жизни, от образования до спорта и развлечений, что обеспечивало ей долгосрочный эффект и широкое влияние. Важным аспектом стало использование новых технологий коммуникаций, таких как радио и кино, для формирования управляемого общественного сознания. Таким образом, итальянский фашизм представлял собой сложный социально-политический и культурный феномен, в котором пропаганда не просто информировала, а активно конструировала реальность, служа фундаментом тоталитарного режима.

Литература

- Володарский 1996 – *Володарский В.М.* Искусство при тоталитарных режимах // Тоталитаризм в Европе XX в.: Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления / рук. авт. кол. Я.С. Драбкин, Н.П. Комолова. М.: Памятники исторической мысли, 1996. С. 209–258.
- Голомшток 1994 – *Голомшток И.* Тоталитарное искусство. М.: Галарт, 1994. 296 с.
- Дуранти 2014 – *Дуранти С.* Система образования и пропаганда в фашистской Италии // Берегиня.777.Сова: Общество. Политика. Экономика. 2014. № 4 (23). С. 140–149.
- Маклюэн 2020 – *Маклюэн М.* Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2020. 464 с.
- Нестерова 2006 – *Нестерова Т.П.* Культура в идеологии и практике итальянского фашизма // Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2006. № 45. С. 45–55.
- Уэбстер 2004 – *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.
- Castronovo 2000 – *Castronovo V.* La stampa italiana dall'Unità al fascismo. Bologna: Laterza, 2000. 466 p. (Universale Laterza)
- Cento anni di pubblicità 1974 – *Cento anni di pubblicità nello sviluppo economico e nel costume italiano* // Sipra. 1974. n. 6: Supplemento.
- Cesari 1978 – *Cesari M.* La censura nel periodo fascista. Napoli: Liguori editore, 1978. 132 p.
- De Grazia 1981 – *De Grazia V.* Consenso e cultura di massa nell'Italia fascista. Roma; Bari: Editori Laterza, 1981. 350 p.
- Forgacs, Gundle 2007 – *Forgacs D., Gundle S.* Cultura di massa e società italiana, 1936–1954. Bologna: il Mulino, 2007. 425 p.
- Gentile 1994 – *Gentile E.* Il culto del Littorio. La sacralizzazione della politica nell'Italia fascista. Roma; Bari: Laterza, 1994. 301 p.

- Gentile 2005 – *Gentile E.* Fascismo. Storia e Interpretazione. Roma; Bari: Laterza, 2005. 320 p.
- Malvano 1988 – *Malvano L.* Fascismo e politica dell'immagine. Torino: Bollati Boringheri, 1988. 199 p. (Temi; vol. 4)
- Tolomelli 2006 – *Tolomelli M.* Sfera pubblica e consenso di massa nel XX secolo. Bologna: Archetipo Libri, 2006. 215 p. (I Prismi)
- Tranfaglia, Murialdi 1980 – *Tranfaglia N., Murialdi P., Legnani M.* La stampa italiana nell'età fascista // Storia della stampa italiana / ed. V. Castronovo e N. Tranfaglia. Vol. 4. Roma; Bari: Laterza, 1980. 389 p.

References

- Cento anni di pubblicità nello sviluppo economico e nel costume italiano (1974), *Sipra*, n. 6, *Supplemento*.
- Cesari, M. (1978), *La censura nel periodo fascista*, Liguori editore, Napoli, Italy,
- De Grazia, V. (1981), *Consenso e cultura di massa nell'Italia fascista*, Laterza, Roma, Bari, Italy.
- Duranti, S. (2014), "Schools and fascism: fascist groups in italian universities and their propaganda", *Bereginya.777.Sova: Obshchestvo. Politika. Ekonomika*, vol. 23, no. 4, pp. 140–149.
- Forgacs, D. and Gundle, S. (2007), *Cultura di massa e società italiana, 1936–1954*, il Mulino, Bologna, Italy.
- Gentile, E. (1994), *Il culto del Littorio. La sacralizzazione della politica nell'Italia fascista*, Laterza, Roma, Bari, Italy.
- Gentile, E. (2005), *Fascismo. Storia e Interpretazione*, Laterza, Roma, Bari, Italy.
- Golomshtok, I. (1994), *Totalitarnoe iskusstvo* [Totalitarian art], Galart, Moscow, Russia.
- Malvano, L. (1988), *Fascismo e politica dell'immagine*, Bollati Boringheri, Torino, Italy. (Temi; vol. 4)
- McLuhan, M. (2020), *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding media: external human extensions], Kuchkovo pole, Moscow, Russia.
- Nesterova, T.P. (2006), "Culture in the ideology and practice of Italian fascism", *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*, no. 45, pp. 45–55.
- Tolomelli, M. (2006), *Sfera pubblica e consenso di massa nel XX secolo*, Archetipo Libri, Bologna, Italy.
- Tranfaglia, N., Murialdi, P. and Legnani, M. (1980), "La stampa italiana nell'età fascista", in *Storia della stampa italiana*, vol. 4, Laterza, Roma, Bari, Italy.
- Webster, F. (2004), *Teorii informatsionnogo obshchestva* [Theories of the information society], Aspect Press, Moscow, Russia.
- Volodarskii, V.M. (1996), "Art under totalitarian regimes", in *Totalitarizm v Evrope XX v.: Iz istorii ideologii, dvizhenii, rezhimov i ikh preodoleniya* [Totalitarianism in 20th century Europe. From the history of ideologies, movements, modes and their overcoming], Pamyatniki istoricheskoi mysli, Moscow, Russia, pp. 209–258.

Информация об авторе

Елена Н. Якутина, кандидат исторических наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия; 111395, Россия, Ленинградский пр-кт, д. 49/2; yakutinaelena@gmail.com

Information about the author

Elena N. Yakutina, Cand. of Sci. (History), associate professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia; 49/2, Leningradsky Av., Moscow, Russia, 111395; yakutinaelena@gmail.com

Социалистическая интеграция и кластеры международного регионализма: сравнительно-исторический анализ

Игорь А. Тимошкин

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, tigor98@yandex.ru*

Аннотация. В статье предпринимается попытка определить положение социалистической интеграции относительно двух кластеров международного регионализма второй половины XX в.: западного (западноевропейского) и незападного (постколониального). Автором посредством сравнительно-исторического метода, с опорой на теории «нового» и «сравнительного» регионализма, выявляются общие и отличительные черты между кооперацией соцстран и двумя совокупностями форм и моделей регионального строительства. Установлено, что социалистическая интеграция не соотносится в полной мере ни с западным, ни с незападным кластерами, но в определенной степени пересекается с ними. Отмечена близость между кооперационными практиками соцстран и развивающихся государств. Обозначены особенности социалистической интеграции как регионального проекта, представлявшие собой своеобразный синтез элементов западноевропейской интеграции и региональной кооперации за пределами Запада. Предложены две интерпретации социалистической интеграции с точки зрения ее положения относительно двух кластеров: самостоятельный кластер регионализма и обособленная часть незападного кластера. В заключении автором высказывается мнение о предпочтительности первой интерпретации и указывается на необходимость последующего изучения интеграционного опыта стран социализма в сопоставлении с конкретными моделями и образцами международного регионализма.

Ключевые слова: социалистическая интеграция, международный регионализм, социалистический регионализм, сравнительный регионализм, региональная кооперация, история регионализма, Совет экономической взаимопомощи (СЭВ)

Для цитирования: Тимошкин И.А. Социалистическая интеграция и кластеры международного регионализма: сравнительно-исторический анализ // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 4. С. 162–176. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-4-162-176

Socialist integration and the clusters of international regionalism: a comparative historical analysis

Igor A. Timoshkin

St. Petersburg State University,

Saint Petersburg, Russia, tigora98@yandex.ru

Abstract. The study makes an attempt to define the position of socialist integration relative to the two clusters of international regionalism in the second half of the 20th century: the Western (Euro-centric) and the non-Western (post-colonial). Using the comparative-historical method and drawing on the theories of the 'New Regionalism' and 'Comparative Regionalism', the author identifies the similarities and the differences in the cooperation among the socialist countries and between the mentioned two clusters. It is established that socialist integration does not fully correspond to either the Western or the non-Western cluster, yet it intersects with both to a certain degree. The affinity between the cooperative practices of the socialist states and those of the developing countries is outlined, representing a distinctive synthesis of the elements from the Western European integration and the regional cooperation outside the West. Two interpretations of socialist integration are proposed from the perspective of its position against the two clusters: as a separate cluster of regionalism, or as a distinct yet integral part of the non-Western cluster. In conclusion, the author argues that the first interpretation is preferable and points to the necessity of the further study of the socialist countries' integration experience by comparing it with the specific models and cases of international regionalism.

Keywords: socialist integration, international regionalism, socialist regionalism, comparative regionalism, regional cooperation, history of regionalism, Council for Mutual Economic Assistance (CMEA)

For citation: Timoshkin, I.A. (2026), "Socialist integration and the clusters of international regionalism: a comparative historical analysis", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 162–176, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-4-162-176

Введение

При рассмотрении развития международного регионализма, в том числе в исторической ретроспективе, в современных международно-региональных исследованиях на наиболее общем уровне выделяется два крупных кластера («мира») интеграционных взаимодействий: западный (точнее, западноевропейский) и не-западный (постколониальный, развивающихся стран) [Acharya

2016; Söderbaum 2016]¹. «Социалистическая интеграция», институционально воплощенная в Совете экономической взаимопомощи (СЭВ) и охватывавшая значительную часть так называемого второго мира, практически не фигурирует в научных работах как составной элемент (самостоятельный или подчиненный) данной конфигурации [El Maaly 2022]².

Кооперация стран социализма, ее особенности и положение относительно других образцов регионального сотрудничества остаются, таким образом, малоизученными в международно-региональных исследованиях. Представляется, однако, что этот опыт актуален и ценен для изучения, учитывая интенсификацию процессов регионализации в современных международных отношениях и существующий запрос на выработку новых (альтернативных западным) кооперационных и интеграционных форм и моделей. Помимо этого, рассмотрение «социалистической интеграции» сквозь призму современных теорий регионализма позволяет не только взглянуть на взаимодействия социалистических стран под новым углом, но и обогатить представления об исторической эволюции международного регионализма, способствуя тем самым развитию дискуссии о переосмыслении феномена [Söderbaum 2016].

Цель статьи – определить положение «социалистической интеграции» относительно двух кластеров интеграционных взаимодействий путем их сопоставления и выявления общих и отличительных черт.

В настоящей работе под «международным регионализмом» («регионализмом») понимается политика и процесс конструирования консолидированного сегмента мирового пространства, включающего два и более государства (иными словами, «международного региона»); под «социалистической интеграцией» – политика и процессы интенсификации связей между странами социализма во второй половине XX в., развивавшиеся прежде всего в рамках СЭВ. Термином «социалистическое содружество» («Восточный блок») описывается сегмент мирового пространства (международный регион), территориально охватывавший Советский Союз, Албанию (до 1961 г.), Болгарию, Венгрию, Восточную Германию, Польшу, Румынию, Чехословакию, а также Монголию (с 1962 г.), Кубу (с 1972 г.) и Вьетнам (с 1978 г.).

¹ См. также [Postel-Vinay 2006; Fawcett 2015].

² Как отмечает автор приведенного исследования, из 136 работ, опубликованных в период с 1960 по 2020 г., социалистическая интеграция (СЭВ) выступает как объект анализа только в двух из них. Следует, однако, заметить, что общее число публикаций, обращенных к опыту кооперации соцстран, несколько больше (см. ниже – обзор литературы).

Обзор литературы

Большая часть работ международно-регионального профиля, посвященных социалистической интеграции, была опубликована в период «холодной войны». Как правило, в зарубежной науке кооперация в Восточном блоке рассматривалась как восточно-европейский проект и советский ответ западноевропейской интеграции, с которой – в основном – сравнивалось социалистическое сотрудничество, трактовавшееся в результате как менее совершенное интеграционное образование [Haas, Schmitter 1964; Bergthun, Nielsen 1968; Kaiser 1968; Frey-Wouters 1969; Haas 1970; Nye 1970; Mally 1974; Brada, Méndez 1985]. В советской научной литературе сотрудничество стран социализма практически не рассматривалось сквозь региональную (регионалистскую) призму и трактовалось шире, т. е. как качественно новая – прогрессивная и справедливая в сравнении с капиталистической интеграцией, взаимодействиями в капиталистической системе – форма межгосударственных отношений³. Хотя, например, И.В. Дудинский [Дудинский 1974] указывал, что интеграция соцстран носит региональный характер, в этом смысле соответствует общемировым тенденциям и содействует при этом развитию всей мировой социалистической системы.

В постбиполярную эпоху социалистическая интеграция оказалась фактически «забытой» как в зарубежных, так и отечественных международно-региональных исследованиях. В немногочисленных работах она по-прежнему воспринимается как одна из альтернативных (и противоречивых) форм регионализма в Европе [Песцов 2006а; Песцов 2006b], либо – преимущественно в иностранной научной литературе – как образец «принудительной» или «авторитарной» разновидности феномена [Fawcett 2004, p. 429; Libman, Obydenkova 2018, pp. 160, 162]. Но в то же время в смежных научных областях возникло видение кооперации соцстран как «альтернативной глобализации» [Липкин 2019], не получившей, однако, широкую поддержку в постколониальном мире [Mark, Feygin 2020].

В целом в настоящее время наблюдается дефицит комплексных работ, посвященных социалистической интеграции в контексте развития международного регионализма во второй половине XX в. и опирающихся при этом на современные теории и методологию международно-региональных исследований.

³ См., например, [Морозов 1972; Алексеев, Викентьев, Мирошниченко 1975].

Теоретические основы и методология исследования

Исследование опирается на теории «нового» и «сравнительно-го» регионализма, трактующие «регион» как социальный конструкт с изменчивыми границами, а «международный регионализм» как комплексный и многоаспектный феномен, который обладает множеством форм и моделей с собственной исторической динамикой. Следует подчеркнуть, что социалистическая интеграция рассматривается автором как проявление международного регионализма – «социалистический регионализм».

Основным методом исследования выступил сравнительно-исторический метод. В качестве объектов сравнения избраны социалистическая интеграция и два кластера («мира») – совокупности взаимосвязанных и подобных друг другу теорий и практик (моделей) регионального сотрудничества – международного регионализма второй половины XX в.: западный (западно-европейский) и незападный (постколониальный)⁴. Критериями сравнения стали сформулированные автором на основе работы А. Ачарии [Acharya 2016, pp. 117–118, 136–137] параметры: 1) основополагающая цель регионального сотрудничества; 2) политические приоритеты; 3) экономические приоритеты; 4) институциональная структура и 5) логика «переливания»⁵. С помощью сравнительно-исторического метода были выявлены различия и сходства между социалистической интеграцией и обозначенными кластерами регионализма, что позволило сформулировать две интерпретации положения социалистического содружества относительно двух «миров».

Автором применялись общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция и обобщение), а также метод традиционного анализа документов, посредством которых были определены особенности социалистической интеграции и в результате выявлена степень ее близости к сравниваемым объектам.

⁴ Выделение данных кластеров и присвоение им характерных черт основано на интерпретациях развития регионализма в Европе и за ее пределами, предложенных А. Ачарией [Acharya 2016] и Ф. Содербаумом [Söderbaum 2016, pp. 20–27].

⁵ Эффектом «переливания» (“spill-over/spillover effect”) называется ситуация, когда кооперация между государствами в одной (как правило, экономической) сфере ведет к распространению («переливанию») сотрудничества на смежные и/или другие сферы. См. для справки [Schmitter 2005].

Результаты

Сопоставление социалистической интеграции с двумя кластерами регионализма демонстрирует, что она, имев с ними ряд общих черт, обладала несколькими особенностями (см. таблицу).

Характеризуя схожие элементы, в первую очередь следует обратить внимание на экономические приоритеты кооперации в социалистическом содружестве (до конца 1980-х гг.) и в рамках незападного кластера. Интенсификация сотрудничества соцстран была направлена на достижение целей, которые были актуальны и для многих развивающихся государств: создание самодостаточной индустриальной экономики, защита внутреннего (национального и регионального) рынка, снижение зависимости от Запада [Söderbaum 2016, pp. 24–25; Gerőcs, Pinkasz 2018, pp. 337–338]⁶. Только в конце 1980-х гг., в связи с «перестройкой механизма социалистической экономической интеграции и деятельности СЭВ», курс кооперации начал меняться: приоритетными стали задачи интеграции в мировой рынок и создания между странами-членами Совета зоны свободной торговли, таможенного союза и, в перспективе, объединенного рынка⁷. В результате, проект стран Восточного блока в последние годы своего существования приобрел черты, сближавшие его с западным «миром».

⁶ Согласно Уставу СЭВ посредством кооперации страны-члены стремились способствовать, в частности, развитию народного хозяйства и индустриализации, ускорению прогресса и подъему благосостояния народов. Комплексная программа социалистической экономической интеграции 1971 г. конкретизировала и расширила эти положения, указывая в том числе на укрепление независимости от капиталистических стран. См.: Основные документы Совета Экономической Взаимопомощи: В 2 т. Т. 1. 4-е изд., доп. / сост.: М.Д. Кудряшов. М.: Секретариат СЭВ, 1981. С. 10, 31–39.

⁷ Эти вопросы широко обсуждались, в частности, на совещаниях секретарей Центральных комитетов коммунистических и рабочих партий стран-членов СЭВ по экономическим вопросам в сентябре 1987-го и июне 1988 гг. (см.: РГАНИ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 160; Д. 163). Придать созданию условий для свободного перемещения факторов производства и формирования объединенного рынка статус одной из целей перестройки предлагалось на 123-м заседании Исполкома СЭВ в июне 1987 г. (РГАЭ. Ф. 561. Оп. 1с/пп. Д. 212. Л. 25). На 43-м (внеочередном) заседании Сессии СЭВ в октябре того же года Болгария, Венгрия, Вьетнам, Восточная Германия, Куба, Монголия, Польша, Советский Союз и Чехословакия договорились о постепенной реализации этой цели (РГАЭ. Ф. 561. Оп. 1с. Д. 210. Л. 6).

Кластеры международного регионализма второй половины XX в.
в сопоставлении с социалистической интеграцией

Критерии сравнения / объект сравнения	Западный (западноевропейский) кластер	Незападный (постколониальный) кластер	Социалистическая интеграция (социалистический регионализм)
Основополагающая цель	Интеграция	Автономия	Гибридная
Политические приоритеты	«Преодоление» суверенитета, наднациональная интеграция	Сохранность суверенитета, кооперация без наднацио- нализма	Сохранность суверенитета, наднациональная координация
Экономические приоритеты	Рыночная интеграция, создание общего рынка	Девелопментализм*, само- достаточность*	Девелопментализм, само- достаточность; создание общего рынка (конец 1980-х гг.)
Институциональная структура	Формальная («жесткая»)	Неформальная («мягкая»)	Смешанная (полужформальная)
Логика «переливания»	Экономическая интеграция → политическая интеграция	Политическая кооперация → экономическая кооперация	Политическая кооперация → экономическая кооперация

Примечания: характеристика западного и незападного кластеров представлена на основе работ А. Ачарии [Acharya 2016, pp. 117–118, 136–137] и Ф. Содербаума [Söderbaum 2016, pp. 20–27].

* Рыночная интеграция виделась как цель сотрудничества в ряде региональных инициатив (например, Латино-американской ассоциации свободной торговли <ЛАФТА>), но не преобладала над приоритетами национальной модернизации.

Помимо этого, социалистическая интеграция и незападный кластер следовали общей – обратной⁸ – логике «переливания». В обоих случаях превалирующее значение играли политические мотивы и готовность (или неготовность) национальных элит к инициированию и углублению кооперации. Так, активизация работы СЭВ в 1950-е – 1960-е гг. стала возможной после смены руководства в Советском Союзе и «народных демократиях» – новые партийные лидеры были заинтересованы в более тесном торгово-экономическом партнерстве и совершенствовании его форм⁹. По мере развития сотрудничества и национальных экономик стран Восточного блока росла потребность в модернизации интеграционного механизма, но она наталкивалась на противоречия между партийными элитами соцстран в видении степени «глубины» этой модернизации. Отражала сложившуюся ситуацию борьба вокруг Комплексной программы, принятой в 1971 г.: в результате компромисса между «консерваторами» и «реформаторами» из Программы были выхолощены многие амбициозные цели кооперации [Липкин 2019]. В целом схожая ситуация наблюдалась в 1960–1970-е гг. в региональных объединениях «Третьего мира», столкнувшихся с политическими разногласиями [Naas 1970, pp. 618–619; Acharya 2016, pp. 115–116].

Обращаясь к особенностям социалистической интеграции, необходимо обратить внимание на два взаимосвязанных параметра – основополагающая цель и политические приоритеты.

Если западноевропейский проект подразумевал интеграцию (слияние государств в наднациональное образование), а кооперация за пределами Запада зиждилась на идее автономии (укрепление национального государства и отстаивание его суверенитета), то в основе социалистической интеграции (с конца 1950-х гг.) лежала гибридная по своей природе цель. С одной стороны, углубление сотрудничества соцстран должно было привести в отдаленной

⁸ Считается, что для региональной кооперации между развивающимися странами сотрудничество в политической сфере является основополагающим и распространяется далее на другие области [Acharya 2016, pp. 116, 117–118].

⁹ О необходимости перемен говорил Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев и он же указывал на заинтересованность лидеров Восточной Германии, Чехословакии и Польши в более глубокой кооперации. См.: Президиум ЦК КПСС: 1954–1964: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления: В 3 т. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / гл. ред. А.А. Фурсенко. М.: РОССПЭН, 2003. С. 645, 693.

перспективе к созданию единого сообщества в масштабах социалистического содружества, мировой социалистической системы и, наконец, всего мира¹⁰. С другой стороны, до того момента кооперация была нацелена на развитие (укрепление торгово-экономических, научно-технических, социальных связей внутри) международной общности *суверенных* социалистических стран¹¹.

Как следствие, региональное строительство в Восточном блоке, как и в западном кластере, основывалось на представлениях о «сильном» национальном государстве, выступавшем в роли главного актора и бенефициара интеграционных процессов. Характерное для западноевропейской модели «преодоление» суверенитета в обозримой перспективе не только не предполагалось, но и отвергалось¹². Вместе с тем социалистическая интеграция все же имела наднациональный компонент: органы СЭВ могли выступать разработчиками, организаторами и координаторами многосторонних программ сотрудничества между соцстранами, контролировать ход их исполнения¹³. Такого рода наднациональная координация кооперации не была в целом характерна для регионализма среди развивающихся стран.

Наконец, социалистическая интеграция отличалась от двух кластеров с точки зрения институциональной структуры. По сравнению с западноевропейской моделью, наднациональные органы СЭВ не обладали столь же широкими полномочиями и функциями, ограничиваясь, как было отмечено, вопросами организации и координации торгово-экономического сотрудничества. Институты Совета не могли самостоятельно формулировать, представлять и выражать позицию объединения; они не формировали влиятельную наднациональную бюрократию. В то же время в сравнении с «мягким» (не подразумевавшим строгих обязательств и системы наднационального управления) регионализмом в постколониальном мире, социалистическая интеграция в лице СЭВ была в значительной степени институционализированной («формальной») ввиду наличия, во-первых, постоянно действовавших органов с юридически закрепленными полномочиями и, во-вторых, обяза-

¹⁰ Эти представления постулировались и развивались в научном дискурсе Советского Союза и союзных социалистических стран. В качестве примеров см. [Дудинский 1974; Doležal, Pelikán 1976].

¹¹ Положения об уважении суверенитета закреплены в текстах Устава СЭВ (ст. 1, п. 2) и Комплексной программы (разд. 1). См.: Основные документы... С. 10, 33.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 11–18.

тельств по выполнению принятых решений (которые, однако, касались только заинтересованных в их реализации стран).

Таким образом, если обозначить «жесткую» интеграцию в западном кластере и «мягкую» кооперацию в незападном как две крайние точки спектра формализации, то социалистическую интеграцию, являвшуюся смешанной (полужформальной) по своему формату, следует расположить в его центральной зоне.

Обсуждение

Определяя позицию социалистической интеграции относительно двух кластеров, с которыми она, как свидетельствуют результаты сравнительного анализа, в полной мере не соотносилась, автору представляется возможным высказать два тезиса.

Во-первых, региональное строительство в Восточном блоке, ввиду отсутствия общих ключевых элементов, не может рассматриваться как часть западного кластера. Однако оно пересекалось с ним, на что указывают: долгосрочная цель формирования единого сообщества, ограниченные наднациональные элементы и определенная степень формализации объединения¹⁴.

Во-вторых, ввиду наличия целого ряда общих черт (девелопментализм, обратная логика переливания, преобладание суверенитета как ценности и основы кооперации), социалистическая интеграция была тесно связана с западным кластером, разделяя его основополагающие принципы.

Исходя из вышеизложенного, автор считает возможным сформулировать две интерпретации положения проекта соцстран относительно западного и западного «миров».

1. Социалистическая интеграция как отдельный кластер регионализма, в разной степени пересекавшийся с двумя другими (тяготея до конца 1980-х гг. к западному). Данная интерпретация подкрепляется, помимо выявленных особенностей, во-первых, видением мировой системы как трехуровневой иерархической структуры (центр – полупериферия – периферия), в которой социалистическое содружество занимало полупериферийное положение [Gerőcs, Pinkasz 2018]; во-вторых, восприятием советской модели модернизации и интеграции как «чуждой» среди значительной ча-

¹⁴ Следует подчеркнуть, что приобретенные в конце 1980-х гг. черты рыночной интеграции свидетельствовали только о сближении, но не о полноценном «втягивании» социалистической интеграции в орбиту западного кластера.

сти постколониального мира, выступавшей с 1970-х гг. за создание Нового международного экономического порядка [Lorenzini 2014; Mark, Feygin 2020]; в-третьих, глобальным характером марксистско-ленинской идеологии, лежавшей в основе проекта соцстран и предполагавшей в перспективе выход за рамки отдельного региона, в отличие от многих регионалистских идей Глобального Юга (пан-африканизма, панарабизма и т. д.).

2. Социалистическая интеграция как обособленная часть незападного кластера. В пользу данной интерпретации свидетельствуют приведенные ранее общие черты и разделяемые ценности государственного суверенитета, политической и экономической независимости, прежде всего от Запада. При этом особенности проекта соцстран и его отличия от региональной кооперации среди развивающихся государств указывают на особое – вероятно, уникальное – место, которое занимало социалистическое содружество и которое обеспечивало ему «выход» к западному кластеру. На взгляд автора, однако, данная интерпретация является менее убедительной.

Ключевое значение в данном вопросе приобретает понимание пространственных рамок незападного кластера. Если включать в него все государства за пределами западноевропейского (шире – евроатлантического) региона, то возможны обе интерпретации. Однако если трактовать данный кластер исключительно как постколониальный, относя к нему только Глобальный Юг, то социалистическая интеграция может рассматриваться исключительно как отдельный «мир» регионализма.

В целом, на взгляд автора, интерпретация социалистической интеграции как отдельного кластера имеет более прочные основания, подкрепляется концепциями смежных дисциплин и обладает большей аналитической ценностью.

Заключение

Таким образом, результаты сравнительного анализа демонстрируют, что социалистическая интеграция, обладая некоторыми схожими характеристиками с двумя кластерами международного регионализма второй половины XX в., выделялась рядом особенностей, представлявших собой сочетание интеграционных элементов как западного, так и незападного «миров». Проект соцстран заметно отличался от западной интеграционной модели, но пересекался с ней. В то же время он был тесно связан с региональной кооперацией среди развивающихся государств, разделяя с ней общие принципы.

Исходя из этого, социалистическая интеграция с точки зрения своего положения может рассматриваться либо как самостоятельный кластер («мир») регионализма, либо как обособленная часть незападного кластера. При этом выбор интерпретации во многом зависит от понимания пространственных рамок последнего. На взгляд автора, позиционирование социалистической интеграции как отдельного кластера имеет более прочные основания и бóльшую аналитическую ценность.

Необходимо отметить, что уровень кластеров («миров») является наиболее общим и, как следствие, несколько упрощенным. Для понимания особенностей, позиции и роли социалистической интеграции в контексте международного регионализма второй половины XX в. необходимо ее дальнейшее изучение, в том числе посредством сравнения с конкретными образцами и моделями регионализма (региональными объединениями) Азии, Африки и Латинской Америки. При этом важное значение имеет использование современных теории и методологии международно-региональных исследований.

Литература

- Алексеев, Викентьев, Мирошниченко 1975 – *Алексеев А.М., Викентьев А.И., Мирошниченко Б.П.* Социалистическая интеграция и ее преимущества перед капиталистической. М.: Наука, 1975. 407 с.
- Дудинский 1974 – *Дудинский И.В.* Социалистическая экономическая интеграция и развитие мировой социалистической системы // Вопросы истории. 1974. № 10. С. 33–53.
- Липкин 2019 – *Липкин М.А.* Совет экономической взаимопомощи: исторический опыт альтернативного глобального мироустройства (1949–1979). М.: Весь мир, 2019. 184 с. (Мировая система социализма)
- Морозов 1972 – *Морозов В.И.* Новый этап социалистической интеграции // Новая и новейшая история. 1972. № 1. С. 3–16.
- Песцов 2006a – *Песцов С.К.* Современный международный регионализм: сравнительный анализ теории и практики регионального сотрудничества и интеграции: дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2006. 422 с.
- Песцов 2006b – *Песцов С.К.* Регионализм: регионы мира и зоны интеграционного тяготения // ПОЛИТЭК. 2006. Т. 2. № 1. С. 159–172.
- Acharya 2016 – *Acharya A.* Regionalism beyond EU-Centrism // The Oxford handbook of comparative regionalism / ed. by T.A. Börzel, T. Risse. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 109–130.
- Bergthun, Nielsen 1968 – *Bergthun O.L., Nielsen T.T.* COMECON and EEC: A comparative analysis // Res Publica. 1968. Vol. 10. No. 3. P. 407–432.

- Brada, Méndez 1985 – *Brada J.C., Méndez J.A.* Economic integration among developed, developing and centrally planned economies: A comparative analysis // *The Review of Economics and Statistics*. 1985. Vol. 67. No. 4. P. 549–556.
- Doležal, Pelikán 1976 – *Doležal M., Pelikán D.* Socialistické společnosti členských zemí RVHP a hlavní etapy jeho vývoje // *Acta Universitatis Carolinae – Iuridica*. 1976. No. 1. P. 3–34.
- El Maaly 2022 – *El Maaly S.C.A.* What the analysis of 136 studies from 1960 to 2022 tells us about comparative regionalism studies // *Economic Issues*. 2022. Vol. 27. No. 2. P. 31–85.
- Fawcett 2004 – *Fawcett L.* Exploring regional domains: A comparative history of regionalism // *International Affairs*. 2004. Vol. 80. No. 3. P. 429–446.
- Fawcett 2015 – *Fawcett L.* Drivers of regional integration: Historical and comparative perspectives // *Drivers of integration and regionalism in Europe and Asia* / ed. by L. Brennan, P. Murray. Abington; N.Y.: Routledge, 2015. P. 34–51.
- Frey-Wouters 1969 – *Frey-Wouters E.* The prospects for regionalism in world affairs // *The future of the international legal order*. Vol. 1: Trends and patterns / ed. by R.A. Falk, C.E. Black. Princeton: Princeton University Press, 1969. P. 463–555.
- Gerócs, Pinkasz 2018 – *Gerócs T., Pinkasz A.* Conflicting interests in the COMECON integration: State socialist debates on East-West-South relations // *East Central Europe*. 2018. Vol. 45. P. 336–365.
- Haas 1970 – *Haas E.B.* The study of regional integration: Reflections on the joy and anguish of pretheorizing // *International Organization*. 1970. Vol. 24. No. 4. P. 606–646.
- Haas, Schmitter 1964 – *Haas E.B., Schmitter P.C.* Economics and differential patterns of political integration: Projections about unity in Latin America // *International Organization*. 1964. Vol. 18. No. 4. P. 705–737.
- Kaiser 1968 – *Kaiser K.* The interaction of regional subsystems: Some preliminary notes on recurrent patterns and the role of superpowers // *World Politics*. 1968. Vol. 21. No. 1. P. 84–107.
- Libman, Obydenkova 2018 – *Libman A., Obydenkova A.V.* Understanding authoritarian regionalism // *Journal of Democracy*. 2018. Vol. 29. No. 4. P. 151–165.
- Lorenzini 2014 – *Lorenzini S.* COMECON and the South in the years of détente: a study on East-South economic relations // *European Review of History: Revue européenne d'histoire*. 2014. Vol. 21. No. 2. P. 183–199.
- Mally 1974 – *Mally G.* Regionalism in Western and Eastern Europe // *World Affairs*. 1974. Vol. 137. No. 1. P. 38–53.
- Mark, Feygin 2020 – *Mark J., Feygin Y.* The Soviet Union, Eastern Europe, and alternative visions of a global economy 1950s – 1980s // *Alternative globalizations: Eastern Europe and postcolonial world* / ed. by J. Mark, A.M. Kalinovsky, S. Marung. Bloomington: Indiana University Press, 2020. P. 35–58.
- Nye 1970 – *Nye J.S.* Comparing common markets: A revised neo-functional model // *International Organization*. 1970. Vol. 24. No. 4. P. 796–835.
- Postel-Vinay 2006 – *Postel-Vinay K.* The historicity of the international region: Revisiting the “Europe and the rest” device // *Geopolitics*. 2006. Vol. 12. No. 4. P. 555–569.

- Schmitter 2005 – *Schmitter P.C.* Ernst B. Haas and the legacy of neofunctionalism // *Journal of European Public Policy*. 2005. Vol. 12. No. 2. P. 255–272.
- Söderbaum 2016 – *Söderbaum F.* Rethinking regionalism. L.: Palgrave Macmillan, 2016. 272 p. (Rethinking world politics)

References

- Acharya, A. (2016), “Regionalism beyond EU-centrism” in Börzel, T.A. and Risse, T., eds., *The Oxford handbook of comparative regionalism*, Oxford University Press, Oxford, UK, pp. 109–130.
- Alekseev, A.M., Vikent'ev, A.I. and Miroshnichenko, B.P. (1975), *Sotsialisticheskaya integratsiya i ee preimushchestva pered kapitalisticheskoi* [Socialist integration and its advantages over capitalist integration], Nauka, Moscow, USSR.
- Bergthun, O.L. and Nielsen, T.T. (1968), “COMECON and EEC: a comparative analysis”, *Res Publica*, vol. 10, no. 3, pp. 407–432.
- Brada, J.C. and Méndez, J.A. (1985), “Economic integration among developed, developing and centrally planned economies: a comparative analysis”, *The Review of Economics and Statistics*, vol. 67, no. 4, pp. 549–556.
- Doležal, M. and Pelikán, D. (1976), “Socialistické společenství členských zemí RVHP a hlavní etapy jeho vývoje”, *Acta Universitatis Carolinae – Iuridica*, no. 1, pp. 3–34.
- Dudinskii, I.V. (1974), “Socialist economic integration and the development of the world socialist system”, *Voprosy istorii*, no. 10, pp. 33–53.
- El Maaly, S.C.A. (2022), “What the analysis of 136 studies from 1960 to 2022 tells us about comparative regionalism studies”, *Economic Issues*, vol. 27, no. 2, pp. 31–85.
- Fawcett, L. (2004), “Exploring regional domains: a comparative history of regionalism”, *International Affairs*, vol. 80, no. 3, pp. 429–446.
- Fawcett, L. (2015), “Drivers of regional integration: historical and comparative perspectives” in Brennan, L. and Murray, P., eds., *Drivers of integration and regionalism in Europe and Asia*, Routledge, Abington, UK, New York, USA, pp. 34–51.
- Frey-Wouters, E. (1969), “The prospects for regionalism in world affairs”, in Falk, R.A. and Black, C.E., ed., *The future of the international legal order. Vol. 1: Trends and Patterns*, Princeton University Press, Princeton, NJ, USA, pp. 463–555.
- Gerőcs, T. and Pinkasz, A. (2018), “Conflicting interests in the Comecon integration: state socialist debates on East-West-South relations”, *East Central Europe*, vol. 45, pp. 336–365.
- Haas, E.B. (1970), “The study of regional integration: reflections on the joy and anguish of pre-theorizing”, *International Organization*, vol. 24, no. 4, pp. 606–646.
- Haas, E.B. and Schmitter, P.C. (1964), “Economics and differential patterns of political integration: projections about unity in Latin America”, *International Organization*, vol. 18, no. 4, pp. 705–737.
- Kaiser, K. (1968), “The interaction of regional subsystems: some preliminary notes on recurrent patterns and the role of superpowers”, *World Politics*, vol. 21, no. 1, pp. 84–107.

- Libman, A. and Obydenkova, A.V. (2018), "Understanding authoritarian regionalism", *Journal of Democracy*, vol. 29, no. 4, pp. 151–165.
- Lipkin, M.A. (2019), *Sovet ekonomicheskoi vzaimopomoshchi: istoricheskii opyt al'ternativnogo global'nogo miroustroistva (1949–1979)* [The Council for Mutual Economic Assistance: a historical experience of the alternative global world order (1949–1979), Ves' mir, Moscow, Russia. (*Mirovaya sistema sotsializma*)
- Lorenzini, S. (2014), "COMECON and the South in the years of détente: a study on East-South economic relations", *European Review of History: Revue Européenne d'histoire*, vol. 21, no. 2, pp. 183–199.
- Mally, G. (1974), "Regionalism in Western and Eastern Europe", *World Affairs*, vol. 137, no. 1, pp. 38–53.
- Mark, J. and Feygin, Y. (2020), "The Soviet Union, Eastern Europe, and alternative visions of a global economy 1950s – 1980s", in Mark, J., Kalinovskiy, A.M. and Marung, S., eds., *Alternative globalizations: Eastern Europe and Postcolonial World*, Indiana University Press, Bloomington, IN, US, pp. 35–58.
- Morozov, V.I. (1972), "A new stage of socialist integration", *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 1, pp. 3–16.
- Nye, J.S. (1970), "Comparing common markets: a revised neo-functionalist model", *International Organization*, vol. 24, no. 4, pp. 796–835.
- Pestsov, S.K. (2006), *Sovremennyy mezhdunarodnyy regionalizm: sravnitel'nyi analiz teorii i praktiki regional'nogo sotrudnichestva i integratsii* [Contemporary international regionalism: a comparative analysis of a theory and practice of regional cooperation and integration], D. Sc. Thesis (Political Science), Saint Petersburg, Russia.
- Pestsov, S.K. (2006), "Regionalism: regions of the world and zones of integration propensity", *POLITEKS*, vol. 2, no. 1, pp. 159–172.
- Postel-Vinay, K. (2006), "The historicity of the international region: revisiting the 'Europe and the Rest' divide", *Geopolitics*, vol. 12, no. 4, pp. 555–569.
- Schmitter, P.C. (2005), "Ernst B. Haas and the legacy of neofunctionalism", *Journal of European Public Policy*, vol. 12, no. 2, pp. 255–272.
- Söderbaum, F. (2016), *Rethinking regionalism*, Palgrave Macmillan, London, UK.

Информация об авторе

Игорь А. Тимошкин, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 191124, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3; tigor98@yandex.ru

Information about the author

Igor A. Timoshkin, postgraduate student, St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; 1/3, Smolny St., Saint Petersburg, Russia, 191124; tigor98@yandex.ru

Раскол православия
и религиозная дискриминация на Украине
(1990-е – первая половина 2020-х гг.)

Максим С. Григорьев

*Российский государственный социальный университет,
Москва, Россия, 79646492606@yandex.ru*

Александр В. Гуцин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, aguschin78@mail.ru*

Александр С. Левченков

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, bohem2001@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы и характер развития церковного раскола православия на Украине, включая процесс дискриминации канонической православной церкви и православных верующих на Украине после 2014 г. Авторы анализируют причины, приведшие к расколу православия на Украине, включая влияние на это явление внутренних и зарубежных акторов. Украинский церковный раскол при этом рассматривается в исторической ретроспективе с выявлением факторов характерных для ситуации вокруг православной церкви на Украине в советский период, в частности в годы перестройки в СССР. Авторы показывают, какое большое значение они имели для развития церковного раскола уже после получения Украиной независимости. Делается вывод о том, что церковная политика украинских властей, осуществляемая при поддержке США и стран ЕС, является элементом их общей антироссийской линии и направлена на массовое ограничение прав и свобод граждан. Отмечается, что по мере усиления евроатлантизма и антироссийской линии Киева, происходила все большая радикализация государственной религиозной политики, перешедшая в открытые гонения на каноническую православную церковь, аресты священнослужителей и захваты храмов.

Ключевые слова: дискриминация, православие, церковный раскол, Русская Православная Церковь, Украина, Украинская Православная церковь

Для цитирования: Григорьев М.С., Гушин А.В., Левченков А.С. Раскол православия и религиозная дискриминация на Украине (1990-е – первая половина 2020-х гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 4. С. 177–198. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-4-177-198

The schism in Orthodoxy and religious discrimination in Ukraine (the 1990s – the first half of the 2020s)

Maksim S. Grigoriev

*Russian State Social University,
Moscow, Russia, 79646492606@yandex.ru*

Aleksandr V. Gushchin

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, aguschin78@mail.ru*

Aleksandr S. Levchenkov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, bohem2011@mail.ru*

Abstract. The article examines the main stages and the nature of the Orthodox schism development in Ukraine, including the process of discrimination against the canonical Orthodox Church and the Orthodox believers in Ukraine after 2014. The authors analyze the causes that led to the schism within Orthodoxy in Ukraine, including the influence of the domestic and foreign actors on this phenomenon. The Ukrainian Church schism is examined from a historical perspective, identifying the factors characteristic of the situation surrounding the Orthodox Church in Ukraine during the Soviet period, particularly during the years of perestroika in the USSR. The authors demonstrate the significant impact those factors had on the development of the church schism after Ukraine gained independence. They conclude that the Ukrainian authorities' church policy, implemented with the support of the United States and the EU countries, is part of their overall anti-Russian line and is aimed at the widespread restriction of the citizens' rights and freedoms. It is noted that as Euro-Atlanticism and Kyiv's anti-Russian line strengthened, the state religion policy became increasingly radicalized, culminating in an open persecution of the canonical Orthodox Church, the arrests of the clergy, and the seizures of churches.

Keywords: discrimination, Orthodoxy, church schism, Russian Orthodox Church, Ukraine, Ukrainian Orthodox Church

For citation: Grigoriev, M.S., Gushchin, A.V. and Levchenkov, A.S., (2026), "The schism in Orthodoxy and religious discrimination in Ukraine (the 1990s – the first half of the 2020s)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 177–198, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-4-177-198

Одной из составляющих политики современной украинской власти стала целенаправленная политика по расколу православию. В настоящее время в рамках этой политики киевским режимом осуществляется комплекс мер по законодательному запрещению Украинской Православной Церкви, фиксируются массовые репрессии в отношении ее священнослужителей и прихожан.

Данные процессы вписываются в общую канву глобальных геополитических трансформаций и региональных конфликтов, важной составляющей которых стал украинский кризис.

Исторические корни раскола

Важным следствием распада древнерусского государства стало разделение обширных территорий, ранее входивших в его состав, между соперничающими субъектами международных отношений, стремящимися поставить под свой контроль и религиозную жизнь. Большое значение для раскола православия в западных и южнорусских землях имело их длительное нахождение в составе Великого княжества Литовского (ВКЛ) и Польского королевства, с 1385 г. объединенных в унию. Формирование Речи Посполитой в результате Люблинской унии 1569 г. привело к передаче под контроль Польши южнорусских земель и попытки их последующей колонизации и окатоличивания.

Усиление Москвы, взявшей на себя роль объединителя древнерусских земель и защитника православия, вызывало сопротивление со стороны польско-литовских соседей, поддерживающих, в том числе, раскол среди православного духовенства и прихожан. С 1458 до 1596 г. в ВКЛ и Речи Посполитой существовала Киевская (или западнорусская) митрополия Константинопольского патриархата. Часть епископата Киевской митрополии в 1596 г. приняла Брестскую унию, предусматривающую подчинение Римской церкви. Униатство использовалось и как инструмент политической и идеологической борьбы польско-литовской шляхты против России. Попытки Речи Посполитой использовать греко-католиков как механизм манипуляции православным населением фактически

провалились, приведя лишь к обострению противоречий на религиозной почве [Дмитриев 2008, с. 4–5].

Следствием воссоединения Левобережной Украины с Россией в XVII в. стала интеграция Киевской митрополии в лоно Московского Патриархата (МП) [Курылев, Станис 2019, с. 967]. Униатская церковь была запрещена на территориях, вошедших в состав России по итогам русско-польской войны 1654–1667 гг. Впоследствии российские самодержцы проводили политику по переходу униатов в православие, а на Полоцком соборе 1839 г. греко-католическое духовенство западнорусских земель упразднило Брестскую унию [Романчук 2017, с. 244–245].

Бурные события эпохи Великой Российской Революции способствовали возрождению идей создания отдельных от МП православных церковных организаций, которые становились частью украинского националистического проекта. Таковой, в частности, оказалась Украинская автономная Православная церковь (УАПЦ), созданная в 1921 г. священником В. Липковским так называемые «самосвяты»¹. В период с 1924 по 1937 г. УАПЦ была ликвидирована советскими властями из-за тесных связей с националистическим движением.

Еще одна неканоническая православная организация возникла на землях, оказавшихся в составе Польши после советско-польской войны, Украинские православные приходы здесь были включены в состав Православной Церкви в Польше, отделившейся от МП и самочинно провозгласившей автокефалию, поддержанную Константинопольским патриархом [Чибисова 2020, с. 132]. Украинские национально-церковные круги в контролируемых ими приходах украинизировали богослужебную практику.

УАПЦ под руководством Поликарпа Сикорского ненадолго возобновила свою деятельность в годы Великой Отечественной войны на оккупированных нацистами территориях и при их содействии. Запятнав себя сотрудничеством с нацистами, УАПЦ одновременно стала одним из инструментов деятельности украинских националистов. Его жертвами стали многие священнослужители, не пожелавшие перейти в УАПЦ [Петрушко 1998, с. 5]. После освобождения СССР частями Красной Армии епископат УАПЦ вместе с нацистами эмигрировал на Запад.

Украинская Греко-Католическая церковь (УГКЦ) накануне и в годы войны также сотрудничала с нацистами, являясь одним

¹ *Петрушко В.И.* Тернистый путь украинского православия // Россия в глобальной политике. 2019. № 1. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ternistyj-put-ukrainskogo-pravoslaviya/> (дата обращения: 15.02.2026).

из инициаторов создания дивизии СС «Галичина», состоявшей из украинских националистов [Григорьев 2023, с. 439]. В истории осталось хвалебное письмо А. Гитлеру униатского митрополита А. Шептицкого от 23 сентября 1941 г. [Григорьев 2023, с. 379]. Открытое пособничество нацистам стало главной причиной упразднения УГКЦ в 1946 г.

В результате освобождения Украинской ССР после войны на ее территории было восстановлено единство Русской Православной церкви (РПЦ). В 1960–1980-х гг. православные приходы на территории УССР составляли заметную часть от общего числа приходов РПЦ. Особенно много их было в западной и центральной части УССР. Западные регионы позже вошли в состав СССР, их не так сильно затронули антицерковные репрессии.

Период перестройки в Советском Союзе сопровождался бурным ростом религиозных чувств и возрождением интереса к религии.

Советские власти дали разрешение на воссоздание УГКЦ, чему содействовали договоренности между папой Иоанном-Павлом II и М.С. Горбачевым 1 декабря 1989 г.² Была создана специальная межцерковная комиссия, в рамках которой МП пытался предотвратить конфликты вокруг церковной собственности, однако униаты очень быстро вышли из комиссии.

Поддержка со стороны Римско-Католической церкви, заинтересованной в восстановлении влияния униатов на Украине и в других советских республиках, была значимым фактором, способствующим активизации деятельности греко-католиков. Наиболее активно поддерживали деятельность униатов националистические политические организации, прежде всего Народный Рух Украины. Еще до распада СССР УГКЦ при попустительстве местных властей обратилась к практике захватов храмов, особенно, во Львовской, Ивано-Франковской и Тернопольской областях, где в ходе захватов униаты угрожали священникам и применяли насилие [Васильева 2000].

В годы поздней перестройки активно стали распространяться идеи автокефалии украинского православия, которая, как и уния, была общим следствием идеологии украинского национализма и сепаратизма [Петрушко 1998, с. 5]. В июне 1990 г. состоялся I Собор неканонической УАПЦ, главой которой с титулом патриарха был избран гражданин США М. Скрыпник, в годы Великой Отече-

² Встреча Михаила Горбачева с папой Иоанном Павлом II в Ватикане (1989) // РИА Новости. 01.12.2014. URL: <https://ria.ru/20141201/1035683980.html> (дата обращения: 18.02.2026).

ственной войны сотрудничающий с оккупационными властями и потому эмигрировавший в Америку, где его идеи оказались востребованы в условиях Холодной войны.

РПЦ, в свою очередь, отказалась признавать раскольников. В то же время Архиерейский Собор РПЦ в январе 1990 г. предоставил Украинскому и Белорусскому Экзархатам широкие автономные права, включая право именоваться Украинской и Белорусской Православными Церквями³.

Процесс распада СССР и приход к власти новых националистических элит на Украине стали триггерами глубокого раскола внутри УПЦ МП, пробудив политические аппетиты предстоятеля УПЦ МП Филарета. В ноябре 1991 г. на Соборе УПЦ МП под давлением Филарета было принято Определение о полной самостоятельности УПЦ и прошение на имя патриарха Алексия II и епископата РПЦ о даровании автокефалии. Но в 1992 г. на Архиерейском соборе в Москве позиция Филарета не получила поддержки, в том числе, и среди большинства украинских архиереев. К этому времени относятся первые попытки сторонников раскола использовать внешний фактор в лице Константинопольского патриарха Варфоломея⁴.

В результате произошедшего раскола Филарет и его сторонники сформировали Украинскую Православную церковь Киевского патриархата (УПЦ КП), которой при поддержке радикальных националистов удалось захватить у УПЦ МП часть приходов, преимущественно, в западных областях Украины. При этом группа противников Филарета среди сторонников автокефалии отделилась от УПЦ КП, объявив о воссоздании УАПЦ. Попытки объединения двух раскольнических структур в 1990-е гг. не увенчались успехом. Обе раскольнические церкви получили официальное признание светских властей в Киеве и официальную государственную регистрацию в первой половине 1990-х гг.

Большая часть архиереев и прихожан УПЦ МП остались на стороне канонической церкви. Новым предстоятелем УПЦ МП был избран митрополит Ростовский и Новочеркасский Владимир (Сабодан). В 1997 г. на Архиерейском соборе РПЦ Филарет был

³ Архиерейский собор Русской Православной Церкви 3–31 января 1990 г. // Православная энциклопедия. 22.02.2009. URL: <https://www.pravenc.ru/text/76508.html> (дата обращения: 10.02.2026).

⁴ Чаусов А. Как украинская власть создавала церковный раскол. Ч. 2 // Русский Союз. 26.11.2022. URL: <https://ru-so.ru/post/aleksandr-chausov%20kak-ukrainskaya-vlast-sozdavala-czerkovnyj-raskol-ch2> (дата обращения: 15.02.2026).

отлучен от Церкви и предан анафеме, что тогда было поддержано и Константинопольским патриархом⁵.

УПЦ МП являлась доминирующей конфессией почти во всех областях Украины. УПЦ КП имела определенное влияние в основном на западе Украины – в Галиции и на Волыни, а также в Киевской и Черкасской областях. Прихожане УАПЦ численно заметно уступали как канонической церкви, так и раскольникам из так называемого киевского патриархата.

В 2004 г. в ходе так называемой Оранжевой революции Филарет публично оспорил результаты выборов и победу на них В. Януковича, обвинив Л. Кучму в фальсификации итогов волеизъявления граждан. По результатам антиконституционного «третьего тура» и «оранжевой революции» президентом стал В. Ющенко, который стал реализовывать сценарий укрепления подконтрольной киевским властям православной церкви, самостоятельной от МП. 12 января 2007 г. Ющенко провел встречу с Филаретом и некоторыми другими «иерархами» УПЦ КП, на которой обсуждались вопросы создания поместной церкви. Глава УПЦ МП митрополит Владимир раскритиковал действия В. Ющенко⁶. Внеочередной Архиерейский собор УПЦ МП в 2007 г. отказался от участия в инициативах украинского президента.

Летом 2009 г. новоизбранный патриарх Московский и всея Руси Кирилл сделал заявление в поддержку существующей системы единства православия на Украине с Московским патриархатом⁷. Впоследствии РПЦ питала надежды на нормализацию положения в церковной сфере после прихода к власти В. Януковича и призывала к преодолению раскола⁸. Однако реальных шагов к урегулированию ситуации украинскими властями сделано не было.

⁵ Варфоломей был согласен с анафемой Филарета, а теперь вдруг ее снял – религиовед // Украина.ру. 26.12.2018. URL: <https://ukraina.ru/20181226/1022215768.html> (дата обращения: 15.02.2026).

⁶ В битвах за единство // Независимая газета. 21.03.2007. URL: https://www.ng.ru/politic/2007-03-21/1_ukrain.html (дата обращения: 18.02.2026).

⁷ Украина получила «настоящий томос» задолго до ПЦУ // РИА Новости. 27.10.2020. URL: <https://ria.ru/20201027/upts-1581650894.html> (дата обращения: 15.02.2026).

⁸ Обращение Священного Синода Русской Православной Церкви к православным христианам Украины, пребывающим вне единства со Святой Церковью // Официальный сайт Московского Патриархата. 25.07.2010. URL: <https://www.patriarchia.ru/article/91941?video=true> (дата обращения: 15.02.2026).

*Углубление церковного раскола
и политика гонений на православную церковь
(2013 – первая половина 2020-х г.)*

Для последующего периода все более характерной становилась дальнейшая радикализация религиозной жизни Украины [Самойлов, Литвинов 2025, с. 331]. Как УГКЦ, так и раскольнические церкви превратились в орудия борьбы националистов и сторонников евроатлантизма с Русским миром на Украине.

В 2013 г., в преддверии событий Евромайдана, мы видим последовательную поддержку идеи евроинтеграции, в частности, подписания Соглашения об ассоциации с Евросоюзом, со стороны целого ряда религиозных организаций. Евроинтеграция рассматривалась ими как исторически обусловленный выбор дальнейшего пути украинского государства и одновременно как средство реализации антирусской политики.

При этом позиция высших церковных сановников УПЦ МП была, наоборот, недостаточно последовательной в поддержке связей с Россией. Налицо было стремление сохранить лояльность политическому руководству Украины. Это проявилось в присоединении в конце сентября 2013 г. главы УПЦ МП митрополита Владимира к обращению к украинскому народу глав религиозных организаций страны, в котором выражалась поддержка курса Киева на европейскую интеграцию⁹. Документ практически сразу вызвал негативную реакцию ряда представителей УПЦ МП, в частности из Свято-Успенского монастыря Донецкой области, раскритиковавших митрополита Владимира за поддержку сближения с ЕС, которое вело к «воинственной пропаганде половых извращений и растлению детей», а также за участие в подписании документа, соавторами которого оказались представители неканонических и сектантских религиозных организаций¹⁰. Глава пресс-службы УПЦ МП Василий Анисимов в интервью «Российской газете» от 8 октября 2013 г. поспешил отметить, что позицию митрополита Владимира не следовало трактовать как поддержку церковью «внецерковной политиче-

⁹ Украинские Церкви идут в Европу без жалоб // Независимая газета. 16.10.2013. URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2013-10-16/5_ukraina.html (дата обращения: 15.02.2026).

¹⁰ Верующие вышли в обращение // Коммерсант. 04.10.2013. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2311544> (дата обращения: 15.02.2026).

ской позиции» Киева, и что сам документ был оформлен в стиле «какого-то шулерства»¹¹.

В соответствии с антирусской традицией и ориентацией на Ватикан Евромайдан с первых дней был активно поддержан главой УГКЦ, в то время находящимся с визитом в Риме¹². Поддержал Евромайдан и Филарет.

Антиконституционный переворот в Киеве в 2014 г. и приход к власти радикальных антирусских сил кардинально изменил соотношение сил между канонической УПЦ МП и раскольническими церковными организациями, которые стали пользоваться полной поддержкой государственного репрессивного аппарата.

Как и у В. Ющенко, у П. Порошенко в религиозной политике главной идеей стала борьба с УПЦ МП с помощью замены ее на подконтрольную украинской власти церковной организации, которая бы получила международное признание и автокефалию¹³. Эта политика пользовалась поддержкой США и ЕС, а также Константинопольского патриархата, в свою очередь находящегося под влиянием Вашингтона. Поддержка раскола православия стала важной задачей противников Москвы, которые видели в этом инструмент снижения не только политического, но и культурного влияния России.

17 апреля 2018 г. П. Порошенко заявил о намерении обратиться к патриарху Варфоломею с призывом об издании Томоса об автокефалии православной церкви на Украине, согласованным и поддержанным высшими церковными сановниками обеих раскольнических церквей¹⁴. Отдел внешних церковных связей УПЦ МП, в свою очередь, выразил протест против данного обращения как несоответствующего Конституции Украины, отде-

¹¹ Украинская православная церковь опровергла поддержание евроинтеграции // Российская газета. 08.10.2013. URL: <https://rg.ru/2013/10/09/upc.html> (дата обращения: 15.02.2026).

¹² Украинские грекокатолики в «майданном процессе» – «Украинство...». Гл. 11 // Регнум. 06.03.2022. URL: <https://regnum.ru/article/2339965> (дата обращения: 15.02.2026).

¹³ Президент Украины: идея автокефалии постоянно находится в центре внимания // Регнум. 15.07.2018. URL: <https://regnum.ru/news/2448510> (дата обращения: 15.02.2026).

¹⁴ Порошенко захотел создания автокефальной церкви на Украине // LENTA.RU. 17.04.2018. URL: <https://lenta.ru/news/2018/04/17/cerkov/> (дата обращения: 15.02.2026).

ляющей церковь от государства и каноническому праву¹⁵. Однако имевшее место нарушение Конституции Украины было проигнорировано как киевским режимом, так и Константинопольским патриархатом.

11 октября 2018 г. Священный синод Константинопольской церкви отменил документ 1686 г. о переходе Киевской митрополии под юрисдикцию МП и снял анафему с глав УПЦ КП и УАПЦ Филарета и Макария¹⁶. Также восстанавливалась ставропигия Вселенского патриархата в Киеве, что давало возможность подчинять монастыри, храмы, духовные школы и братства непосредственно Константинополю и заявлялось о подготовке томоса об автокефалии украинской церкви¹⁷. В ответ на это Священный синод РПЦ заявил о прекращении евхаристического общения с Вселенским патриархатом в Константинополе¹⁸.

15 декабря 2018 г. в Киеве состоялся так называемый «объединительный собор», на котором была учреждена новая Православная церковь Украины (ПЦУ), в состав которой вошли священники и приходы УПЦ КП и УАПЦ, объявивших о самороспуске¹⁹. Главой новой церковной организации был избран митрополит Епифаний Думенко, выходец из УПЦ КП.

В ходе подготовки к «объединительному собору» команда П. Порошенко активно оказывала давление на представителей УПЦ МП, стремясь вызвать раскол, хотя результаты их усилий были довольно скромными. Священный Синод УПЦ МП не признал раскольнический собор и его решения²⁰. Томос о предостав-

¹⁵ Украинская Церковь: Обращение президента и Рады к Вселенскому Патриарху – превышение власти // Правмир. 21.04.2018. URL: <https://www.pravmir.ru/ukrainskaya-tserkov-obrashhenie-prezidenta-i-radyi/> (дата обращения: 15.02.2026).

¹⁶ Синод в Стамбуле отменил документ о передаче Киевской митрополии Московскому патриархату // Interfax.ru. 11.10.2018. URL: <https://www.interfax.ru/world/632991> (дата обращения: 15.02.2026).

¹⁷ Там же.

¹⁸ РПЦ разорвала отношения с Константинопольским патриархатом // РИА.Новости.ру. 15.10.2018. URL: <https://ria.ru/20181015/1530711825.html> (дата обращения: 15.02.2026).

¹⁹ «Как на Майдане»: чем обернется «объединительный собор» для Украины // РИА.Новости. 16.12.2018. URL: <https://ria.ru/20181215/1548049422.html> (дата обращения: 15.02.2026).

²⁰ Обращение Священного Синода УПЦ к архипастырям, пастырям, монашествующим и верующим // Православие.ру. 17.12.2018. URL: <https://pravoslavie.ru/117983.html> (дата обращения: 15.02.2026).

лении автокефалии для ПЦУ был подписан Константинопольским патриархом 5 января 2019 г. в Стамбуле²¹.

Интересно, что проект ПЦУ вызвал интерес у УГКЦ. Между двумя церквями в 2019 г. даже были начаты переговоры об углубленном сотрудничестве²². Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в том же году охарактеризовал позицию УГКЦ как инспирирующую межрелигиозный конфликт²³.

Интересно отметить, что ПЦУ была значительно ограничена в собственных правах и фактически контролировалась Константинополем. Например, томос запрещал ПЦУ самостоятельно производить святое миро для богослужений, основывать приходы за пределами страны, устанавливал правило консультироваться с Константинополем по значимым вопросам церковного, догматического или канонического характера²⁴. Фактически документ ввел внешнее управление украинской раскольнической церковью по аналогии с внешним управлением киевского режима со стороны западных стран.

Репрессивная политика Киева по отношению к УПЦ МП и создание новой неканонической церковной организации – ПЦУ при прямой поддержке Константинопольского Патриархата и западных партнеров Украины стали беспрецедентным вызовом для РПЦ и всего русского православия. Было поставлено под угрозу единство РПЦ с входящими в его структуру национальными автономными православными церквями [Лункин 2020, с. 155].

ПЦУ, по замыслу украинского политического руководства и западных стран, должна была стать, с одной стороны, инструментом борьбы с МП и российским влиянием в принципе, с другой – обеспечить объединение раскольнических церковных организаций под единым управлением. В реальности ПЦУ оказалась способна выполнить лишь первую функцию.

²¹ Константинопольский патриарх предоставил независимость новой украинской церкви // Коммерсант. 05.01.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3849260> (дата обращения: 15.02.2026).

²² «Не оказаться в полной пустоте» // RT на русском. 13.05.2019. URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/630751-ukraina-religia-raskol-uniaty> (дата обращения: 15.02.2026).

²³ Патриарх Кирилл обвинил греко-католиков в усугублении церковного кризиса на Украине // ТАСС. 30.10.2019. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7061897> (дата обращения: 15.02.2026).

²⁴ «Жесткая зависимость и ограничение церковных прав»: на каких условиях Киев получил автокефалию // RT на русском. 07.01.2019. URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/590170-kiev-posledstviya-avtokefalii-cerkvi> (дата обращения: 15.02.2026).

Добиться полного объединения раскольнических церквей под эгидой ПЦУ украинским светским властям, по крайней мере, в течение рассматриваемого периода не удалось. Получивший после «объединительного собора» статус «почетного патриарха» Филарет уже в июне 2019 г. заявил о непризнании томоса как документа, поставившего украинскую церковь в зависимость от Константинополя, и 20 июня поместный собор УПЦ КП, на который собрались сторонники «киевского патриарха», отменил решение о своей ликвидации²⁵. В результате УПЦ КП во главе с Филаретом продолжила свою деятельность, хотя и в ограниченном масштабе, причем она оказалась в непризнанном статусе не только у канонических поместных церквей, но и в самой Украине²⁶.

УПЦ МП с 2014 г. стала восприниматься Киевом как сила, мешающая киевскому режиму утвердить режим монопольной власти, а также попыткам по подчинению Донбасса, не признавшего пришедших к власти в результате антиконституционного переворота.

Митрополит Онуфрий, возглавивший в 2014 г. УПЦ МП после смерти митрополита Владимира, выступал против карательной операции ВСУ на Донбассе (так называемой АТО), называя этот вооруженный конфликт гражданской войной и призывая к его немедленному прекращению²⁷. Это резко контрастировало с позицией раскольнических церквей, в том числе главы УПЦ КП Филарета, прямо призывавшего к уничтожению населения Донбасса за его политический выбор²⁸.

В результате волны политических рестрикций и репрессий единственной легальной политической силой, представленной в Верховной Раде VIII созыва (2014–2019 гг.) и в определенной мере

²⁵ Собор раскольнического Киевского патриархата не признал постановление о ликвидации УПЦ КП // ТАСС. 20.06.2019. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6571604> (дата обращения: 15.02.2026).

²⁶ Минкульт Украины подтвердил упразднение Киевского патриархата // Российская газета. 31.07.2019. URL: <https://rg.ru/2019/07/31/minkult-ukrainy-podtverdil-uprazhdenie-kievskogo-patriarhata.html> (дата обращения: 15.02.2026).

²⁷ «Это война – гражданская»: Митрополит Онуфрий о войне на Донбассе // Православие.ру. 17.06.2015. URL: <https://pravoslavie.ru/80748.html> (дата обращения: 15.02.2026).

²⁸ Киевский лжепатриарх Филарет оправдал геноцид населения Донбасса // Российская газета. 07.11.2016. URL: https://rg.ru/2016/11/07/kijskij-lzhepatriarh-filaret-opravdal-genocid-naseleniia-donbassa.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 15.02.2026).

поддерживающей УПЦ МП, был Оппозиционный блок²⁹, который вскоре был ликвидирован.

Киев взял курс на поэтапную ликвидацию УПЦ МП. В этих целях применялись как открытое насилие и захваты храмов, так и аресты и запугивания священников, репрессии, а также разнообразные средства политического и экономического давления, так и открытое насилие. Приходы УПЦ МП активно захватывались и перерегистрировались на раскольников [Лункин 2018, с. 196]. Орудиями захвата нередко выступали боевики радикальных националистических организаций, а против прихожан, пытавшихся оказывать им сопротивление, применялись насильственные действия³⁰. По некоторым оценкам, только за период 2014–2017 гг. около 40 приходов УПЦ МП были захвачены националистами при поддержке местных властей и перерегистрированы на раскольников [Лункин, Иванова 2018, с. 248]. Инструментом пропаганды против УПЦ МП стали обвинения ее в «непатриотичности» и управлении «рукой Москвы».

И во второй половине 2010-х гг. УПЦ МП оставалась самой массовой религиозной организацией на Украине. Так, по состоянию на 1 января 2016 г. УПЦ МП насчитывала 12 660 приходов (для сравнения: УПЦ КП – 5074, УГКЦ – 3534, УАПЦ – 1231) [Назарова и др. 2022, с. 131].

В связи с этим киевский режим стал переходить к законодательным нормам, направленным на прямой запрет и ограничение деятельности УПЦ МП. Последовательно принимались законы дискриминационного характера по отношению к каноническому православию³¹.

Президентские и парламентские выборы на Украине в 2019 г. и приход к власти Владимира Зеленского и «Слуги народа» не привели к смягчению государственной политики в религиозной сфере.

²⁹ «Оппозиционный блок» попросил Вселенского патриарха поддержать УПЦ // РИА Новости. 19.04.2018. URL: <https://ria.ru/20180419/1519022403.html> (дата обращения: 15.02.2026).

³⁰ Верующие отбили храм, захваченный «Правым сектором» на западе Украины // РИА Новости. 29.12.2014. URL: <https://ria.ru/20141229/1040731020.html> (дата обращения: 15.02.2026).

³¹ О противоправных действиях киевского режима в отношении Украинской православной церкви (УПЦ), ее священнослужителей и прихожан (Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации) // Сайт МИД РФ. 29.01.2025. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/doklady/1993260/#%D0%A0%D0%B0%D0%B7%D0%B4%D0%B5%D0%BB%201 (дата обращения: 15.02.2026).

Новая президентская администрация действовала в соответствии с интересами внешних патронов в Вашингтоне, Лондоне и Брюсселе, которые рассматривали ослабление позиций русского православия на Украине как часть стратегии по дальнейшему подрыву позиций России в регионе. Продолжение политики притеснения УПЦ МП последовательно осуждалось со стороны Москвы. Президент России Владимир Путин в июне 2021 г. в статье «Об историческом единстве русских и украинцев» отметил, что украинские власти «ударили и по нашему духовному единству. Как и во времена Великого Княжества Литовского, затеяли новое церковное размежевание. Не скрывая, что преследуют политические цели, светские власти грубо вмешались в церковную жизнь и довели дело до раскола, до захвата храмов, избиения священников и монахов...»³².

После начала Специальной военной операции киевский режим перешел к открытому террору по отношению к УПЦ МП³³. В нарушение Конституции Украины от УПЦ МП требовали полного разрыва связей с Московским Патриархатом.

Под прямыми угрозами полного запрещения 27 мая 2022 г. поместный собор УПЦ МП принял дополнения и изменения в Устав об управлении, «свидетельствующие о полной самостоятельности и независимости Украинской Православной Церкви», а также выразил несогласие с позицией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла по вопросу специальной военной операции (именуемой в документах собора «войной в Украине»)³⁴. Кроме того, собор, согласно постановлению, «имел соображения о восстановлении миротворения в Украинской Православной Церкви» (решение об этом было принято 23 ноября 2022 г.), а также заявил о необходимости создания зарубежных приходов³⁵. УПЦ пошла по пути утверждения автокефалии.

³² Путин В.В. Об историческом единстве русских и украинцев // Президент России. 12.07.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/articles/66181> (дата обращения: 18.02.2026).

³³ СБУ предъявила обвинения патриарху Кириллу // Московский комсомолец. 04.11.2023. URL: <https://www.mk.ru/politics/2023/11/04/sbu-predyavila-obvineniya-patriarkhu-kirillu.html> (дата обращения: 15.02.2026).

³⁴ Собор Украинской Православной церкви объявил о ее полной независимости // Русская вера. 30.05.2022. URL: https://ruvera.ru/news/sobor_upc_2022 (дата обращения: 15.02.2026).

³⁵ Собор Украинской Православной церкви объявил о ее полной самостоятельности и независимости // Азбука новостей. 27.05.2022. URL: <https://azbyka.ru/news/sobor-ukrainskoj-pravoslavnoj-cerkvi-objavil-o-ee-polnoj-samostojatelnosti-i-nezavisimosti> (дата обращения: 15.02.2026).

Действия УПЦ были многими восприняты в России как прямой путь к расколу³⁶. Предупреждение о возможности раскола в УПЦ было озвучено и на очередном заседании Священного синода Русской Православной Церкви 7 июня 2022 г.³⁷ Однако в целом позиция Московского Патриархата носила взвешенный характер – Патриарх Кирилл отметил, что с пониманием относится к действиям Онуфрия и его епископата в тех сложных условиях, в которых они находились³⁸.

Целый ряд епархий УПЦ заявили о решении остаться под омофором Патриарха Московского и всея Руси (в частности, Симферопольская и Крымская, Феодосийская, Донецкая, Луганская, Горловская и Славянская, Ровеньковская и Свердловская, Джанкойская)³⁹. На Священном синоде Крымские епархии были приняты в прямое управление РПЦ, была учреждена Крымская митрополия, впоследствии к РПЦ были присоединены и зарегистрированы в России другие епархии, выразившие соответствующее желание⁴⁰. Это стало закономерным результатом изменения политических границ России и Украины, произошедшего в период с 2014 по 2022 г.

В то же время в условиях продолжающихся боевых действий и при одобрении западных союзников Киева преследования УПЦ и его священников стали носить массовый характер как со стороны киевского режима, так и со стороны боевиков националистических организаций Украины. В докладе Министерства иностранных дел

³⁶ *Друзь И.* Еще не раскол, но уже трещина // Рен-ТВ. 30.05.2022. URL: <https://ren.tv/blog/igor-druz/981380-eshche-ne-raskol-no-uzhe-treshchina> (дата обращения: 15.02.2026).

³⁷ Синод РПЦ назвал решения УПЦ угрозой раскола: Как связаны действия Украинской православной церкви и отставка митрополита Илариона // РБК. 07.06.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/06/2022/629f3f899a794716964957fd> (дата обращения: 15.02.2026).

³⁸ Патриарх Кирилл сказал, что с пониманием относится к решениям руководства УПЦ // Интерфакс. 29.05.2022. URL: <https://www.interfax.ru/russia/843501> (дата обращения: 15.02.2026).

³⁹ Религиовед разъяснил суть передачи крымских епархий УПЦ патриарху Кириллу // Известия. 07.06.2022. URL: <https://iz.ru/1346262/2022-06-07/religioved-raziasnil-sut-peredachi-krymskikh-eparhii-uptyc-patriarkhu-kirollu> (дата обращения: 15.02.2026).

⁴⁰ «Большое историческое событие»: епархии Донбасса зарегистрированы по законам России // RT на русском. 14.07.2023. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/1174467-eparhii-donbass-rpc> (дата обращения: 15.02.2026).

России констатируется «активное соучастие и ведущая роль Вашингтона в разжигании церковного кризиса на Украине», направленного на «ослабление влияния России в этом регионе»⁴¹.

В этом же докладе приводятся многочисленные факты репрессий в отношении УПЦ и дискриминации верующих⁴².

На временно контролируемых Украиной территориях Донбасса киевский режим перешел к прямому террору по отношению к священнослужителям. Показательным здесь является обширный корпус свидетельств, собранных Международным общественным трибуналом по преступлениям украинским неонацистов. Иеромонах Феофан, например, из Святого Успенского Николо-Васильевского монастыря Донецкой епархии рассказывает о том, как СБУ подвергало его пыткам в Мариуполе в 2015 г.: «В 2015-м за мной в монастырь приехали сотрудники СБУ и без предъявления каких-либо бумаг забрали ноутбук, забрали то, что им там понравилось и повезли меня в Мариуполь. Избивали битой сначала, а потом дубинкой по коленям, по почкам, по печени били. Положили на пол, сверху поставили скамейку, сел боец, меня между ног зажал. И положили тряпку на лицо и начали поливать водой... Третий день последним аккордом мне шокер сюда в ногу приставили к ноге, прижали меня два человека, как-то меня сжали, и так, чтобы я не дергался. И в общем-то разрядили в меня шокер полностью, пока он не сел»⁴³.

Православные храмы также подвергались прицельным ударам со стороны Вооруженных сил Украины. Задокументированные данные об этом также в настоящее время доступны исследователям. Приведем свидетельство священника Храма иконы Державной богоматери Иоанн Карпенко, пострадавшего от преступлений ВСУ в г. Курахово, зафиксированное Международным общественным трибуналом по преступлениям украинским неонацистов: «Мой отец – отец Петр, настоятель Храма иконы Державной Богоматери. Сейчас купола, побитые с западной стороны, т. е. украинцы обстреливали церковь. Говорят, танк бил. Сбросы с дронов были.

⁴¹ О противоправных действиях киевского режима в отношении Украинской православной церкви (УПЦ), ее священнослужителей и прихожан (Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации) // Сайт МИД РФ. 29.01.2025. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/doklady/1993260/#%D0%A0%D0%B0%D0%B7%D0%B4%D0%B5%D0%BB%201 (дата обращения: 15.02.2026).

⁴² Там же.

⁴³ Воспоминания иеромонаха Феофана // Архив Григорьева М.С. URL: <https://t.me/grigorievarchive/1194> (дата обращения: 08.03.2026).

По-моему, шесть сбросов было, хотели еще спалить нашу машину. Украинским сбросом ранило отца и еще одного парня, которые вместе на велосипеде ехали, причащали уже умирающую женщину. Отцу две ноги повредило и две руки повредило. Прямо возле храма, на улице, на дороге их ранило. И в этот день ранило еще, по-моему, двоих или троих людей»⁴⁴. Валентина Белецкая, пострадавшая от преступлений ВСУ из г. Красноармейск свидетельствует: «На нашей улице жил батюшка. ВСУ все время охотились за этой машиной. Батюшка служил в Святогоровке, село Добропольский район, а возвращался домой, сюда, на Пушкина. И они эту машину выпасли и беспилотником сожгли машину. Батюшка православный московского патриархата, жил в селе Святогоровка... А только они съехали, и рано утром прилетела украинская ракета по их дому, все сожгли. Он никогда не скрывал, что он Московского патриархата»⁴⁵.

Синод УПЦ, состоявшийся в апреле 2024 г., заявил о том, что около 1,5 тысяч ее храмов было прямо захвачено раскольниками из ПЦУ, а органы местного самоуправления по указанию киевского режима принимали незаконные решения о запрете пользования имуществом религиозными организациями УПЦ⁴⁶. В мае 2025 г. Госслужба Украины по этнополитике и свободе обнародовала данные о том, что с января 2019 г. более 1900 общин УПЦ были перерегистрированы в ПЦУ⁴⁷, что подтверждало их предыдущий захват.

28 июня 2023 г. Управление Верховного комиссара ООН по правам человека выпустило специальный «Обзор ситуации с правами человека в Украине», в котором выражалось беспокойство «тем, что совокупное влияние действий правительства, направленных против Украинской Православной церкви, может быть дискриминационным»⁴⁸. В документе приводились многочисленные факты

⁴⁴ Воспоминания Иоанна Карпенко // Архив Григорьева М.С. URL: <https://t.me/grigorievarchive/1192> (дата обращения: 08.03.2026).

⁴⁵ Воспоминания Валентины Белецкой // Архив Григорьева М.С. URL: <https://t.me/grigorievarchive/1175> (дата обращения: 08.03.2026).

⁴⁶ В УПЦ назвали число храмов, захваченных раскольниками // РИА Новости. 11.04.2024. URL: <https://ria.ru/20240411/raskolniki-1939310408.html> (дата обращения: 15.02.2026).

⁴⁷ Что известно о притеснениях Украинской православной церкви // ТАСС. 28.08.2025. URL: <https://tass.ru/info/19063569> (дата обращения: 15.02.2026).

⁴⁸ В ООН обеспокоены дискриминационным характером действий властей Украины против Украинской Православной Церкви // Православие.ру. 28.06.2023. URL: <https://pravoslavie.ru/154513.html> (дата обращения: 15.02.2026).

обысков в храмах и других церковных объектах, арестах священнослужителей, выходящих за рамки полномочий местных органов власти запретов деятельности УПЦ со стороны многих городских и областных советов. Мониторинговая миссия ООН по правам человека в Украине задокументировала всплеск «языка ненависти» и случаи насилия против членов канонической Церкви⁴⁹.

29 марта 2023 г. киевский режим принял решение о захвате Киево-Печерской лавры УПЦ и передаче ее ПЦУ. С весны 2023 г. киевский режим и раскольническая ПЦУ при поддержке украинских спецслужб и боевиков националистических организаций последовательно выгоняли из лавры священников. 18 февраля 2026 г. председатель синодального отдела по взаимоотношениям с обществом и СМИ МП Владимир Легойда заявил о попытке Киева «открыто и методично» уничтожить каноническую церковь⁵⁰.

20 августа 2024 г. Верховная рада Украины приняла закон о запрете деятельности религиозных организаций, связанных с РПЦ⁵¹. В августе 2025 г. Украинская государственная служба по этнополитике и свободе совести признала УПЦ связанной с РПЦ⁵². С этого момента украинское законодательство фактически содержало норму о запрете наиболее крупной религиозной организации страны и открыло киевскому режиму дорогу к окончательной ликвидации канонической православной церкви на Украине с применением широкого арсенала силовых методов против священнослужителей и прихожан.

Одновременно Киев предпринимал попытки укрепить международное положение ПЦУ. В частности, в 2024 г. В. Зеленский через послов Вселенского патриарха Варфоломея передал предложение о повышении статуса ПЦУ до патриархата⁵³. Углублялся и конфликт в отношениях между Московской и Константино-

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ В РПЦ обвинили Киев в попытке уничтожить каноническую УПЦ // РИА Новости. 18.02.2026. URL: <https://ria.ru/20260218/lego-jd-2075338078.html> (дата обращения: 15.02.2026).

⁵¹ Заживут не по канонам // Коммерсант. 20.08.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6905574> (дата обращения: 15.02.2026).

⁵² Власти Украины признали УПЦ связанной с Русской православной церковью // Ведомости. 28.08.2025. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2025/08/28/1134836-gosetnopolitiki-priznala-upts> (дата обращения: 15.02.2026).

⁵³ Зеленский попросил Константинополь поднять статус ПЦУ до патриархата // РИА Новости. 22.09.2024. URL: <https://ria.ru/20240922/tserkov-1974053012.html> (дата обращения: 15.02.2026).

польской патриархиями. 24 августа 2023 г. Священный Синод РПЦ утвердил документ «Об искажении православного учения о Церкви в деяниях иерархии Константинопольского Патриархата и выступлениях его представителей», в котором критиковались «экслезисологическая концепция Константинопольского Патриархата, а также практические неправомерные и незаконные действия, предпринятые в порядке внедрения указанной концепции в современную церковную жизнь»⁵⁴. В свою очередь, Константинополь приступил к разработке плана создания на Украине временного экзархата⁵⁵, который в случае реализации данного проекта мог бы использоваться для усиления влияния Вселенского Патриархата на украинскую церковь.

Заключение

Проведенный анализ показал, что раскол в украинском православии стал результатом комплекса внутренних и внешних факторов, имея при этом и серьезные исторические предпосылки.

Процесс распада СССР стал индикатором не только политического и экономического кризиса, но и серьезного кризиса в социокультурной сфере и идентитарных трансформаций. Религиозный раскол на Украине в конце 80 – начале 90-х годов XX в. стал отражением этого процесса. Его развитие было обусловлено во многом позицией властей Украины, стремящихся обеспечить себе посредством поддержки раскольнической церкви дополнительный инструмент для разрушения связей с Россией и выстраивания антироссийского государственного проекта.

В дальнейшем церковный раскол оставался важнейшей чертой социальной жизни украинского общества и внутривнутриполитических процессов на Украине. После победы в президентских выборах В. Ющенко в результате противоречащего украинского законодательству «третьего тура» и особенно после государственного пере-

⁵⁴ Об искажении православного учения о Церкви в деяниях иерархии Константинопольского Патриархата и выступлениях его представителей // Отдел внешних церковных связей московского патриархата. 24.08.2023. URL: <https://mospat.ru/ru/documents/90905-ob-iskazhenii-pravoslavnogo-ucheniya-o-tserkvi-v-deyaniyakh-ierarkhii-konstantinopolskogo-patriarkha/> (дата обращения: 15.02.2026).

⁵⁵ Константинополь готовит экзархат для УПЦ // Независимая газета. 18.11.2025. URL: https://www.ng.ru/facts/2025-11-18/9_607_exarchate.html (дата обращения: 15.02.2026).

ворота 2014 г. поддержка неканонических церковных организаций только усиливалась, перейдя в фазу религиозной дискриминации.

Не менее важным фактором стал внешний – активное участие в процессах православного раскола внешних игроков из числа стран коллективного Запада и аффилированных с ним структур (Константинопольский патриархат), которые напрямую лоббировали и поддерживали предоставление автокефального статуса ПЦУ.

Неотъемлемой чертой осуществляемого современным киевским режимом раскола православия являются гонения на УПЦ (МП) и ее священников, массовое насилие над священнослужителями и прихожанами канонической православной церкви, а также захваты храмов.

Литература

- Васильева 2000 – *Васильева О.Ю.* Проблемы прозелитизма в России конца XX века // Исторический вестник. 2000. № 9–10. URL: <http://www.orthohetero.ru/index.php/history/273> (дата обращения: 18.02.2026).
- Григорьев 2023 – *Григорьев М.С. и др.* История Украины. М.: Международные отношения, 2023. 648 с.
- Дмитриев 2008 – *Дмитриев М.В.* Религиозные войны в Речи Посполитой? К вопросу о последствиях Брестской унии 1596 г. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 1 (3). С. 3–22.
- Курылев, Станис 2019 – *Курылев К.П., Станис Д.В.* Церковный раскол на Украине как следствие государственного переворота в феврале 2014 г. // *Постсоветские исследования*. 2019. Т. 2. № 2. С. 963–981.
- Лункин 2018 – *Лункин Р.Н.* Политическая ситуация на Украине в свете церковного раскола // *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2018. № 6. С. 196–202.
- Лункин 2020 – *Лункин Р.Н.* Влияние украинского фактора на внешнюю политику Русской Православной Церкви // *Современная Европа*. 2020. № 4. С. 155–164.
- Лункин, Иванова 2018 – *Лункин Р.Н., Иванова В.А.* Религиозная политика в условиях российско-украинского кризиса // *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2018. № 2. С. 245–252.
- Назарова и др. 2022 – *Назарова Т.П., Редькина О.Ю., Руднева А.А., Иванов В.А.* Православные церкви Украины в условиях политических изменений 2014–2022 гг. // *Современная научная мысль*. 2022. № 3. С. 130–134.
- Петрушко 1998 – *Петрушко В.И.* Автокефалистские расколы на Украине в постсоветский период 1989–1997. М.: Св.-Тихоновский богословский ин-т, 1998. 96 с.
- Романчук 2017 – *Романчук А.* Предпосылки упразднения унии в российской империи в 1839 г. // *Труды Минской духовной академии*. 2017. № 14. С. 243–271.

- Самойлов, Литвинов 2025 – *Самойлов С.Ф., Литвинов А.А.* Грекокатолическая интерпретация теологии Майдана // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31. № 3 (98). С. 330–337.
- Чибисова 2020 – *Чибисова А.А.* Патриарх Тихон и автокефалия польской православной церкви 1924 г. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2020. Вып. 95. С. 118–141.

References

- Chibisova, A.A. (2020), “Patriarch Tikhon and the autocephaly of the Polish Orthodox Church in 1924”, *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, iss. 95, pp. 118–141.
- Dmitriev, M.V. (2008), “Religious wars in the Polish-Lithuanian Commonwealth? On the issue of the consequences of the Union of Brest in 1596”, *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, vol. 3, no. 1, pp. 3–22.
- Grigoriev, M.S. et. al (2023), *Istoriya Ukrainy* [History of Ukraine], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, Russia.
- Kurylev, K.P. and Stanis, D.V. (2019), “The Church schism in Ukraine as the consequence of the coup d’etat in February 2014”, *Postsoverskie issledovaniya*, vol. 2, no. 2, pp. 963–981.
- Lunkin, R.N. (2018), “The political situation in Ukraine in the light of the Church schism”, *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN*, no. 6, pp. 196–202.
- Lunkin, R.N. (2020), “The influence of the Ukrainian factor on the foreign policy of the Russian Orthodox Church”, *Contemporary Europe*, no. 4, pp. 155–164.
- Lunkin, R.N. and Ivanova, V.A. (2018), “Religious policy in the context of the Russian-Ukrainian crisis”, *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN*, no. 2, pp. 245–252.
- Nazarova, T.P., Redkina, O.Yu., Rudneva, A.A. and Ivanov, V.A. (2022), “Orthodox churches of Ukraine in the conditions of the political changes in 2014–2022”, *Sovremennaya nauchnaya mysl'*, no. 3, pp. 130–134.
- Petrushko, V.I. (1998), *Avtokefalistskie raskoly na Ukraine v postsoverskii period 1989–1997* [The autocephalous schisms in Ukraine during the Soviet period 1989–1997], Svyato-Tikhonovskii bogoslovskii institut, Moscow, Russia.
- Romanchuk, A. (2017), “Prerequisites for the abolition of the Union of Brest in the Russian Empire in 1839”, *Trudy Minskoi dukhovnoi akademii*, no. 14, pp. 243–271.
- Samoilov, S.F. and Litvinov, A.A. (2025), “The Greek Catholic interpretation of the theology of the Maidan”, *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii*, vol. 31, no. 3 (98), pp. 330–337.
- Vasileva, O.Yu. (2000), “Problems of proselytism in Russia at the end of the 20th century”, *Istoricheskii vestnik*, no. 9–10, available at: <http://www.ortho-hetero.ru/index.php/history/273> (Accessed 18 Feb. 2026).

Информация об авторах

Максим С. Григорьев, кандидат политических наук, профессор, Российский государственный социальный университет, Москва, Россия; 129226, Россия, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1; 79646492606@yandex.ru

Александр В. Гушин, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; aguschin78@mail.ru

Александр С. Левченков, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; bohem2001@mail.ru

Information about the authors

Maksim S. Grigoriev, Cand. of Sci. (Political Science), professor, Russian State Social University, Moscow, Russia; 4-1, Wilhelm Pieck St., Moscow, Russia, 129226; 79646492606@yandex.ru

Aleksandr V. Gushchin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; aguschin78@mail.ru

Aleksandr S. Levchenkov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; bohem2001@mail.ru

Совершенствование системы здравоохранения Королевства Саудовская Аравия в соответствии с программой «Видение 2030»

Вячеслав В. Ахмадуллин
*Московский исламский институт,
Москва, Россия, vyacheslav.akhmadullin@yahoo.com*

Аннотация. Цель статьи – выявление результатов совершенствования системы здравоохранения Королевства Саудовская Аравия (КСА), проводимого в рамках реализации программы комплексного стратегического развития «Видение 2030» для подготовки рекомендаций по взаимодействию систем здравоохранения Королевства и России. В статье анализируются мероприятия по совершенствованию системы здравоохранения КСА. Рассматривается нормативно-правовая база, регулирующая медицинскую отрасль. Особое внимание уделяется динамичному развитию цифровых технологий в здравоохранении: телемедицине, ведению электронных медицинских карт, применению искусственного интеллекта (ИИ) в диагностике, что способствует расширению охвата медицинскими услугами, включая удаленные населенные пункты. Анализируются объемы финансирования здравоохранения и социального развития, а также роль Национальной программы медицинского страхования, ориентированной на оплату по результатам оказания медицинской помощи. В контексте программы «Видение 2030» исследуются результаты реализации национальной стратегии в области биотехнологий. Предложены рекомендации на основе анализа взаимодействия КСА и РФ в области здравоохранения.

Ключевые слова: Королевство Саудовская Аравия, система здравоохранения, технологии, цифровизация, «Видение 2030», Российская Федерация

Для цитирования: Ахмадуллин В.В. Совершенствование системы здравоохранения Королевства Саудовская Аравия в соответствии с программой «Видение 2030» // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 4. С. 199–225. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-4-199-225

Enhancing the healthcare system of the Kingdom of Saudi Arabia in accordance with “Vision 2030”

Vyacheslav V. Akhmadullin

Moscow Islamic Institute,

Moscow, Russia, vyacheslav.akhmadullin@yahoo.com

Abstract. The purpose of the article is to identify the results of healthcare system improvements in the Kingdom of Saudi Arabia (KSA), carried out within the framework of the comprehensive strategic development program “Vision 2030”, so as to elaborate recommendations for the interaction between the healthcare systems of the Kingdom and the Russian Federation. The article analyzes the measures to improve the KSA’s healthcare system. The regulatory framework governing the medical sector is examined. Special attention is paid to the dynamic development of digital technologies in healthcare: telemedicine, the use of electronic medical records, the application of artificial intelligence (AI) in diagnostics, which contributes to the expansion of medical services coverage, including remote settlements. The paper scrutinizes the volume of health and social development funding, as well as the role of the National Health Insurance Program, based on a result-oriented medical care model. Within the context of the “Vision 2030” program, the results of the implementation of the national biotechnology strategy are investigated. Suggested recommendations are grounded on the analysis of the interaction between the KSA and the Russian Federation in the field of healthcare.

Keywords: Kingdom of Saudi Arabia, healthcare system, technology, digitalization, Vision 2030, Russian Federation

For citation: Akhmadullin, V.V. (2026), “Enhancing the healthcare system of the Kingdom of Saudi Arabia in accordance with ‘Vision 2030’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 199–225, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-4-199-225

Введение

Актуальность исследования определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, эффективная система здравоохранения является фундаментальным компонентом национальной безопасности, обеспечивающим устойчивое развитие и стабильность государства. Во-вторых, специалисты, аффилированные с ближневосточными и западными вузами и исследовательскими центрами, показывают различные аспекты реформирования системы здравоохранения

после принятия в 2016 г. «Видения 2030». Они анализируют успехи и проблемы этой системы в подготовке и работе кадров, внедрения новых технологий, рисках, связанных с приватизацией, ростом количества пожилых людей, увеличивающимся числом паломников [Alharbi 2018; Chowdhury, Mok, Leenen 2021; Alfawaz et al. 2022; Alasiri, Mohammed 2022; Ali et al. 2023; Al-Nozha 2024; Alhumaid et al. 2024; Awadh et al. 2024; Nair et al. 2024; Alharbi et al. 2025; Al-Anezi 2025; Kattan, Alshahrani 2025; Hashish, Alnajjar 2025]. В-третьих, изучение опыта КСА, сочетающего цифровизацию, развитие государственно-частного партнерства, борьбу с пандемией и т. п., представляет практический интерес для развития системы здравоохранения РФ. В-четвертых, имеющиеся работы российских авторов затрагивают отдельные направления модернизации здравоохранения в КСА с 2016 г. [Ахмадуллин 2025; Бибикова 2019].

Поэтому научная новизна исследования заключается в анализе статистических данных в привязке к макроэкономическому контексту, в представлении научному сообществу России документов саудовских и международных организаций, научных работ зарубежных авторов, показе успехов и проблем модернизации здравоохранения КСА, а также авторских выводов, предложений и рекомендаций по укреплению отношений РФ и КСА через взаимовыгодное сотрудничество в области здравоохранения.

Методология исследования

Для достижения поставленной цели предлагается комплексный подход, сочетающий несколько исследовательских методов. Через призму источниковедческого анализа были изучены основополагающие документы по развитию системы здравоохранения КСА. В анализируемую базу вошли прежде всего следующие документы: «Основной закон правления» (1992), «Закон о здравоохранении» (2002), стратегия «Видение 2030», «Национальная стратегия в области биотехнологии» (2024), ежегодные отчеты о выполнении «Видения 2030», регламенты Министерства здравоохранения КСА. Особое внимание было обращено на документы Министерства финансов КСА, как наиболее информативные источники, и позволяющие уяснить динамику процессов вследствие показа официальных первичных данных.

Использование метода индукции позволило на основе конкретных данных (расходы, цифровизация) сделать вывод о динамичном развитии системы здравоохранения в КСА за годы после принятия «Видения 2030». Метод дедукции позволил выявить конкретные

меры по модернизации системы здравоохранения. Опора на контент-анализ и изучение вторичных источников, например, научных публикаций, отчетов международных консалтинговых компаний и официальных сайтов учреждений позволили выявить точки зрения экспертов, показать успехи и проблемы реформирования. Институциональный анализ помог оценить роль и эволюцию деятельности органов власти КСА, в том числе Министерства здравоохранения, механизмов государственно-частного партнерства, развития цифровых платформ. SWOT-анализ перспектив сотрудничества России и КСА показал потенциал взаимодействия.

*Развитие системы здравоохранения КСА
в XX – начале XXI в.:
от Службы общественного здравоохранения
к высокотехнологичному Министерству
здравоохранения*

Система здравоохранения КСА в своем развитии уже прошла два этапа и находится на третьем. Начало первого совпадает с Указом короля Абдульазиза, когда в начале 1925 г. была создана Служба общественного здравоохранения с центром в Мекке. Вслед за этим в конце 1925 г. учреждено Главное управление здравоохранения и скорой помощи. Его целью была забота о здравоохранении, строительство больниц и других медучреждений, создание правил для обеспечения медицинской и фармацевтической деятельности. Затем был создан Высший медицинский совет для развития медуслуг, повышения квалификации медиков и для борьбы с эпидемиями. В 1951 г. по указанию короля учреждено Министерство здравоохранения¹.

Начало второго этапа приходится на 1970-е гг. Именно в это время нефтяные доходы стали важным фактором совершенствования системы здравоохранения КСА. Была введена обязательная вакцинация младенцев и детей старшего возраста. Это помогло снизить уровень смертности. Также была принята новая концепция первичной медпомощи. Если в 1967 г. было всего 49 больниц,

¹ الصحة وزارة [Министерство здравоохранения] // Саудипедия. URL: <https://saudipedia.com/article/4385/وزارة-الصحة> (дата обращения 25.12.2025); نبذة عن الوزارة [Сведения о министерстве] // Министерство здравоохранения Королевства Саудовская Аравия. URL: <https://www.moh.gov.sa/Ministry/About/pages/default.aspx> (дата обращения: 25.12.2025).

то в 1977 г. их стало 64, за 1985–1987 гг. были построены 65 больниц, к 1998 г. их количество достигло 308 [El-Bushra 1980, p. 217; Al-Hashem 2016, p. 287; Sebai et al. 2001, p. 20; Almalki et al. 2011, p. 785].

Изменениям в системе здравоохранения способствовали и принимаемые на этом этапе законы. В «Основном законе правления» КСА, например, принятом в 1992 г., по сути, Конституции, в статье 31, указано, что: «государство заботится об общественном здравоохранении и обеспечивает медицинское обслуживание для каждого подданного»². Сферу здравоохранения регулирует и принятый в 2002 г. «Закон о здравоохранении». В статье 3 говорится: «Государство обеспечивает медицинское обслуживание, а также занимается общественным здравоохранением, гарантируя жизнь в здоровой окружающей среде». Дальнейший анализ данной статьи показывает, что внимание сосредоточено на вопросах безопасности питьевой воды и пищевых продуктов, лекарств и медицинских изделий. Кроме того, с учетом особенностей исламского общества, акцент сделан на защите общества от наркотиков и спиртных напитков. Внимание обращено также на профилактику и защиту от эпидемий, заботу об окружающей среде, санитарное просвещение. Исходя из того, что КСА ежегодно посещают паломники со всего мира, в статье 14 указано: «Медицинское обслуживание для паломников в период хаджа предоставляется в соответствии с регламентом, устанавливаемым министром»³.

Первый и второй этапы объединяет преимущественно количественный рост. Тем не менее были получены серьезные результаты, прежде всего в виде создания административной структуры и создания сети больниц.

Третий этап развития системы здравоохранения пришелся на 2016 г., когда было принято «Видение 2030». Заложенные в данном документе значительные изменения подтолкнули совершенствование системы здравоохранения⁴. Благодаря «Видению 2030»

² النظام الأساسي للحكم [Основной закон правления] // Комитет экспертов при Совете министров. 01.03.1992. URL: <https://laws.boe.gov.sa/BoeLaws/Laws/Viewer/1013378e-27a4-4ca6-a3a8-cd416f569437?lawId=16b97fcb-4833-4f66-8531-a9a700f161b6> (дата обращения: 10.03.2025).

³ النظام الصحي [Закон о здравоохранении] // Комитет экспертов при Совете министров. 04.06.2002. URL: <https://laws.boe.gov.sa/BoeLaws/Laws/Viewer/6bb6fca5-aaff-4e51-a90e-5c2147766db1?lawId=1169b2b7-4e7d-4775-86b0-a9a700f2841e> (дата обращения: 21.04.2025).

⁴ رؤية السعودية 2030 [Саудовское Видение 2030] // «Видение 2030». URL: <https://www.vision2030.gov.sa/media/yjtlqxhz/4-2030-وثيقة-رؤية.pdf> 55, 43, 33, 29, 22, 13, 7, ص. (дата обращения: 19.05.2025).

в 2021 г. была запущена пятилетняя «Программа трансформации здравоохранения» [Alasiri, Mohammed 2022, p. 1]. Ее основные достижения: виртуальная больница «Сыхха», связывающая более 150 больниц; с 36% в 2016 г. до 92,3% в 2021 г. выросла доступность неотложной помощи. Были основаны Холдинговая компания здравоохранения, Национальный центр медицинского страхования, Национальный центр профилактики и контроля заболеваний. Последний стал органом исполнительной власти. Усилилась роль частного сектора⁵. Эти меры особенно помогли в период COVID-19. Ключевое звено системы – Министерство здравоохранения, в 2025 г. имело бюджет 26,47 млрд долл. США (7,72% госбюджета)⁶. На этом этапе Министерство здравоохранения начало выступать регулятором частного сектора через региональные управления здравоохранения [Al-Nozha 2024, p. 601].

Таким образом, созданная с нуля система здравоохранения КСА за 100 лет в условиях стратегической диверсификации экономики стала высокотехнологичной системой, ориентированной на пациента. Именно это ее новое качество, успехи и достижения, а также проблемы и некоторые возможные пути их решения находятся в центре внимания исследования.

Деятельность руководства Королевства по решению задач здравоохранения, поставленных в «Видении 2030»

К 2016 г. Королевство имело значительные успехи в здравоохранении: количество коек в медицинских учреждениях достигло 2,2 на 1000 человек; средняя продолжительность жизни человека

⁵ وزارة الصحة [Министерство здравоохранения] // Саудипедия. URL: <https://saudipedia.com/article/4385/حكومة-وسياسية-وزارات-وزارة-الصحة> (дата обращения: 25.12.2025); نبذة عن الوزارة [Сведения о министерстве] // Министерство здравоохранения Королевства Саудовская Аравия. URL: <https://www.moh.gov.sa/Ministry/About/pages/default.aspx> (дата обращения: 25.12.2025); برنامج تحول القطاع الصحي [Программа трансформации здравоохранения] // «Видение 2030». URL: <https://www.vision2030.gov.sa/ar/explore/programs/health-sector-transformation-program> (дата обращения: 25.12.2025).

⁶ ميزانية وزارة الصحة 2024 و 2025 [Бюджет Министерства здравоохранения на 2024 и 2025 гг.] // Платформа открытых данных. 11.07.2025. URL: <https://open.data.gov.sa/ar/datasets/view/ca72299e-d3a6-4135-9564-c363d6ba87a5/resources> (дата обращения: 14.05.2025).

за последние три десятилетия увеличилась с 66 до 74 лет. Важное значение для развития Королевства имеет концептуальный документ «Видение Королевства Саудовская Аравия 2030» («Видение 2030»), принятый в 2016 г. Позиция руководства КСА в отношении здоровья населения в «Видении 2030» сформулирована следующим образом: счастье населения «неполно без физического, психического и социального здоровья»⁷.

Документ стал ответом правительства КСА на комплекс экономических, социальных и геополитических вызовов, с акцентом на кардинальную модернизацию всех сфер жизни общества. В «Видении 2030» значительные усилия прилагаются для ухода от нефтяной зависимости, учитывается ситуация в демографии и на рынке труда. На фоне этих проблем большое значение играет политическая воля властей КСА превратить здравоохранение в надежную систему, обеспечивающую стабильность развития государства.

В «Программе трансформации здравоохранения» выделены четыре приоритетные задачи: профилактика, общественное здоровье, инновации и устойчивое развитие. Руководителем программы был назначен министр здравоохранения, член Совета по экономике и развитию Ф. Аль-Джаляджал. В рамках программы проводятся мероприятия по внедрению и распространению цифровых решений для улучшения качества медуслуг, что должно вывести здравоохранение КСА на уровень высочайших международных стандартов.

По мнению правительства КСА, прилагаемые в рамках программы усилия помогли в борьбе с COVID-19 благодаря всеобъемлющей поддержке государства, технологиям, опоре на профилактику, правильному лечению и широкому доступу к медуслугам. Кроме того, благодаря цифровой трансформации здравоохранения хирург может контролировать операцию, проводимую за тысячи километров, а рецепт можно получить без необходимости посещать врача. Программа стала платформой взаимодействия государственно-частного партнерства, гарантирующей получение подданными, резидентами и гостями КСА высококачественной медпомощи⁸.

⁷ رؤية السعودية 2030 [Саудовское Видение 2030] // «Видение 2030». URL: <https://www.vision2030.gov.sa/media/yjtlqxlz/4-2030-وثيقة-رؤية.pdf> 55 ص. 7، 13، 22، 29، 33، 43 (дата обращения: 19.05.2025).

⁸ برنامج تحول القطاع الصحي [Программа трансформации здравоохранения] // «Видение 2030». URL: <https://www.vision2030.gov.sa/ar/explore/programs/health-sector-transformation-program> (дата обращения: 25.12.2025).

Таким образом, интегрированность программы трансформации здравоохранения в общенациональную стратегию развития, а также назначение ее руководителем значимого лица говорит о важности совершенствования системы здравоохранения для официального Эр-Рияда. Достигнутые в ходе реализации программы успехи, особенно в борьбе с COVID-19, способствовали укреплению образа КСА в качестве государства, которое способно даже в экстремальных условиях решать сложные проблемы.

В Ежегодном отчете за 2024 г. о выполнении «Видения 2030» отмечено, что после его принятия КСА смогло добиться значительных успехов. Продолжительность жизни выросла до 78,8 лет в 2023 г., превысив целевые показатели 2025 г. Это поставило КСА на 11-е место в G20. Власти КСА считают, что данный успех достигнут реформами здравоохранения: повышением доступности и качества медицинских услуг, профилактикой и т. д. Значительную роль сыграло повышение осведомленности детей, подростков и молодежи о важности здорового образа жизни. Кроме того, повышение безопасности дорожного движения также способствовало росту продолжительности жизни⁹.

По данным ООН, ожидаемая продолжительность жизни составила 78,73 года в 2023 г. и 78,98 года в 2024 г., что близко к показателю 78,8 лет, опубликованному властями КСА. Согласно последней оценке ООН на 2025 г., продолжительность жизни – 79,2 года¹⁰. Представляется важным, что власти КСА в «Видении 2030» заявляют о необходимости охвата качественным здравоохранением не только подданных, но и иностранцев¹¹.

Государство в соответствии с «Видением 2030» сосредоточилось на профилактической медицине, поощрении населения к использованию первичной медпомощи в качестве первого шага лечения. Оно способствует борьбе с инфекционными заболеваниями и удовлетворению медицинских потребностей населения. Государство сосредоточилось на роли планировщика, регулятора

⁹ رؤية السعودية 2030 [Годовой отчет 2024] // «Видение 2030». URL: <https://www.vision2030.gov.sa/media/iv3f11uf/annual-report-2024.pdf> 30 ص. (дата обращения: 19.05.2025).

¹⁰ Data Portal Population Division // United Nations URL: <https://population.un.org/dataportal/data/indicators/75,76/locations/682/start/2023/end/2025/table/pivotbylocation?df=f7dda34b-0c64-4a00-b077-7a49247f879c> (дата обращения: 12.12.2025).

¹¹ رؤية السعودية 2030 [Саудовское Видение 2030] // «Видение 2030». URL: <https://www.vision2030.gov.sa/media/yjtlqxlz/4-2030-وثيقة-رؤية.pdf> 22 ص. (дата обращения: 19.05.2025).

и контролера системы здравоохранения. Официальный Эр-Рияд особое внимание уделял подготовке врачей, занимающихся лечением заболеваний сердца, диабета, рака, и укреплению позиций национальных компаний, способных выйти на региональный и мировой уровень и расширить спектр медицинских услуг. Особая заинтересованность проявляется в повышении эффективности некоммерческого сектора здравоохранения¹².

Королевство лидирует в Совете сотрудничества арабских государств Залива по расходам на здравоохранение. Это во многом связано с тем, что данная сфера является одной из основ преобразований КСА. Анализ показывает, что рост спроса на медицинские услуги связан с несколькими важными обстоятельствами. Во-первых, постоянно увеличивается численность населения КСА. По прогнозам, население страны достигнет 39,5 млн человек к середине 2030 г. Во-вторых, наблюдается рост числа пенсионеров, что увеличивает количество возрастных заболеваний. Поэтому правительство с 2016 г. провело структурные реформы и увеличило расходы на здравоохранение и социальное обеспечение с 27,96 до 72,8 млрд долл. США в 2024 г. [Nair et al. 2024, pp. 3–5, 8–9]¹³.

Важно отметить, что Министерство финансов КСА объединяет в одну статью расходы на здравоохранение и социальное развитие. В 2022 г. они составили 227 млрд риалов (60,53 млрд долл. США), в 2023 г. – 256 млрд риалов (68,27 млрд долл. США). В 2024 г. в бюджете было заложено 214 млрд риалов (57,07 млрд долл. США), но фактически израсходовано 273 млрд риалов (72,8 млрд долл. США) – превышение составило 27,6%¹⁴. При этом, по дан-

¹² Ibid.

¹³ (2016) بيان الوزارة حول ميزانية الدولة للعام المالي [Заявление Министерства относительно государственного бюджета на 2016 финансовый год] // Министерство финансов. 27.07.2017. URL: <https://www.mof.gov.sa/docslibrary/Budget/Documents/2016.pdf> 6 ص. (дата обращения: 31.07.2025); تقرير أداء الميزانية الفعلية لنهاية العام المالي 2024 م [Отчет о фактическом исполнении бюджета за 2024 финансовый год] // Министерство финансов. URL: <https://www.mof.gov.sa/financialreport/2024/Documents/END-Bud-%202024%20290625%20FINAL.pdf> 19 ص. (дата обращения: 18.02.2026).

¹⁴ تقرير أداء الميزانية الفعلية لنهاية العام المالية 2024 م [Отчет об исполнении бюджета за 2024 г.] // Министерство финансов. 27.07.2025. URL: <https://www.mof.gov.sa/financialreport/2024/Documents/END-Bud-%202024%20290625%20FINAL.pdf> 19 ص. (дата обращения: 31.07.2025).

ным Всемирного банка, ВВП Королевства в 2024 г. составил 1,24 трлн долл. США¹⁵.

Наш анализ показывает: эти расходы составили 5,87% от ВВП в 2024 г. Такая динамика демонстрирует приоритеты КСА. Указанные результаты являются следствием деятельности власти по усилению программ социальной поддержки и улучшения системы здравоохранения, способствующей повышению качества жизни и развитию перспективных секторов экономики.

По сведениям Всемирного банка (специализированное учреждение ООН) расходы на здравоохранение в КСА в долгосрочной перспективе возросли, хотя их доля в ВВП по отдельным годам менялась¹⁶. Несмотря на разницу в методиках подсчета Всемирного банка и саудовских официальных источников (власти КСА расходы на здравоохранение и на социальное обеспечение считают вместе), анализ показывает, что с 2016 г. расходы на здравоохранение существенно выросли. Это свидетельствует о росте внимания Эр-Рияда к совершенствованию системы здравоохранения.

Анализ макроэкономического контекста показывает, что обвал цен на нефть в 2014–2016 гг. привел КСА в 2017 г. к рекордному дефициту бюджета в 238 млрд саудовских риалов (63,47 млрд долл. США), что составило 9,3% от ВВП¹⁷.

В 2023 г., на фоне сохраняющихся высоких цен на нефть (около 82 долл. США/барр.) и роста ненефтяных доходов, бюджет 2023 г. исполнен с дефицитом в 81 млрд риалов (21,6 млрд долл. США), что эквивалентно 2% ВВП¹⁸. По итогам 2024 г. бюджет зафиксировал дефицит в размере около 116 млрд риалов (30,93 млрд долл. США), что

¹⁵ GDP (current US\$) – Saudi Arabia // World Bank. 2025 URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=SA> (дата обращения: 25.06.2025).

¹⁶ Current health expenditure (% of GDP) – Saudi Arabia // World Bank URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SH.XPD.CHEX.GD.ZS?locations=SA> (дата обращения: 18.12.2025).

¹⁷ تقرير نهاية العام المالي 2017 م لأداء الميزانية الفعلية [Отчет о фактическом исполнении бюджета за 2017 финансовый год] // Министерство финансов. URL: <https://www.mof.gov.sa/financialreport/Documents/181229%20AR%202017%20Report%20.pdf> 7 ص. (дата обращения: 18.02.2026).

¹⁸ م 2023 تقرير أداء الميزانية الفعلية لنهاية العام المالي 2023 [Отчет о фактическом исполнении бюджета за 2023 финансовый год] // Министерство финансов. URL: <https://www.mof.gov.sa/financialreport/2023/Documents/END-Bud-A%202023%20F2.pdf> 20 ص. (дата обращения: 22.02.2026).

эквивалентно 2,5% ВВП¹⁹. В 2025 г. дефицит бюджета 276,6 млрд риалов (73,76 млрд долл. США), что эквивалентно 5,3% ВВП²⁰.

Таким образом, обвал цен на нефть в 2014–2016 гг. стал одним из важных факторов запуска «Видения 2030», а случившийся после этого подъем цены на черное золото дополнительно помог КСА в реализации амбициозных планов. Анализ показывает, что такая динамика объясняется не столько увеличением цены на энергоносители, сколько проведением структурных реформ и постоянным ростом нефтефакторов доходов.

При этом неуклонно росли расходы на здравоохранение и социальное развитие: в 2017 г. они составили 134 млрд риалов (35,73 млрд долл. США), что эквивалентно 5,2% ВВП; в 2023 г. они составили 256 млрд риалов (68,27 млрд долл. США), что эквивалентно 6,4% ВВП; в 2024 г. они составили 273 млрд риалов (72,8 млрд долл. США), что эквивалентно 5,87% ВВП; в 2025 г. они составили 278,9 млрд риалов (74,37 млрд долл. США), что эквивалентно 6,06% ВВП²¹.

¹⁹ تقرير أداء الميزانية الفعلية لنهاية العام المالي 2024 م [Отчет о фактическом исполнении бюджета за 2024 финансовый год] // Министерство финансов. URL: <https://www.mof.gov.sa/financialreport/2024/Documents/END-Bud-%202024%20290625%20FINAL.pdf> 5 ص. (дата обращения: 23.02.2026).

²⁰ (2025) تقرير الربع الرابع لأداء الميزانية 1446-1447 هـ [Отчет об исполнении бюджета за четвертый квартал 1446–1447 гг. (2025 г.)] // Министерство финансов. URL: <https://www.mof.gov.sa/financialreport/2025/Documents/Q4%202025.pdf> 4 ص. (дата обращения: 19.02.2026).

²¹ تقرير نهاية العام المالي 2017 م لأداء الميزانية الفعلية [Отчет о фактическом исполнении бюджета за 2017 финансовый год] // Министерство финансов. URL: <https://www.mof.gov.sa/financialreport/Documents/181229%20AR%202017%20Report%20.pdf> 17 ص. (дата обращения: 18.02.2026);

تقرير أداء الميزانية الفعلية لنهاية العام المالي 2023 م [Отчет о фактическом исполнении бюджета за 2023 финансовый год] // Министерство финансов. URL: <https://www.mof.gov.sa/financialreport/2023/Documents/END-Bud-A%202023%20F2.pdf> 19 ص. (дата обращения: 18.02.2026);

تقرير أداء الميزانية الفعلية لنهاية العام المالي 2024 م [Отчет о фактическом исполнении бюджета за 2024 финансовый год] // Министерство финансов. URL: <https://www.mof.gov.sa/financialreport/2024/Documents/END-Bud-%202024%20290625%20FINAL.pdf> 19 ص. (дата обращения: 18.02.2026);

(2025) تقرير أداء الميزانية 1446-1447 هـ [Отчет об исполнении бюджета за четвертый квартал 1446–1447 гг. (2025 г.)] // Министерство финансов. URL: <https://www.mof.gov.sa/financialreport/2025/Documents/Q4%202025.pdf> 13 ص. (дата обращения: 19.02.2026).

В последние годы правительство последовательно проводит контрциклическую бюджетную политику и, несмотря на рост дефицита бюджета с 2023 по 2025 г. на 3,3 процентных пункта, продолжает финансировать структурные реформы и важные социальные направления, в том числе здравоохранение и социальное развитие. Динамика таких расходов показывает их рост как в абсолютном (рост в 2,08 раза в 2017–2025 гг.), так и в относительном выражении (доля в ВВП выросла с 5,2 до 6,06%). Даже в 2025 г., в условиях падения нефтяных доходов и роста дефицита бюджета, расходы на социальный блок росли. Таким образом, поддержание стабильного финансирования социального блока является государственной политикой, направленной на долгосрочное и устойчивое развитие страны.

Анализ структуры бюджета показывает рост ненефтяных доходов и уменьшение нефтяных доходов: 2017 г. нефтяные доходы 436 млрд риалов (116,27 млрд долл. США), ненефтяные доходы 256 млрд риалов (68,27 млрд долл. США)²²; 2023 г. нефтяные доходы 755 млрд риалов (201,33 млрд долл. США), ненефтяные доходы 458 млрд риалов (122,13 млрд долл. США)²³; 2024 г. нефтяные доходы 757 млрд риалов (201,87 млрд долл. США) ненефтяные доходы 502 млрд риалов (133,87 млрд долл. США)²⁴; 2025 г. (нефтяные доходы 606,5 млрд риалов (161,73 млрд долл. США) ненефтяные доходы 505,3 млрд риалов (134,75 млрд долл. США)²⁵. Несмотря на рост нефтяных доходов в абсолютном выражении в некоторые годы, их относительная доля в совокупных доходах

²² تقرير نهاية العام المالي 2017 م لأداء الميزانية الفعلية [Отчет о фактическом исполнении бюджета за 2017 финансовый год] // Министерство финансов. URL: <https://www.mof.gov.sa/financialreport/Documents/181229%20AR%202017%20Report%20.pdf> 11-ص. (дата обращения: 20.02.2026).

²³ تقرير أداء الميزانية الفعلية لنهاية العام المالي 2023 م [Отчет о фактическом исполнении бюджета за 2023 финансовый год] // Министерство финансов. URL: <https://www.mof.gov.sa/financialreport/2023/Documents/END-Bud-A%202023%20F2.pdf> 12-ص. (дата обращения: 23.02.2026).

²⁴ تقرير أداء الميزانية الفعلية لنهاية العام المالي 2024 م [Отчет о фактическом исполнении бюджета за 2024 финансовый год] // Министерство финансов. URL: <https://www.mof.gov.sa/financialreport/2024/Documents/END-Bud-%202024%20290625%20FINAL.pdf> 13-ص. (дата обращения: 18.02.2026).

²⁵ تقرير الربع الرابع لأداء الميزانية 1447-1446 هـ (2025) [Отчет об исполнении бюджета за четвертый квартал 1446–1447 гг. (2025 г.)] // Министерство финансов. URL: <https://www.mof.gov.sa/financialreport/2025/Documents/Q4%202025.pdf> 7-ص. (дата обращения: 19.02.2026).

последовательно сокращается с 2017 до 2025 г. на 8,5 процентных пункта. При этом нефтяные доходы неуклонно растут как в относительном, так и в абсолютном выражении – с 2017 до 2025 г. они увеличились на 8,5 процентных пункта. Это устойчивое и важное структурное изменение, свидетельствующее об успехах диверсификации и снижении зависимости КСА от волатильности цен на углеводороды.

Важной частью совершенствования системы здравоохранения является переход к новым механизмам финансирования. Центр национального медицинского страхования, в частности, поощряет оказание медицинской помощи, ориентированной на результат, через механизм подушевых выплат с поправкой на риск (RAC). RAC возмещает расходы медицинских учреждений через фиксированные подушевые выплаты, скорректированные с учетом уровня риска пациента, например наличия сахарного диабета 2-го типа. В традиционной системе ранние предупреждающие признаки могут остаться незамеченными, а проактивное управление заболеванием будет минимальным. Напротив, подход, ориентированный на результат, сосредоточен на проактивном управлении заболеванием с помощью диеты, физических упражнений, соблюдения режима лечения и регулярных осмотров, что предотвращает дорогостоящие осложнения и улучшает состояние здоровья в долгосрочной перспективе. RAC поощряет инвестиции в первичную медицинскую помощь, раннее вмешательство и лечение хронических заболеваний, чтобы избежать дорогостоящих экстренных и стационарных методов лечения. RAC связывает возмещение расходов с научно обоснованным лечением, тем самым предотвращая чрезмерное число процедур и госпитализаций. Такой подход способствует более эффективному финансовому планированию, поскольку RAC возмещает затраты в зависимости от состояния здоровья населения, а не от объема услуг. По оценкам PricewaterhouseCoopers, к 2035 г. RAC может обеспечить ежегодную экономию от 16 до 26 млрд саудовских риалов (от 4,27 до 6,93 млрд долл. США), что составляет от 4 до 6% расходов на здравоохранение. В более широком смысле RAC направлена на борьбу с хроническими заболеваниями, на долю которых сейчас приходится более 70% всех смертей²⁶.

²⁶ Transforming healthcare financing in the Kingdom of Saudi Arabia // PwC. 2025. URL: <https://www.strategyand.pwc.com/m1/en/strategic-foresight/sector-strategies/healthcare-intellectual-capital/transforming-healthcare-financing-in-ksa.html> (дата обращения: 19.05.2025).

По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ – подразделение ООН), население КСА в 2050 г. увеличится примерно на 43% и составит около 47,7 млн чел.²⁷ Такое резкое увеличение вместе с изменением возрастной структуры населения в свете устойчивой урбанизации и опыта COVID-19 подталкивает власти к дальнейшему совершенствованию здравоохранения.

По мнению Eurogroup Consulting, в последние годы цифровизация ускорилась: 1,5 млрд долл. США было инвестировано в телемедицину, электронные медицинские карты, диагностику и лечение с применением ИИ²⁸. В 2018 г. Минздрав внедрил приложения «Мой рецепт» (назначение лекарств с проверкой их совместимости). Программа «Мое здоровье» (электронные медкарты, анализы, вакцинация) в 2022 г. была преобразована в единый национальный портал. Во время пандемии COVID-19 данный портал стал важным инструментом, обеспечивающим онлайн-запись на тестирование и вакцинацию, просмотр результатов тестов, сообщение о побочных эффектах после вакцинации и участие в профилактике [Alkhalifah et al. 2022]²⁹. Это способствует доступности медпомощи, развитию дистанционных консультаций, уменьшению загруженности больниц и снижению давления на госбюджет.

По данным ВОЗ, успехи реформ КСА в области здравоохранения в 2018–2025 гг. позволяют говорить о положительной динамике: доступ к базовым медуслугам без финансовой нагрузки получают дополнительно 3 млн человек. В итоге еще 1,1 млн человек будут иметь более высокий уровень здоровья и благополучия. Наибольший успех ожидается в организации здравоохранения

²⁷ Health data overview for the Kingdom of Saudi Arabia // World Health Organization Data URL: <https://data.who.int/countries/682> (дата обращения: 19.05.2025).

²⁸ Saudi Healthcare Sector Investment and Trends in 2025 // Saudi Arabia Healthcare by Eurogroup Consulting. 25.04.2025. URL: <https://saudihealthcareconsulting.com/insights/infographics/saudi-healthcare-sector-investment-and-trends-in-2025> (дата обращения: 03.06.2025).

²⁹ منصة (صحتي) [Платформа «Мое здоровье»] // Министерство здравоохранения. URL: <https://www.moh.gov.sa/eServices/Sehhaty/Pages/default.aspx> (дата обращения: 25.07.2025);

تفعيل خدمة (وصفتي) في مدينة الملك سعود الطبية [Активация услуги «Мой рецепт» в Медицинском городе короля Сауда] // Министерство здравоохранения. URL: <https://www.moh.gov.sa/Ministry/MediaCenter/News/Pages/News-2021-07-11-001.aspx> (дата обращения: 25.07.2025).

в условиях чрезвычайных ситуаций: система охватит дополнительно 11,9 млн человек³⁰.

Тем не менее успехи, достигнутые КСА, сопровождаются как минимум четырьмя проблемами: диспропорция медицинских работников, побочные эффекты приватизации, высокий спрос на медуслуги со стороны пожилых людей, количество которых неуклонно растет, а также постоянный риск инфекционных заболеваний из-за большого притока паломников. От того, насколько они будут преодолены, во многом будет зависеть степень решения задач, поставленных в «Видении 2030».

*Проблемы в развитии системы здравоохранения КСА:
системные вызовы и нерешенные вопросы
на пути реализации задач «Видения 2030»*

Несмотря на успешное решение многих задач, поставленных в «Видении 2030», и достигнутые значимые макроэкономические показатели, здравоохранение КСА столкнулось с рядом системных вызовов и нерешенных вопросов, которые можно разделить на три блока: проблемы дефицита кадров, институциональные и инфраструктурные проблемы.

Проблемными являются первичная медпомощь, реабилитационные мероприятия и услуги по уходу на дому. Отсутствуют стандартизированные планы и алгоритмы лечения, недостаточен мониторинг процессов и результатов лечения, не хватает надежных интегрированных цифровых информационных систем во многих больницах. По мнению ряда исследователей, необходима оптимизация системы здравоохранения КСА, с учетом сокращения госрасходов и диверсификации экономики, на фоне возможного долгосрочного падения цен на нефть. «Видение 2030» определяет процесс экономического развития на всех уровнях, в том числе в системе здравоохранения, поощряя расширение частного партнерства и приватизацию государственных услуг. Это предусматривает увеличение вклада частного сектора в ВВП с 40 до 65% к 2030 г. и ставит решение трех задач в здравоохранении: улучшение доступа к медуслугам, повышение их качества и эффективности, развитие профилактики заболеваний. КСА уже добились успехов в здравоохранении: продолжительность жизни увеличилась с 64 лет

³⁰ Health data overview for the Kingdom of Saudi Arabia // World Health Organization Data. URL: <https://data.who.int/countries/682> (дата обращения: 19.05.2025).

в 1970 г. до 75 лет в 2015 г., а число пожилых людей, как ожидается, вырастет с 1,96 млн в 2018 г. до 4,63 млн к 2030 г. Демографический сдвиг приведет к росту спроса на узкоспециализированную медицинскую и хирургическую помощь, возрастет потребность в реабилитации и медицинском обслуживании людей старше 60 лет [Chowdhury, Mok, Leenen 2021; Alasiri, Mohammed 2022; Alfawaz et al. 2022].

Наиболее острой является проблема дефицита кадров врачей. В 2022 г. в КСА было всего 85 240 врачей. При этом иностранцы составили большинство – 63,7%. В регионе Биша их доля самая высокая – 92,5%, самая низкая в Мекке – 44%. В Эр-Рияде и Джидде, несмотря на наибольшее количество врачей – 20 385 и 10 940, доля иностранцев составила 63,7 и 53,2% соответственно. Эти два города привлекают больше медиков из-за лучших условий труда. Дисбаланс существует и в обеспеченности регионов врачами. Лидером по количеству врачей на 1000 человек является Аль-Джауф с показателем 4,5. Это значение составляет в Медине – 2,6, Эр-Рияде – 2,5, в Мекке и Джидде – 2,4, что ниже среднего показателя по КСА – 2,9. Неравномерное распределение влияет не только на доступ к здравоохранению, но и на качество медпомощи: городские районы получают более современные медтехнологии. Это указывает на различия в доступности медпомощи, увеличение времени ее ожидания, перегрузку медработников. В итоге все это ведет к значительным различиям в результатах лечения. Еще одной проблемой КСА является соотношение числа врачей и численности населения. Оно весьма невысокое: 2,8 на 1 тыс. человек (2021), в Швеции – 7,1 (2020), США – 3,6 (2020) [Kattan, Alshahrani 2025].

По данным ВОЗ, обеспеченность врачами выросла с 24,7 на 10 тыс. населения в 2016 г. до 34,8 на 10 тыс. в 2022 г. Это означает, что в 2022 г. в КСА было примерно 112 тыс. врачей. По данным ВОЗ, насыщение врачами КСА выше среднемирового показателя – 17,2 и среднего по Восточному Средиземноморью – 11,6³¹.

Анализ проблемы дефицита кадров врачей показывает, что она имеет два стороны: во-первых, подавляющее большинство врачей – иностранцы; во-вторых, врачи – саудовцы и экспаты рассредоточены по стране крайне неравномерно. Для решения этой проблемы существует несколько вариантов. Во-первых, создание более привлекательных условий для работы врачей, особенно в регионах, где зафиксировано их наименьшее количество. Часть этих регионов

³¹ Density of physicians (per 10 000 population) // World Health Organization Data. URL: <https://data.who.int/indicators/i/CCCEBB2/217795A?m49=682> (дата обращения: 17.12.2025).

отличается очень жестким климатом. Поэтому врачам надо предлагать не только более высокие зарплаты, но и комфортные жилищные условия, длительные оплачиваемые отпуска и т. д. Во-вторых, увеличить набор студентов в местные медицинские учебные заведения, в том числе и за счет привлечения преподавателей из других стран. В эти меры входит и отправка на учебу в другие государства саудовцев, например, в Россию.

Принимаемые властями КСА меры по саудизации пока не смогли переломить дисбаланс, но уже дали ряд положительных результатов. Анализ представленных данных показывает, что ведется значительная работа в КСА по наращиванию кадрового потенциала, число врачей выросло на 40,9%, что в 2,02 раза превышает среднемировой показатель и примерно в 3 раза превосходит средний показатель Восточного Средиземноморья. Такой рост стал прямым результатом реализации «Видения 2030» по укреплению кадрового потенциала и увеличению охвата медпомощью. В свою очередь, это способствует росту продолжительности и качества жизни, что обладает важным экономическим и политическим эффектом.

Значительной проблемой для КСА остается дефицит медсестер. В 2023 г. их было около 236 тыс. в государственном и частном секторах, но примерно 65% это иностранцы, большинство из которых из Индии, Филиппин и Малайзии. Одна из ключевых причин сохраняющейся зависимости КСА от иностранных медсестер – сложность набора и обучения достаточного количества саудовских женщин для получения соответствующего образования. Это связано во многом с культурными, религиозными особенностями саудовского общества: не принято женщине проводить ночь вне дома, находиться среди большого количества мужчин, не являющихся родственниками, и т. д. Дополнительным фактором становятся и невысокие, по меркам саудовцев, зарплаты на фоне значительных физических нагрузок. При этом среди иностранных медсестер наблюдается высокая текучесть кадров. Она связана с такими причинами как большая нагрузка – смена длится 12 часов; частые сверхурочные работы и дополнительные смены; непостоянный график, что связано во многом с ростом населения и большим притоком паломников; сложность культурной адаптации, во многом связанная с языковой проблемой; невнятные перспективы служебного роста, на фоне приоритета саудовцам; различные юридические сложности. Особо сказываются две проблемы: доступ к высшему образованию – необходимо оплачивать обучение из собственного кармана; невозможность совместного проживания с семьями. Контракты не предусматривают предоставление жилья для семей и визовую поддержку. Более 80% медсестер-экспатов на-

зывают низкую зарплату основным источником неудовлетворенности. При этом надо учитывать, что большинство иностранных медсестер трудятся в отделениях с высокой нагрузкой: реанимация и неотложная помощь. Эти ограничения способствуют высокой текучести иностранных кадров, особенно с лидерскими качествами и богатым опытом [Hashish, Alnajjar 2025].

Анализ проблемы дефицита кадров медсестер показывает, что дефицит можно сократить теми же методами, что и с врачами. Для медсестер стимулами может стать возможность переезда в КСА для совместного проживания их семей, направление желающих на учебу для получения профессии врача и т. д. Вместе с тем совершенствование системы здравоохранения КСА включает в себя программу профессионального развития медсестер. В ее рамках в 2021–2023 гг. было подготовлено 58 руководителей этого направления. При этом большинство участвовавших в программе медицинских учреждений – 91,3% к концу трехлетнего периода выполнили не менее 90% обязательных профессиональных стандартов [Harb et al. 2024, pp. 29–30, 32].

Инфраструктурные проблемы делятся на несколько блоков. Во-первых, технологические проблемы: ограниченные исследовательские ресурсы (доступ к электронным базам данных, статистическому программному обеспечению и т. д.); сложности внедрения ИИ и телемедицины; нехватка лабораторий.

Во-вторых, проблемы бюрократического и организационного характера: затрудненный доступ к медуслугам; их ограниченное качество и неэффективность; неадекватная профилактическая медпомощь; недостаточная и непоследовательная первичная медпомощь; отсутствие стимулов для участников клинических испытаний; слабое академическое сотрудничество; медленный процесс принятия решений государственной системы здравоохранения на фоне гибкости частного сектора; возможное последствие приватизации медучреждений – рост стоимости услуг. В-третьих, проблемы борьбы с широко распространенными неинфекционными заболеваниями: высокая смертность от диабета, ожирения, сердечно-сосудистых заболеваний (73% от общего числа смертей, что соответствует мировым тенденциям), сердечно-сосудистые заболевания, рак, диабет и хронические респираторные заболевания влекут преждевременную смертность (смерть в возрасте от 30 до 70 лет) – 18,6%) [Chowdhury, Mok, Leenen 2021; Alasiri, Mohammed 2022; Alfawaz et al. 2022; Al-Nozha 2024; Hashish, Alnajjar 2025; Aljarid, Alonazi 2025].

В-четвертых, для КСА являются большой проблемой бактериальные инфекции, заболевания эпидемиологического, инфек-

ционного характера. Они проявляются через затруднения в профилактике и контроле за ними. Как уже отмечалось, на систему здравоохранения все большее давление оказывает рост количества паломников. Если в 2015 г. на умре их было 8 млн, то в 2023 г. почти 27 млн, а к 2030 г. их число планируется увеличить до 30 млн³². Постоянный приток большого числа людей провоцирует рост заболеваемости менингитом и другими серьезными заболеваниями. Особенно сильно они сказываются на уязвимых группах населения: на детях, пожилых и лицах с ослабленным иммунитетом. Затраты на профилактику, диагностику и лечение таких заболеваний весьма значительны и требуют большого количества специалистов, лабораторий, специализированных больниц и т. д.

По нашему мнению, для системы здравоохранения КСА серьезным вызовом являются медицинские ошибки, что связано с нехваткой медицинских работников и рядом уже названных проблем. Недавно весь мир прошел через пандемию COVID-19, опасность которой врачи не смогли распознать сразу. С учетом реализованных планов руководства государства по значительному увеличению количества паломников, перед Королевством встает серьезная проблема – высокая вероятность роста количества медицинских ошибок, особенно при появлении новых инфекций на фоне растущего количества паломников и языкового барьера. Такие болезни, вероятно, не будут сразу выявлены. Это, безусловно, создаст дополнительную нагрузку на систему здравоохранения и приведет к росту медицинских ошибок.

На эту проблему накладывается недостаток системы эпидемиологического надзора – саудовская система наблюдения не охватывает контроль за бактериальными патогенами, связанными с глобальной смертностью от инфекционных заболеваний [Alhumaidd et al 2024, p. 681].

Институциональные проблемы проявляются в планах Эр-Рияда сделать медпомощь максимально доступной для всего населения, но при этом провести приватизацию значительной части системы здравоохранения для снижения нагрузки на бюджет. Сегодня

³² رؤية المملكة العربية السعودية 2030 [Видение Королевства Саудовская Аравия 2030] // رؤية السعودية 2030 [Видение 2030]. URL: <https://www.vision2030.gov.sa/media/yjtlqxlz/4-2030-وثيقة-رؤية.pdf>. 19 ص. (дата обращения: 15.12.2025); إحصاءات العمرة في عام 2023 م [Статистика умры в 2023 г.] // الهيئة العامة للإحصاء [Главное управление статистики]. URL: <https://www.stats.gov.sa/documents/20117/1400941/Umrah+Statistics+2023+AR.pdf/7cc9733d-746f-9f5e-b6a9-d1a2812b78e3?t=1734111845972> (дата обращения: 30.12.2025).

Королевство может похвастаться национальной системой здравоохранения, включающей более 500 государственных и частных больниц, обслуживающих 35 млн человек. При этом большинство из них пока являются государственными. Крупные работодатели, такие как нефтяная компания Арамко, также имеют собственные больницы³³.

В этом плане масштабным представляется намерение приватизировать 295 больниц к 2030 г. Безусловно, приватизация может привести к росту цен, что снизит возможности многих членов общества пользоваться доступной и качественной медпомощью. По мнению специалистов, частная медицина быстрее реагирует на проблемы, но она требует ведения постоянного мониторинга и своевременного внесения корректив со стороны государства [Alasiri, Mohammed 2022, pp. 3, 5–6; Al-Nozha 2024, pp. 604, 606; Al-Hanawi 2017, pp. 78–79, 91].

Таким образом, последствия масштабной приватизации, кроме уже названных достоинств и недостатков, могут развиваться по двум сценариям. Во-первых, произойдет быстрый переток значительной части наиболее квалифицированных медицинских работников всех категорий из государственных клиник в частные. Сначала это приведет к быстрому росту цен на их услуги. Но борьба за клиента может усилить конкуренцию, что повлечет улучшение качества медпомощи и постепенно снизит цены. Безусловно, желание бизнеса зарабатывать деньги будет стимулировать ускоренное введение новаций, борьбу за лучшие кадры, цифровизацию и т. д. На снижение цен может значительно повлиять выход на рынок медицинских услуг большого количества местных специалистов, подготовленных как в КСА, так и в зарубежных государствах.

Во-вторых, оставшиеся государственные медицинские учреждения могут получить значительный дефицит кадров. В итоге медицинская помощь разделится на две части: частную – дорогую, инновационную, для тех, кто сможет платить значительные средства; государственную, не способную быстро и своевременно отвечать на запросы. При таком разделении решение задач, поставленных перед здравоохранением в «Видении 2030», будет невозможно. Поэтому, проводя приватизацию, руководство КСА должно предусмотреть меры, которые подтолкнут медицинских работников остаться в государственной системе. При этом государству необходимо контролировать в частной медицине не только рост цен, но и соблюдение стандартов и т. д.

³³ Hospitals in Saudi Arabia // Expatica URL: <https://www.expatica.com/sa/healthcare/healthcare-services/hospitals-in-saudi-arabia-76109/> (дата обращения: 30.12.2025).

*Взаимодействие КСА и РФ в области здравоохранения:
достигнутые результаты и возможные перспективы*

Пандемия COVID-19 подчеркнула важность биотехнологической промышленности, побудив КСА отдать приоритет разработке и распространению вакцин, с привлечением иностранного и российского участия. В Национальной стратегии в области биотехнологии, принятой в 2024 г., один из приоритетов (более 60%) – внедрение биосимиляров (биоаналогов) для снижения медицинских расходов и расширения доступа населения к высококачественному лечению. При этом саудовская сторона стремится к локализации производства на территории КСА. На этом фоне активизировались международные контакты, в том числе с РФ. Например, в Эр-Рияде 29–30 мая 2023 г. прошла Первая бизнес-миссия Made in Russia + ИННОПРОМ. В ней участвовал Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова. Он предложил программы по подготовке специалистов в IT-медицине. Университет проработал вопросы взаимодействия в сфере клинических исследований с Национальным институтом здравоохранения Саудовской Аравии (SNIH). Они подготовили дорожную карту сотрудничества в сфере клинических исследований, их проведения и развития. Целями сотрудничества на 2024–2028 гг. названы: образовательные курсы; научный обмен; развитие инноваций в медицине и фармацевтике³⁴. В феврале 2024 г. состоялась бизнес-миссия делегации Свердловской области в КСА. Предпри-

³⁴ الإستراتيجية الوطنية للتقنية الحيوية [Национальная биотехнологическая стратегия] // «Видение 2030». URL: <https://www.vision2030.gov.sa/media/alihnskk/national-biotech-strategy-ar.pdf> 9, 8, 6, ص. (дата обращения: 20.02.2024); Центр медицинских информационных систем и технологий // Сеченовский университет URL: <https://www.sechenov.ru/univers/structure/institute/institut-elektronnogo-meditinskogo-obrazovaniya/podrazdeleniya/tsentr-meditinskikh-informatsionnykh-sistem-i-tekhnologiy/> (дата обращения: 20.02.2024); Цифровая кафедра Сеченовского университета // Сеченовский университет. URL: <https://dk.sechenov.ru/> (дата обращения: 20.02.2024); Сеченовский университет и Национальный институт здравоохранения Саудовской Аравии проработают вопросы взаимодействия в сфере клинических исследований // Сеченовский университет URL: <https://www.sechenov.ru/univers/structure/institute/institut-farmatsii/kafedry17/kafedra-farmakologii/news/313682/> (дата обращения: 20.02.2024); جلف كابيتال تتحالف مع هيئة تنمية البحث والتطوير السعودية لاستثمار 100 مليون دولار في قطاع التكنولوجيا [Gulf Capital объединяется с Управлением по развитию исследований и разработок Саудовской

ятия региона, в том числе производители медоборудования представили свою продукцию. По мнению министра международных и внешнеэкономических связей Свердловской области В. Ярина, ИННОПРОМ придаст новый импульс двустороннему сотрудничеству³⁵.

Ввиду сложных природно-климатических условий, в КСА широко распространены офтальмологические заболевания. Поэтому было бы перспективным предложить саудовской стороне инновации в офтальмологии, разрабатываемые в Объединенном институте ядерных исследований (ОИЯИ, г. Дубна). Например, разработку и производство: биопластических материалов, наноуполнителей к фотопреобразующим материалам, используемым при производстве интраокулярных линз; протекторов роговицы глаза и т. д.³⁶

Совершенствование системы здравоохранения создает благоприятные условия для двустороннего сотрудничества и укрепления не только гуманитарных, экономических, но и политических связей между Российской Федерацией и Королевством Саудовская Аравия. Россия, опираясь на свои конкурентные преимущества, может обмениваться передовыми достижениями в вопросах здравоохранения. Кроме того, сотрудничество РФ и КСА в здравоохранении упростит выход России на Ближний Восток и Северную Африку.

Заключение

Совершенствование системы здравоохранения КСА, проводимое в рамках «Видения 2030», представляет собой целенаправленный, многоаспектный процесс, управляемый государством. При этом здравоохранение рассматривается в нескольких аспектах. Во-первых, как сфера жизни, удовлетворяющая запросы населения по

Аравии для инвестирования 100 млн долларов в технологический сектор] // Wamda. 13.03.2024. URL: <https://www.wamda.com/ar/2024/03/gulf-capital-partners-rdia-deploy-100-million-saudi-tech-sector-arabic> (дата обращения: 20.04.2024).

³⁵ Саудовская Аравия станет партнером ИННОПРОМ-2025 в Екатеринбурге // Областная газета. 08.04.2025. URL: <https://oblgazeta.ru/industry-and-economy/industry/2025/04/92838/> (дата обращения: 25.07.2025).

³⁶ Буклет «Большая наука – бизнес» 2024 г. // Объединенный институт ядерных исследований (ОИЯИ). URL: https://www.jinr.ru/wp-content/uploads/Brochures/JINR-business_rus_preview.pdf. С. 6 (дата обращения: 20.02.2024).

одному из самых важных вопросов. Во-вторых, как весомый инфраструктурный актив государства, способствующий экономической диверсификации, уходу от углеводородной зависимости и достижения высокой экономической и социальной стабильности. Ключевым звеном этих изменений является прагматичная политическая воля руководства КСА, которое, кроме гуманитарного подхода, смотрит на проблему прагматично – эффективное здравоохранение способствует росту населения, снижает социальную напряженность, высвобождает ресурсы для других направлений развития государства, формирует благоприятный образ королевства, способствует привлечению человеческого и финансового капитала.

Система здравоохранения КСА является одной из самых динамично развивающихся на Ближнем Востоке. Проводится ее модернизация и цифровизация через внедрение ИИ, телемедицины, больших данных и т. д. Принятые меры повышают эффективность профилактики, диагностики и лечения. В рамках государственно-частного партнерства привлекаются частные инвестиции для разгрузки государственной системы и повышения уровня системы здравоохранения за счет конкуренции. Нововведения положительно сказываются на росте количества местных специалистов и снижают зависимость от иностранных работников, которые пока составляют большинство. Но при этом, безусловно, неизбежен рост цен на медицинские услуги, который острее всего скажется на наименее защищенных слоях населения.

С точки зрения автора, с учетом того, что КСА на регулярной основе посещает множество паломников, и их количество увеличивается, а также в стране проживает около 10 млн экспатов, опасность распространения инфекционных заболеваний будет всегда выше, чем в странах с меньшим притоком гостей. Одна из ключевых проблем КСА – подготовка собственных кадров медицинских работников всех уровней – врачей, медицинских сестер, фармацевтов, фельдшеров, лаборантов, и т. д. Система здравоохранения Королевства до сих пор не смогла удовлетворить потребность в кадрах за счет подданных, при этом часть иностранных и местных медиков уезжает, существует и естественная убыль этих специалистов. Поэтому, вероятно, полное укомплектование системы здравоохранения кадрами из числа подданных КСА затягивается. При таком состоянии дел решение подавляющего большинства проблем займет много времени. Частично эти проблемы могут быть сняты, если королевство отправит на обучение в Россию значительно больше своих подданных, чем учатся сегодня.

Успехи КСА в здравоохранении уже привели к нескольким эффектам. Во-первых, увеличилась продолжительность жизни и по-

высилось ее качество. Во-вторых, усилия официального Эр-Рияда по превращению страны в региональный центр медуслуг, в том числе с помощью фармакологии, дают положительные результаты. КСА стало привлекательным для иностранных инвесторов, как компаний, так и медицинских туристов. В-третьих, активно растущее население КСА широко информируется о мерах профилактики болезней, особенно в контексте борьбы с ожирением и диабетом. В-четвертых, создание современной, высокотехнологичной системы здравоохранения, уже стало одним из ключевых элементов нового образа королевства и его успехов в экономике и политике.

Литература

- Ахмадуллин 2025 – *Ахмадуллин В.В.* Политика Королевства Саудовская Аравия в сфере науки и технологий // Международная аналитика. 2025. Т. 16. № 3. С. 103–127.
- Бибикова 2019 – *Бибикова О.П.* Реформы в Королевстве Саудовская Аравия // Россия и мусульманский мир. 2019. № 2 (312). С. 88–102.
- Al-Anezi 2025 – *Al-Anezi F.M.* Challenges of healthcare systems in Saudi Arabia to delivering Vision 2030: An empirical study from healthcare workers perspectives // Journal of Healthcare Leadership. 2025. Vol. 17. P. 173–187.
- Alasiri, Mohammed 2022 – *Alasiri A.A., Mohammed V.* Healthcare transformation in Saudi Arabia: An overview since the launch of Vision 2030 // Health Services Insights. 2022. Vol. 15. P. 1–7.
- Alfawaz et al. 2022 – *Alfawaz A.A., Salman K.A., Alotaibi F.H., Almogbel F.S. et al.* Baseline assessment of health research systems in Saudi Arabia: Harnessing efforts and mobilizing actions // Journal of Epidemiology and Global Health. 2022. Vol. 12. No. 4. P. 400–412.
- Al-Hanawi 2017 – *Al-Hanawi M.K.* The healthcare system in Saudi Arabia: How can we best move forward with funding to protect equitable and accessible care for all? // International Journal of Healthcare. 2017. Vol. 3. No. 2. P. 78–94.
- Alharbi 2018 – *Alharbi M.F.* An analysis of the Saudi health-care system's readiness to change in the context of the Saudi National Health-care Plan in Vision 2030 // International Journal of Health Sciences (Qassim). 2018. Vol. 12. No. 3. P. 83–87.
- Alharbi et al. 2025 – *Alharbi A., Aljuaid M., Alamri F.A. et al.* Health sector transformation in Saudi Arabia – The modern healthcare model: A qualitative study among healthcare leaders // Journal of Taibah University Medical Sciences. 2025. Vol. 20. No. 5. P. 643–653.
- Al-Hashem 2016 – *Al-Hashem A.* Health education in Saudi Arabia. Historical overview // Sultan Qaboos University Medical Journal. 2016. Vol. 16. Iss. 3. P. e286–e292.

- Alhumaid et al. 2024 – *Alhumaid N.K., Alajmi A.M., Alosaimi N.F., Alotaibi M. et al.* Epidemiology of reportable bacterial infectious diseases in Saudi Arabia // *Infectious Diseases and Therapy*. 2024. Vol. 13. No. 4. P. 667–684.
- Ali et al. 2023 – *Ali R.J.I., Alenezi T.M.A., ALdhafeeri N.A.O., Alrashdi A.L.G., et al.* Saudi Arabia's new care model and the transformation of health care Kingdom's Vision 2030 // *International Journal of Medical Science and Clinical Research Studies*. 2023. Vol. 3. Iss. 12. P. 3187–3195.
- Aljarid, Alonazi 2025 – *Aljarid S., Alonazi W.* Examining factors contributing to mortality in Saudi Arabia: proposing effective healthcare management approaches // *BMC Public Health*. 2025. Vol. 25. No. 1. Art. 1801.
- Alkhalifah et al. 2022 – *Alkhalifah J.M., Seddiq W., Alshehri B.F. et al.* The role of the COVID-19 pandemic in expediting digital health-care transformation: Saudi Arabia's experience // *Informatics in Medicine Unlocked*. 2022. Vol. 33. P. 1–7.
- Almalki et al. 2011 – *Almalki M., Fitzgerald G., Clark M.* Health care system in Saudi Arabia: an overview // *Eastern Mediterranean Health Journal*. 2011. Vol. 17. No. 10. P. 784–793.
- Al-Nozha 2024 – *Al-Nozha O.M.* Key aspects of the Saudi healthcare system reform and the potential impact on the main stakeholders: A qualitative study // *Journal of Taibah University Medical Sciences*. 2024. Vol. 19. No. 3. P. 598–610.
- Awadh et al. 2024 – *Awadh A.A.A., Dhafar Y.O., Elzohri M.H. et al.* Understanding telemedicine: Measuring beneficiaries' satisfaction and key call metrics in the Kingdom of Saudi Arabia // *Journal of Global Health Reports*. 2024. Vol. 8. Art. e2024012.
- Chowdhury, Mok, Leenen 2021 – *Chowdhury S., Mok D., Leenen L.* Transformation of health care and the new model of care in Saudi Arabia: Kingdom's Vision 2030 // *Journal of Medicine and Life*. 2021. Vol. 14. No. 3. P. 347–354.
- El-Bushra 1980 – *El-Bushra S.* The distribution of population and medical facilities in Saudi Arabia // *Erdkunde*. 1980. Vol. 34. P. 215–218.
- Harb et al. 2024 – *Harb A., Silva J., Al Bazroun M. et al.* A five-year journey towards strengthening nursing professional development capabilities in Eastern health cluster, Saudi Arabia // *American Journal of Nursing Research*. 2024. Vol. 12. No. 2. P. 29–38.
- Hashish, Alnajjar 2025 – *Hashish E.A.A., Alnajjar H.A.* Brain Drain and Retention Strategies: Lived Experience of Expatriate Nurses in Saudi Arabia: Challenges and Implications // *Journal of Nursing Management*. 2025. Vol. 2025. Art. 9947313.
- Kattan, Alshahrani 2025 – *Kattan W.M., Alshahrani A.* Navigating the 2022 physician workforce dynamics in Saudi Arabia: A study of regional distribution // *The Open Public Health Journal*. 2025. Vol. 18. P. 1–10.
- Nair et al. 2024 – *Nair K.S., Mughal Y.H., Albejaidi F., Alharbi A.H.* Healthcare financing in Saudi Arabia: A comprehensive review // *Journal of Health Informatics in Developing Countries*. 2025. Vol. 19. No. 1. P. 1–17.
- Sebai et al. 2001 – *Sebai Z.A., Milaat W.A., Al-Zulaibani A.A.* Health care services in Saudi Arabia: Past, present and future // *Journal of Family & Community Medicine*. 2001. Vol. 8. No. 3. P. 19–23.

References

- Akhmadullin, V.V. (2025), "Policy of the Kingdom of Saudi Arabia in the field of science and technology", *Journal of International Analytics*, vol. 16, no. 3, pp. 103–127.
- Al-Anezi, F.M. (2025), "Challenges of healthcare systems in Saudi Arabia to delivering Vision 2030: an empirical study from healthcare workers' perspectives", *Journal of Healthcare Leadership*, vol. 17, pp. 173–187.
- Alasiri, A.A. and Mohammed, V. (2022), "Healthcare transformation in Saudi Arabia: an overview since the launch of Vision 2030", *Health Services Insights*, vol. 15, pp. 1–7.
- Alfawaz, A.A., Salman, K.A., Alotaibi, F.H., Almogbel, F.S., Al-Jaroudi, D., Alrowily, M.J., Derkaoui, A.B., Alqahtani, A.S., Fadlallah, R., Jamal, D., El-Jardali, F. and Memish, Z.A. (2022), "Baseline assessment of health research systems in Saudi Arabia: harnessing efforts and mobilizing actions", *Journal of Epidemiology and Global Health*, vol. 12, no. 4, pp. 400–412.
- Al-Hanawi, M.K. (2017), "The healthcare system in Saudi Arabia: how can we best move forward with funding to protect equitable and accessible care for all?", *International Journal of Healthcare*, vol. 3, no. 2, pp. 78–94.
- Alharbi, A., Aljuaid, M., Alamri, F.A., Alosaimi, S.N. and Aldejiy, S. (2025), "Health sector transformation in Saudi Arabia – The modern healthcare model: a qualitative study among healthcare leaders", *Journal of Taibah University Medical Sciences*, vol. 20, no. 5, pp. 643–653.
- Alharbi, M.F. (2018), "An analysis of the Saudi healthcare system's readiness to change in the context of the Saudi National Healthcare Plan in Vision 2030", *International Journal of Health Sciences (Qassim)*, vol. 12, no. 3, pp. 83–87.
- Al-Hashem, A. (2016), "Health education in Saudi Arabia. Historical overview", *Sultan Qaboos University Medical Journal*, vol. 16, iss. 3, pp. e286–e292.
- Alhumaid, N.K., Alajmi, A.M., Alosaimi, N.F., Alotaibi, M., Almangour, T.A., Nasar, M.S., Memish, Z.A., Binjomah, A.Z., Al-Jedai, A., Almutairi, A.S., Algarni, S., Alshiban, N.M., Aleyiydi, M.S., Tawfik, A.F., Shibl, A. and Tawfik, E.A. (2024), "Epidemiology of reportable bacterial infectious diseases in Saudi Arabia", *Infectious Diseases and Therapy*, vol. 13, no. 4, pp. 667–684.
- Ali, R.J.I., Alenezi, T.M.A., ALdhafeeri, N.A.O., Alrashdi, A.L.G., Alenezi, N.M.A., Alkhatami, M.F.W., Alanazi, H.A.M., Alanazi, H.W.N., Alruwaili, H.M.D., Alenezi, A.A.R., Alenzi, H.S.G., Alanazi, B.F.A. and ALjehani, A.M.S. (2023), "Saudi Arabia's new care model and the transformation of health care: Kingdom's Vision 2030", *International Journal of Medical Science and Clinical Research Studies*, vol. 3, iss. 12, pp. 3187–3195.
- Aljarid, S. and Alonazi, W. (2025), "Examining factors contributing to mortality in Saudi Arabia: proposing effective healthcare management approaches", *BMC Public Health*, vol. 25, no. 1, art. 1801.
- Alkhalifah, J.M., Seddiq, W., Alshehri, B.F., Alhaluli, A.H., Alessa, M.M. and Alsulais, N.M. (2022), "The role of the COVID-19 pandemic in expediting digital health-care transformation: Saudi Arabia's experience", *Informatics in Medicine Unlocked*, vol. 33, pp. 1–7.

- Almalki, M., Fitzgerald, G. and Clark, M. (2011), "Health care system in Saudi Arabia: an overview", *Eastern Mediterranean Health Journal*, vol. 17, no. 10, pp. 784–793.
- Al-Nozha, O.M. (2024), "Key aspects of the Saudi healthcare system reform and the potential impact on the main stakeholders: a qualitative study", *Journal of Taibah University Medical Sciences*, vol. 19, no. 3, pp. 598–610.
- Awadh, A.A.A., Dhafar, Y.O., Elzohri, M.H., El Desouky, E.D., MotawehAlkattan, M.A. and Aldossary, M. (2024), "Understanding telemedicine: measuring beneficiaries' satisfaction and key call metrics in the Kingdom of Saudi Arabia", *Journal of Global Health Reports*, vol. 8, art. e2024012.
- Bibikova, O.P. (2019), "Reforms in the Kingdom of Saudi Arabia", *Russia and the Muslim World*, vol. 312, no. 2, pp. 88–102.
- Chowdhury, S., Mok, D. and Leenen, L. (2021), "Transformation of health care and the new model of care in Saudi Arabia: Kingdom's Vision 2030", *Journal of Medicine and Life*, vol. 14, no. 3, pp. 347–354.
- El-Bushra, S. (1980), "The distribution of population and medical facilities in Saudi Arabia", *Erdkunde*, vol. 34, pp. 215–218.
- Harb, A., Silva, J., Al Bazroun, M., Alkhalaf, M. and Blancaflor, A. (2024), "A five-year journey towards strengthening nursing professional development capabilities in Eastern health cluster, Saudi Arabia", *American Journal of Nursing Research*, vol. 12, no. 2, pp. 29–38.
- Hashish, E.A.A. and Alnajjar, H.A. (2025), "Brain drain and retention strategies: lived experience of expatriate nurses in Saudi Arabia: challenges and implications", *Journal of Nursing Management*, vol. 2025, art. 9947313.
- Kattan, W.M. and Alshahrani, A. (2025), "Navigating the 2022 physician workforce dynamics in Saudi Arabia: a study of regional distribution", *The Open Public Health Journal*, vol. 18, pp. 1–10.
- Nair, K.S., Mughal, Y.H., Albejaidi, F. and Alharbi, A.H. (2024), "Healthcare financing in Saudi Arabia: a comprehensive review", *Journal of Health Informatics in Developing Countries*, vol. 19, no. 1, pp. 1–17.
- Sebai, Z.A., Milaat, W.A. and Al-Zulaibani, A.A. (2001), "Health care services in Saudi Arabia: past, present and future", *Journal of Family & Community Medicine*, vol. 8, no. 3, pp. 19–23.

Информация об авторе

Вячеслав В. Ахмадуллин, кандидат политических наук, Московский исламский институт, Москва, Россия; 109382, Россия, Москва, пр. Кирова, д. 12; vyacheslav.akhmadullin@yahoo.com

Information about the author

Vyacheslav V. Akhmadullin, Cand. of Sci. (Political Sciences), Moscow Islamic Institute, Moscow, Russia; 12, Kirov Av., Moscow, Russia, 109382; vyacheslav.akhmadullin@yahoo.com

Книжная полка

УДК 327+94(470)

DOI: 10.28995/2073-6339-2026-4-226-235

«Мосты, пылающие сзади».

Рецензия на книгу:

Гузенкова Т.С. История и антропология будущего России.

М.: ИЭА РАН, 2025. 420 с.

Наталья В. Давлетшина

Российский государственный гуманитарный университет,

Москва, Россия, davletshina.nv@rggu.ru

Для цитирования: Давлетшина Н.В. «Мосты, пылающие сзади». [Рец.]: Гузенкова Т.С. История и антропология будущего России. М.: ИЭА РАН, 2025. 420 с. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 4. С. 226–235. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-4-226-235

“Bridges burning behind”.

[Book review]: *Guzenkova T.S.* Istoriya i antropologiya budushchego Rossii [History and anthropology of Russia's future]. Moscow: IEA RAS, 2025. 420 p.

Natalia V. Davletshina

Russian State University for the Humanities,

Moscow, Russia, davletshina.nv@rggu.ru

For citation: Davletshina, N.V. (2026), “ ‘Bridges burning behind’”. [Review of]: *Guzenkova T.S.* Istoriya i antropologiya budushchego Rossii [History and anthropology of Russia's future]. Moscow: IEA RAS, 2025. 420 p.”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 226–235, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-4-226-235

«Иногда лучшим освещением предстоящего пути становятся мосты, пылающие сзади». Эта строчка из песни Дона Хенли как нельзя более точно описывает сегодняшнюю ситуацию в мире, где множество как реальных, так и символических мостов охвачены

© Давлетшина Н.В., 2026

реальным или виртуальным огнем. Широкомасштабная война Израиля и США против Ирана, вовлекающая в свою воронку все большее число акторов, недавняя ситуация вокруг Венесуэлы и Гренландии, прокси-война на Украине, увеличивающийся список стран, в адрес которых направляется жесткая риторика президента США Дональда Трампа – все это тугой узел трудноразрешимых международных проблем. На их фоне перспективы развития становятся все туманнее, а общественные настроения все тревожнее.

В связи с этим размышления о будущем самого разного толка и жанра, будь то экспертные оценки, научные разработки, форсайт или фантастическая литература вызывают особый интерес. Налицо явно возрастающий социальный запрос на получение ответов на экзистенциальные вопросы в футурологической парадигме. Конечно, было бы большим преувеличением говорить о том, что полки книжных магазинов, интернет ресурсы ломятся от обилия разработок на эту тему, и все наперебой предлагают свои версии будущего. Но тренд на футурологический поворот тем не менее обозначился довольно отчетливо, особенно в тех странах, которые оказались непосредственно вовлеченными в водоворот глобальных трансформационных процессов. К их числу принадлежит и Россия, для которой собственное позиционирование как одной из системообразующих сил формирующегося мирового порядка в нынешних условиях приобретает, по сути, эсхатологическое значение.

В этом контексте принципиально важным представляется вопрос о том, в каком «пункте транзита» в будущее находится наша страна? Находится ли она в «общем строю», опережает или отстает в осмыслении и конструировании предстоящего или же идет своим, особым путем? Поиск ответов на эти и многие другие вопросы приводит в запутанный лабиринт мнений. И этому есть немало объяснений. Например, коллектив известной исследовательской группы ЦИРКОН под руководством Игоря Задорина в своем недавнем обзоре (2025 г.), посвященном анализу состояния футурологии и прогностики в России, выделил по меньшей мере одиннадцать основных типов субъектов, определяющих, по выражению авторов, «основной ландшафт современного поля футурологии и прогностики в России»¹.

¹ Российское поле футурологии и прогностики: Семь тезисов о состоянии футурологии и прогностики в России: Материалы для экспертов проекта / подгот. Исследовательская группа ЦИРКОН, компания «Горизонт» при поддержке Фонда «Экспертный институт социальных исследований». 2025. URL: https://www.zircon.ru/upload/iblock/8c1/Futurologija_i_prognostika_v_Rossii_2025.pdf?sphrase_id=32823 (дата обращения: 29.03.2026).

Сюда включены государственные и региональные центры экспертизы для органов государственной власти, университетские, научные и экспертно-аналитические центры, бизнес-структуры различного уровня со своими корпоративными аналитическими подразделениями, профильные СМИ. Отдельной строкой обозначены эксперты (вероятно, влиятельные, рассеянные по различным сообществам), а также писатели-фантасты (которых в России не так уж и мало).

Если принять за ориентир такую типологию, то становится понятно, что будущее предстает в многоликом, не сводимом к некоему общему знаменателю виде. Изучаемый предмет представляет собой нечто неопределенное, трудноуловимое, не существующее, т. е. приходится иметь дело с предположениями различной степени достоверности и глубины. При этом прогностические расчеты, научные изыскания, управленческие решения, наконец, художественные интервенции воплощаются в самых различных формах, создают палитру оценок, ожиданий, опасений и надежд.

В конце 2025 г. российская библиотека о будущем пополнилась примечательным научным трудом под названием «История и антропология будущего России», вышедшим в Институте этнологии и антропологии РАН. ИЭА РАН, являясь, скорее, историческим академическим подразделением, до последнего времени не числился в разряде структур, специализирующихся в этой сфере, а уж тем более не входил в число флагманов футурологии. Однако в 2023 г. институтом был анонсирован проект «Образы России: проектирование будущего», возглавленный академиком, руководителем научных программ В.А. Тишковым, в рамках которого в течение трех лет была опубликована целая серия работ, в их числе и рецензируемая монография.

Следует отметить, что ее автор – доктор исторических наук, историк, политолог, этносоциолог Т.С. Гузенкова, являющаяся профессором кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений ИМОиПН РГГУ. Ее публикации свидетельствуют о широком диапазоне профессиональных интересов в области истории, теории и методологии науки, политических и этнокультурных процессов прежде всего на постсоветском пространстве.

В предисловии новой книги автор указывает на свой скромный опыт в гуманитарном исследовании феномена будущего. Однако ее интерес к этой теме не выглядит спонтанным и тем более неожиданным, если обратиться к более ранним работам автора, посвященным проблеме футурологического потенциала сугубо ис-

торических дисциплин, ориентированных на изучение этнологии и социально-культурной антропологии [Гузенкова 2018; Гузенкова 2024, с. 51–82].

В этом контексте монография «История и антропология будущего России» представляет собой следующий этап осмысления историко-теоретических, социокультурных и стратегических измерений представления о будущем в России, разворачивавшихся в течение последних полутора столетий – со второй половины XIX в., когда стали активно накапливаться протофутурологические знания с применением научных методов, вплоть до наших дней, отличающихся разнообразием способов не только прогнозирования, но и проектирования перспектив развития.

Автор отмечает междисциплинарный характер исследования, и это не формальная отсылка, продиктованная данью времени, а осознанный выбор, так как сложность и многозначность темы неизбежно требует терминологического и методического объединения различных дисциплин по крайней мере на проблемно-объектом уровне. В данном случае решение поставленных задач велось на стыке таких дисциплин, как история, философия, литературоведение, политология. Работа инкорпорирует историческую ретроспективу, теоретическое обоснование футурологии и прогностики, а также критическую рефлексию современного этапа развития философской мысли о будущем как о социальном феномене.

Наверное, было бы трудно представить себе труд, посвященный будущему и написанный на исходе первой четверти XXI в. без упоминания и использования искусственного интеллекта (ИИ или AI). Автор поступает нетривиально – он вводит ИИ не только как вспомогательный инструмент, но и как полноценного участника исследования – своего рода «соавтора». В книге он выступает субъектом с собственной оптикой: анализируются не столько факты, сколько прогнозы будущего и логика их построения, расставляемые им акценты и выявляемые слепые для анализа зоны. Особенно интересно, как автор сопоставляет разные версии будущего, сгенерированные ИИ, выявляя повторяющиеся паттерны – склонность к технооптимизму в одних сценариях и к осторожному алармизму в других. Такой подход смещает фокус с традиционной футурологии на мета-уровень: мы наблюдаем не только за возможными мирами, но и за тем, как «мыслят» системы, их предсказывающие. Это делает текст одновременно исследованием будущего и исследованием самого механизма предвидения. Органичной частью работы стали сгенерированные нейросетью Midjourney многочисленные иллюстрации (их более 30), которые визуализируют замысел работы и создают особую футуристическую атмосферу.

Важной методологической линией, которой автор старается придерживаться на протяжении всего изложения, можно считать включение российского футурологического компонента в глобальный, хотя, скорее, западный культурно-цивилизационный поток. И это продуктивный подход, так как при всех сложностях и крутых поворотах во взаимодействии с Западом наша страна на всех исторических этапах, включая холодную войну XX в. или санкционную блокаду XXI в., не была изолирована, она испытывала влияние, и сама влияла и продолжает влиять на мировые процессы. Это становится особенно заметно в переломные моменты, к которым несомненно следует отнести фазовый переход от капитализма к социализму на рубеже XIX–XX вв. и реверс в конце XX в.; Вторую мировую войну и главенствующую роль СССР в победе над гитлеровской Германией; значение СССР/России в открытии атомного века и космической эры. В монографии прослеживается двукратная трансформация картины мира и основ жизни для целой страны на протяжении только одного XX столетия, когда будущее «создавалось» и «приближалось» в условиях невиданного социального эксперимента с неимоверным напряжением человеческих сил, творческими прорывами и ошибками, стратегическими выигрышами и просчетами.

Структурно книга выстроена в соответствии с диахронным методом, позволяющим рассмотреть изучаемый предмет в его последовательном историко-динамическом развитии. Автор (вместе с читателем) проходит путь от первых попыток научного футурологического мышления в России до современного понимания глобальных трендов и антропологических вызовов XXI в. Первая глава «*Протофутурология и прогностика в России в конце XIX – начале XX в.*» [Гузенкова 2025, с. 25–52] задает тон всему исследованию, так как в ней раскрывается поиск истоков футурологического мышления, элементы которого обнаруживаются в научном дискурсе задолго до официального выделения футурологии как отдельной сферы знания. Автор исходит из того, что размышления о будущем являются органической частью общественной рефлексии и отражают культурные, технологические и социальные запросы соответствующей эпохи. Переосмысление ранних концептов помогает понять, каким образом представления о будущем переходили из философской и литературной области в сферу научного прогнозирования.

Главы, посвященные эпохе Советского Союза от *ГОЭЛРО до космоса* [Гузенкова 2025, с. 52–85], раскрывают специфику советской проектной культуры, где будущее было не просто объектом размышлений, а предметом государственной стратегии и моби-

лизирующим фактором. В этом контексте автор анализирует социально-политические структуры, конкретные проекты и усилия по предвидению будущего, что даёт читателю понимание того, как планирование и смелые технологические проекты формировали образ будущего в массовом сознании. При этом в книге показывается, что научно-техническая революция, сделавшая Советский Союз в 1950–1960-е гг. ядерной и космической супердержавой, потребовала максимального напряжения человеческих сил и ресурсов и по сути своей стала продолжением мобилизационной экономической модели 1930–1940-х гг. А сам период характеризуется как крайне противоречивый и разноречивый: политическая система и идейная платформа приобретали все более догматические и консервативно-охранительные черты, в то время как техническая мысль в передовых отраслях стратегического значения демонстрировала достижения мирового уровня [Гузенкова 2025, с. 80–81].

Вполне понятный интерес представляют разделы, посвященные анализу прогностического и футурологического потенциала нашей страны в переломный момент (вторая половина 1980-х – 1990-е гг.), включающий в себя период перестройки, распад СССР, становление России в качестве независимого государства. [Гузенкова 2025, с. 107–176]. Понятно, что едва ли было возможно изложить даже в самом кратком виде основные сюжетные линии и концептуальные интерпретации. Отметим, что анализ прогнозно-футуристической составляющей ведется в различных измерениях – управленческом, экспертном и общественном. Автор, опираясь на обширную источниковую и историографическую базу, раскрывает картину того, как видели перспективу выхода из системного кризиса растерянные, потерявшие на какое-то время бразды правления властные структуры и демотивированные, в известной степени обманутые «низы». В монографии показаны идейные искания и дискуссии в среде экспертного сообщества, которые так и не были конвертированы в реформы. Итог перестройки: распад СССР и последовавшие за этим геополитические изменения вовлекли Россию в западный неолиберальный проект на ролях периферии и ресурсного донора [Гузенкова 2025, с. 151–161]. В этом контексте примечательны сюжеты, связанные с проблемой конвергентных процессов, в ходе которых Запад очень скоро буквально навязал России свои геополитические, экономические, образовательные и другие правила, создавая при этом многоуровневый механизм принуждения и контроля. Знаковым событием, по мнению автора, стала речь М.С. Горбачева на 43-й сессии Генассамблеи ООН в декабре 1988 г. В ней были анонсированы (а затем и осуществлены) беспрецедентные уступки

капиталистической системе, которой до этого Советский Союз десятилетиями демонстрировал свое превосходство².

Сквозным компонентом работы выступают разделы, посвященные анализу идей, направлений и тенденций в западной футурологии, так или иначе оказавших влияние на общественное и экспертное мнение в досоветской, советской и постсоветской России. С одной стороны, это позволило увидеть заимствования, инкорпорацию теоретико-методологических и концептуальных наработок. В монографии, например, описывается, под каким впечатлением находились многие российские гуманитарии от работ Збигнева Бжезинского, Фрэнсиса Фукуямы и Сэмюэла Хантингтона, с каким энтузиазмом в России обсуждались в 1990-е гг. новые (немарксистские) подходы к теории модернизации или национализма. С другой стороны, на фоне глобальных трендов более отчетливо проявились особенности отечественного футурологического видения с учетом исторической практики и национального менталитета.

В чем состоят эти особенности? По этому поводу автор размышляет в зависимости от тем, заявленных в соответствующих главах. Так, логика изложения приводит к выводу о том, что общественное сознание в России на протяжении только XX века, сопровождавшегося крушением самодержавия, а затем и коммунистических идеалов, неоднократно претерпевало радикальные изменения. Сломы политической системы, трансформации государственного строя, мобилизационная стратегия развития порождали различного рода контрасты и дихотомии: западничества и славянофильства; социальной утопии и дистопии; модернизма и консерватизма; идеологического догматизма и технического новаторства.

В книге проводится мысль о том, что в условиях прочных этатистских традиций главным «архитектором» будущего в России выступает прежде всего государство. В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос о том, существует ли государственный футуропроект и в чем он состоит. Автор придерживается мнения, которое обосновывается в разделе «Доктринация, стратегическое планирование и прогнозирование развития России» [Гузенкова 2025, с. 298–317], что в документах стратегического планирования и прогнозирования заложены показатели развития по сценарию осторожного оптимизма. А в геополитическом масштабе – позиционирование как ключевого звена в Большой Евразии, технологиче-

² Выступление Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева на 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (7 декабря 1988 г.) // ООН. URL: [https:// news.un.org/ru/audio/2013/02/1002831](https://news.un.org/ru/audio/2013/02/1002831) (дата обращения: 13.03.2026).

ского лидера, «хранителя традиционных ценностей», «защитника Русского мира» [Гузенкова 2025, с. 416].

Важным вкладом автора является обращение к переосмыслению будущего геополитики, экономики, а также глобальных трендов эко- и технофутурологии в XXI в. Включение этих тем делает книгу частью междисциплинарного диалога о будущем человечества в целом. Такое расширение горизонтов необходимо, так как будущее все более определяется не только внутренними национальными параметрами, но и интернациональными вызовами, технологическими революциями, климатическими и демографическими изменениями, которые требуют новых подходов к прогнозированию. В этом контексте представляют интерес сюжеты, связанные искусственным интеллектом (ИИ), которые в монографии анализируются с позиций гуманитарного (философско-социологического) компаративистского подхода. Предметом сравнения стали прогностические реакции на технологическую составляющую ИИ со стороны западного и российского экспертного и политического сообщества. Цифровой переход оценивается как новый «шок будущего», способный повлиять на ряд существенных свойств человека [Гузенкова 2025, с. 298–317].

Безусловной находкой и кульминационным разделом книги представляются главы, посвященные русским утопиям и антиутопиям, а также антропологическим вызовам будущего. Автора интересует вопрос о том, какое место в мировой культуре занимают русские утопии и антиутопии и в чем состоят историко-культурные особенности утопического компонента мышления россиян. Исследование автора обращено к философским, культурным и моральным измерениям представлений о будущем и опирается на широкий пласт отечественной и зарубежной историографии, а также солидный массив источников.

Стремление автора сохранить полноту и аутентичность научных представлений российских и зарубежных ученых о будущем приводит к активному использованию развернутых цитат, что оправдано задачами исследования, хотя в отдельных местах несколько замедляет динамику изложения. Правда, Т.С. Гузенкова отмечает, что «это вполне осознанный и принципиально важный выбор. «Воспроизведение текстуально точных, а не произвольно пересказанных суждений выдающихся мыслителей на все времена или временных лидеров мнения – это возможность услышать подлинные голоса различных эпох» [Гузенкова 2025, с. 24], среди которых особенно явственно слышен голос «русского гения» – ученых, писателей, изобретателей, общественных деятелей, открывавших перспективы отечественного развития.

Работа, безусловно, носит далеко не исчерпывающий характер. Понятно, что в одной книге невозможно детально разобрать отдельные концепции, упомянуть все имена, обеспечив изложение соответствующими библиографическими ссылками. Отдельные рассуждения и выводы автора кажутся спорными и не раскрытыми в полной мере. В частности, на наш взгляд, недостаточно полно раскрыта собственно антропологическая часть заявленной темы. И хотя ей посвящена отдельная 10-я глава «Антропологический вызов будущего: взгляд из России», сама дефиниция предполагает более широкий культурно-исторический, поведенческий, ментальный контекст футурального потенциала того или иного (в данном случае российского) общества. Не следует исключать и то, что автор планирует глубже раскрыть эти аспекты в своих будущих работах.

В целом же монография представляет собой систематическое, логически выстроенное и концептуально насыщенное исследование, которое объединяет исторический анализ, теоретическую рефлексию и стратегическое видение. Работа может стать заметным вкладом в исследования футурологии, стратегического анализа, истории идей и социологии будущего, а также полезным ориентиром для широкой аудитории, интересующейся современной Россией.

Литература

- Гузенкова 2018 – *Гузенкова Т.С.* Будущее как предмет антропологии // Исторические исследования: Журнал исторического факультета МГУ. 2018. № 3 (11). С. 17–34.
- Гузенкова 2024 – *Гузенкова Т.С.* Футурологический потенциал антропологии в эпоху глобальных перемен // Россия: восприятие будущего: Опыт социально-антропологического исследования / А.Л. Андреев, О.Ю. Артемова, Ю.А. Артемова и др.; ред. В.А. Тишков. М: ИЭА РАН, 2024. С. 51–82.
- Гузенкова 2025 – *Гузенкова Т.С.* История и антропология будущего России. М.: ИЭА РАН, 2025. 420 с.

References

- Guzenkova, T.S. (2018), "The future as a subject of anthropology", *Istoricheskie issledovaniya: Zhurnal istoricheskogo fakul'teta MGU*, vol. 11, no. 3, pp. 17–34.
- Guzenkova, T.S. (2024), "Futurological potential of anthropology in the Era of Global Change", in Tishkov, V.A., ed., *Rossiya: vospriyatie budushchego: Opyt sotsial'no-*

antropologicheskogo issledovaniya [Russia: perception of the future. Experience of social-anthropological research], IEA RAN, Moscow, Russia, pp. 51–82.

Guzenkova, T.S. (2025), *Istoriya i antropologiya budushchego Rossii* [History and anthropology of Russia's future], IEA RAS, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Наталья В. Давлетшина, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; davletshina.nv@rggu.ru

Information about the author

Natalia V. Davletshina, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; davletshina.nv@rggu.ru

УДК 93/94(73)

DOI: 10.28995/2073-6339-2026-4-236-245

Тематический ландшафт и методологический арсенал
современной российской американистики:
обзор научной конференции «США-250:
история, политика, память»
(ИСКРАН – РГГУ, Москва, 15–17 апреля 2026 г.)

Иван А. Цветков

*Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия,
ivan558@mail.ru*

Для цитирования: Цветков И.А. Тематический ландшафт и методологический арсенал современной российской американистики: обзор научной конференции «США-250: история, политика, память» (ИСКРАН – РГГУ, Москва, 15–17 апреля 2026 г.) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 4. С. 236–245. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-4-236-245

Thematic landscape and methodological arsenal
of contemporary Russian American Studies:
a review of the academic conference “USA-250:
History, Politics, Memory”
(ISKRAN – RSUH, Moscow, April 15–17, 2026)

Ivan A. Tsvetkov

*Institute of World History, Russian Academy of Science,
Moscow, Russia, ivan558@mail.ru*

For citation: Tsvetkov, I.A. (2026), “Thematic landscape and methodological arsenal of contemporary Russian American Studies: a review of the academic conference ‘USA-250: History, Politics, Memory’ (ISKRAN – RSUH, Moscow, April 15–17, 2026)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations» Series*, no. 4, pp. 236–245, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-4-236-245

Большая научная конференция – это всегда не только сумма прозвучавших докладов, но и диагностический срез состояния дисциплины. Всероссийская конференция «США-250: история, политика, память», приуроченная к очередной годовщине образования американского государства и собравшая в Москве историков, политологов, филологов и антропологов из академических институтов и университетов шести городов, стала именно таким срезом – коллективной попыткой осмыслить, чем живет российская американистика сегодня, какие вопросы ставит перед собой и с помощью каких инструментов на них отвечает¹. Панорама почти пятидесяти выступлений, охватившая диапазон от внешней политики Трампа до анализа архитектурных фризів Верховного суда, от интеллектуальных биографий американских коммунистов до эпистолярных практик Американской революции, позволяет увидеть дисциплину в ее нынешней зрелости, внутренней сложности и, неизбежно, в ее лакунах.

Первый день конференции прошел в стенах Института США и Канады им. Г.А. Арбатова. Открывшая форум и. о. директора ИСКРАН Н.А. Цветкова, руководители ведущих академических институтов – ИВИ РАН, Института Китая и современной Азии, Института Европы, Института Латинской Америки, а также присутствовавшие на заседании представители внешнеполитических ведомств России и США, были единодушны в утверждении: как бы ни складывалась политическая конъюнктура, академическое сотрудничество и каналы профессиональной коммуникации необходимо сохранять.

Центральной темой, заданной на пленарном заседании 16 апреля, стала деконструкция концепта американской исключительности: не в духе популистского антиамериканизма, а в аналитическом ключе, с целью уточнения обстоятельств его возникновения, механизмов воспроизводства и современных парадоксов. Ректор РГГУ А.В. Логинов сформулировал проблему с афористической точностью: если американская модель абсолютно уникальна, то почему США требуют от остального мира полного подчинения и слепого копирования? По существу, вся конференция стала развернутым ответом на этот вопрос, презентацией различных версий понимания внутренней логики американского мессианства.

¹ Доклады участников будут опубликованы в нескольких номерах журналов: «Россия и Америка в XXI веке», «США и Канада: экономика, политика, культура», «Вестник РГГУ. Серия «История. Политология. Международные отношения».

Научный руководитель ИВИ РАН, академик А.О. Чубарьян задал макроисторическую рамку, предложив трактовать «трампизм» не как экстравагантную аберрацию, но как структурное следствие осознания элитами США утраты статуса единоличного глобального арбитра: лозунг о «возвращении величия» есть, по его выражению, «фактическое признание потери лидерских позиций». Такой взгляд принципиально отличен от эмоционально нагруженных интерпретаций, доминирующих сегодня и в российском, и в западном публичном пространстве, и в этом, на наш взгляд, состоит одно из преимуществ современной российской американистики: в ее способности удерживать аналитическую дистанцию.

Особого внимания в этом контексте заслуживает пленарный доклад В.И. Журавлевой (РГГУ) «Россия-1776: американская феноменология Русской революции», выступление, в котором ключевой для конференции концепт «зеркала» получил наиболее полное и теоретически отрефлексированное воплощение. В докладе было показано, как американское восприятие русских революций 1905 и 1917 гг. колебалось между полюсами романтической эйфории (Статуя Свободы на русском медведе) и глубокого разочарования, и, что особенно важно, как те же смысловые шаблоны были воспроизведены в 1990-е гг., с Б.Н. Ельциным в роли нового «русского Линкольна». Итоговый вывод исследовательницы: «Изучая, интерпретируя и даже мифологизируя чужие революции, Соединенные Штаты во многом рефлексировали о собственной исключительности и проецируют на мир собственные идеологические конструкты». Именно эта тема: Америка как зеркало, в которое российская наука всматривается, чтобы лучше понять не столько предмет изучения, сколько самих себя, – звучала в разных регистрах на протяжении всей конференции, от программного выступления В.Н. Гарбузова («познавая Другого, мы неизбежно лучше узнаем самих себя») до заключительного вывода доклада В.О. Печатнова (МГИМО).

Выступление В.О. Печатнова стало примером аналитической глубины, достигаемой на пересечении политической истории, интеллектуальной биографии и философской эссеистики. Его воображаемый диалог с отцами-основателями (что бы сказали Джефферсон, Мэдисон и Гамильтон, взглянув на сегодняшнюю Америку) привел к парадоксальному выводу: при всей внешней неузнаваемости современных реалий политическая суть происходящего их вряд ли удивила бы. Отцы-основатели, подчеркнул докладчик, были жесткими прагматиками, конструировавшими государство не от утопии «нового человека», а от реальных человеческих пороков: «склонность человека к справедливости делает демократию возможной, а склонность к несправедливости – необ-

ходимой». Главной трагедией современной Америки Печатнов назвал уничтожение меритократических «фильтров» – институтов, которые, по замыслу создателей Конституции, должны были «очищать и облагораживать сырую волю народа». Социальные сети, по его оценке, нанесли решающий удар по этим предохранительным механизмам, дав демагогам прямой, ничем не ограниченный выход на массовую аудиторию и подорвав «любую иерархию, экспертный авторитет и меритократию». Приведенная в докладе цитата из Мэдисона (о том, что если в одном человеке соединятся жажда власти и жажда денег, он свернет горы, чтобы получить высший пост, опираясь на толпу необузданных сторонников) звучит как пророчество, исполняющееся на наших глазах.

Методологический инструментарий, представленный на конференции, отличался разнообразием, что свидетельствует о наконец-то состоявшемся превращении принципа междисциплинарности из лозунга в академическую реальность. Сильной стороной российской американистики, отчетливо проявившейся в докладах, является и ее концептуальная смелость: готовность формулировать новые понятия и аналитические модели, претендующие на объяснительную силу далеко за пределами конкретно-исторических сюжетов. А.И. Кубышкин (СПбГУ) ввел в оборот категорию «ирреволюции» (состояния, при котором протест нивелируется, а понятие социальной революции как системного слома подменяется квазиреволюционной риторикой) и выстроил на этой основе объяснение того, почему американская политическая система, несмотря на колоссальный конфликтный потенциал, демонстрирует исключительную устойчивость. «Реальная революция в США, – резюмировал Кубышкин, – исключена, а левая мысль оказалась изолирована в университетских аудиториях, став уделом интеллектуалов поколения 1968 года».

Доклад Д.М. Бондаренко (Институт востоковедения РАН) «Наследие Революции глазами африкано-американцев» – пример того, как полевая антропология (интервью и беседы, собранные в ходе двух раундов полевой работы в 2013–2015 и 2021–2022 гг.) способна дать объемное, стереоскопическое изображение исторической памяти, ускользающее при традиционном анализе официальных документов. При этом исследователь зафиксировал парадокс, заслуживающий отдельного внимания: сами африкано-американцы обеспокоены тем, что сведение их прошлого «исключительно к истории угнетения и борьбы с ним искажает и обедняет их подлинное наследие».

И.А. Цветков (ИВИ РАН) в докладе о «воображаемом Китае» жителей колониальной Северной Америки использовал инстру-

ментарий цифровой гуманитаристики (нейросетевой анализ колониальной периодики), с тем чтобы показать: потребление китайских товаров служило маркером политической фронды и механизмом сепарации от британской метрополии еще до 1776 г. Р.Р. Романов (РГГУ) обратил внимание на любопытную деталь: на восточном фронтоне здания Верховного суда США Конфуций стоит в одном ряду с Моисеем и Солоном, что отлично иллюстрирует тезис о важности китайских политических идей как элемента самоопределения американской элиты. Хотя само здание было построено в 1930-е гг., из других источников мы узнаем о гораздо более ранних примерах восприятия идейного наследия Конфуция в Северной Америке.

Методологическая палитра докладов, подготовленных на базе дискурс-анализа, не менее показательна. И.М. Тарбеев (ИВИ РАН / РГГУ) в выступлении, озаглавленном «Преданные идеалы: Американская революция глазами советских американистов», применил теорию «ориентализации» Э. Саида к советской пропаганде: отечественные эксперты присваивали себе роль подлинных хранителей революционных идеалов, которые сами американцы якобы предали. Этот концептуальный ход – вскрытие зеркальной симметрии между западным ориентализмом и советским дискурсом о США – принадлежит к числу наиболее интересных, хотя и не бесспорных, теоретических результатов конференции. В том же методологическом ключе А.С. Карбовский (независимый исследователь) проанализировал реконфигурацию медийного дискурса о Европе после смены президентской администрации в США, проследив, как нарратив эпохи Байдена («Америка вернулась») сменился «риторикой сделок», в которой Старый Свет предстает не союзником по ценностям, а «клиентом и покупателем американского газа». Европа в новых американских медиа описывается языком бухгалтерского учета, что свидетельствует о завершении эпохи «романтического трансатлантизма» и переходе к жесткому меркантилизму.

А.А. Новиков (РГГУ), в свою очередь, предложил концепт «Анти-1776» – символического антипода американского революционного мифа, и показал: образ иранской революции 1979 г. конструируется в американском публичном дискурсе как структурная калька с событий Войны за независимость, где иранский народ выступает в роли угнетаемых американских колонистов, а иранское правительство – в роли тирана, короля Георга. Этот доклад наглядно демонстрирует, что бесконечный спор об Иране остается для США своеобразным сеансом национального психоанализа.

Заслуживает внимания и способность российских американистов выстраивать панорамные, многовековые объяснительные схемы, в которых события XVIII в. прочитываются как ключ к пониманию сегодняшних кризисов. В.Н. Гарбузов (ИСКРАН) развернул концепцию «неформальной империи», объяснив уникальность американской гегемонии через тотальное взаимное проникновение: «Америка инкорпорировала себя в остальной мир, а мир инкорпорировался в Америку». Его типология глобальных реакций на американское доминирование (атлантическая, радикально-антиамериканская, советская и китайская модели) дает отличную базу для размышлений о вариантах будущей конфигурации международной системы, реализуемых в зависимости от отношения ее участников к ослабевшему гегемону.

Л.В. Байбакова (МГУ) провела линию от Декларации независимости 1776 г. к современному кризису международного права: принцип самоопределения наций, заявленный отцами-основателями, превратился, по ее оценке, в «ящик Пандоры» – инструмент, применение которого целиком зависит от политической конъюнктуры. Приведенная ею статистика примечательна: сегодня движения за политическое обособление фиксируются почти в 25 штатах, а более 60% американцев считают сецессию своим законным конституционным правом.

Г.Е. Гиголаев (ИВИ РАН) проследил, как революционный лозунг свободы судоходства, рожденный травмой британской морской блокады, за два столетия трансформировался в жесткий геополитический инструмент отстаивания американского доминирования, вплоть до того, что Вашингтон, отказавшись ратифицировать Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г., сумел закрепить выгодные ему навигационные статьи в статусе норм обычного права.

А.В. Левченко (МГИМО), опираясь на концепт «асимметричного альянса», показала, что структурная зависимость Европы от США в военной и технологической сферах настолько глубока, что даже самые острые трансатлантические разногласия (как в случае с иранской ядерной сделкой) разрешаются в пользу Вашингтона. Эта оптика: прослеживание *longue durée*, длинных исторических траекторий, составляет одно из главных конкурентных преимуществ российской исторической школы.

Помимо макроисторических и политологических сюжетов, конференция дала богатый материал для размышлений о том, как конструируется и транслируется историческая память об Американской революции, тема, к которой обратились сразу несколько докладчиков. К.В. Минкова (СПбГУ) на примере четырех юбилеев

Дня независимости (1826, 1876, 1926 и 1976 гг.) проследила, как коммеморативные практики эволюционировали от локальных городских собраний к масштабным международным мероприятиям и далее к сложной общественной рефлексии на фоне «вьетнамского синдрома». Л.М. Троицкая (ИВИ РАН) детально реконструировала Филадельфийскую выставку 1876 г.: столетний юбилей стал не столько данью уважения отцам-основателям, сколько демонстрацией технологической и промышленной мощи, а гигантский паровой двигатель Корлисса, приводивший в движение все машины выставки, оказался более убедительным символом американского величия, чем Декларация независимости. Г.В. Александров (НИУ ВШЭ) предложил анализ современной «войны памяти» между «Проектом 1619» и «Комиссией 1776» (двумя конкурирующими историческими нарративами) и пришел к выводу, что прежняя объединительная коммеморативная модель разрушена и американскому обществу предстоит учиться сосуществованию множества версий собственного прошлого.

Значимой особенностью конференции стало активное обращение к гендерному измерению американской истории и к микроисторическим сюжетам. И.В. Морозова (РГГУ) на материале драматургии Мерси Отис Уоррен показала: интеллектуальное творчество политически активных женщин эпохи революции было не просто отражением событий, но и активным инструментом переосмысления истоков нации. Театральная драматургия превращалась в оружие патриотов, а категория свободы трактовалась как высшая моральная добродетель. В.А. Аванская (ИВИ РАН) обратилась к сюжету, на первый взгляд частному: утилитарный навык ведения переписки. В колониальной Америке он стал механизмом социальной стратификации и обретения политической субъектности для тех, кто был исключен из официальных институтов, – прежде всего для женщин, чьи эпистолярные практики служили формой участия в государственных делах. Призыв Абигейл Адамс “Remember the ladies”, сформулированный в частном письме мужу, предстает в этой оптике не историческим курьезом, а ранним манифестом женского политического голоса. Методологическая полемика, развернувшаяся после этих докладов (о соотношении классового и просвещенческого факторов в расцвете эпистолярной культуры, о границах применимости социально-экономических объяснений к интеллектуальной истории), показала готовность российских ученых к продуктивному междисциплинарному спору.

Конференция позволила увидеть и определенные лакуны, которые сама дисциплина способна артикулировать, что само по себе свидетельствует о ее зрелости. Наиболее отчетливая из них:

недостаток внимания к американскому федерализму как самостоятельному предмету исследования. Как справедливо заметил в ходе круглого стола М.И. Рыхтик (ННГУ), российская наука традиционно сфокусирована на федеральном центре, однако именно штаты и локальный уровень обладают уникальным потенциалом, из которого могут проистекать реальные изменения. Кроме того, при впечатляющем тематическом охвате некоторые сюжеты остались лишь намеченными: экономическая история революционной эпохи, роль религиозных движений за пределами мейнстримного протестантизма, сравнительный анализ североамериканского и латиноамериканского путей деколонизации. Впрочем, доклады директора Института Латинской Америки Д.М. Розенталя о современном восприятии США в регионе и А.С. Бушова (ННГУ) о доктрине Монро и ее актуальных трансформациях свидетельствуют, что латиноамериканское измерение не упущено из виду: классическая внешнеполитическая матрица XIX в., как было показано, адаптируется под задачи внутренней консолидации американского общества, включая борьбу за голоса латиноамериканских избирателей внутри самих США.

Историографическая рефлексия, пронизывавшая многие выступления, подтверждает: российская американистика находится на новом витке критического переосмысления собственного советского наследия – не в модусе тотального отторжения, а в режиме извлечения актуальных уроков. Доклад А.Е. Фельдта (САФУ) о марксистском историке Дж. Харди (за псевдонимом которого скрывался профсоюзный деятель Дейл Зисман), наглядная иллюстрация того, как образы отцов-основателей адаптировались под нужды конкретного политического момента и становились полем жесткой идеологической борьбы внутри американского общества 1930-х гг. Советская рецензия на книгу Харди, как выяснилось, упрекала автора в недостаточной марксистской ортодоксальности: иллюстрация того, насколько сложным было взаимодействие левых интеллектуальных традиций по обе стороны Атлантики.

Доклад М.А. Филимоновой (КГУ) о лоялистской пропаганде вернул в научный оборот голоса проигравших – тех, кто видел в Американской революции не триумфальное шествие демократических идей, а ожесточенную информационную войну, в которой британская корона умело эксплуатировала лицемерие рабовладельцев, кричащих о свободе. Выступление А.Б. Окуня (Самарский университет) о «Боевом гимне Республики» – возможно, самый неожиданный сюжет конференции – позволило увидеть, как одна и та же мелодия служит смысловой матрицей для диаметрально противоположных политических сил: от аболиционистов до белых

супрематистов, от радикальных феминисток до оправдывавших военные преступления консерваторов. Эти доклады, разные по тематике и методу, объединяет общая установка: стремление видеть американскую историю не как монолит, а как поле непрекращающейся борьбы интерпретаций.

Куда же движется российская американистика? Конференция позволяет наметить несколько векторов. Первый: от американоцентризма к полицентричным, транстихоокеанским и трансатлантическим сравнениям. Доклады показали, что Американская революция не может быть понята вне канадского, китайского и латиноамериканского контекстов. Ю.Г. Акимов (СПбГУ), проследив 250-летнюю историю американских притязаний на Канаду, сформулировал изящный парадокс: современная Канада существует благодаря США, но одновременно и вопреки им.

Второй вектор: от макроистории к синтезу с антропологией и микроисторией. Выступления В.А. Аванской, И.В. Морозовой и Т.В. Алентьевой (КГУ) продемонстрировали, как повседневные практики (от написания писем до исторической реконструкции в национальных парках) конструируют ткань национальной идентичности.

Третий, и, вероятно, наиболее важный: от вновь проявившей себя в XXI в. идеологической заданности (в духе официального антиамериканизма) – к критической рефлексии. Российские ученые, несмотря на политические обстоятельства, сохраняют способность смотреть на Соединенные Штаты не как на объект для обличения или, напротив, подражания, но как на сложную, внутренне противоречивую цивилизацию, изучение которой есть одновременно и способ самопознания. Подводя итоги конференции, самые разные специалисты, от О.В. Павленко (РГГУ), проанализировавшей фрагментацию европейского единства под американским давлением, до В.Ю. Журавлевой (ИМЭМО РАН), детально разобравшей аффективную поляризацию и институциональный паралич в Конгрессе, – подтвердили этот настрой. Российская американистика не ищет простых ответов. Она методично наращивает междисциплинарный инструментарий, осваивает новые исследовательские практики и, что особенно важно, демонстрирует преемственность поколений: тот факт, что наряду с академиками и профессорами в дискуссиях активно участвовали аспиранты и студенты, свидетельствует о жизнеспособности дисциплины и наличии у нее серьезного кадрового потенциала для дальнейшего развития.

Информация об авторе

Иван А. Цветков, кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а; ivan558@mail.ru

Information about the author

Ivan A. Tsvetkov, Cand. of Sci. (History), Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 32a, Leninsky Av., Moscow, Russia, 119334; ivan558@mail.ru

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Политология. История. Международные отношения»
№ 4
2026

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
Ж.П. Григорьева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской,
Миусская пл., д. 6, стр. 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.
Периодическое печатное издание

Подписано в печать 07.10.2026

Выход в свет 14.10.2026

Формат 60×90 ¹/₁₆

Уч.-изд. л. 13,9. Усл. печ. л. 15,4

Тираж 1050 экз. Свободная цена

Заказ № 2416

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6
www.rsuh.ru